

Министерство образования и науки Украины
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

Квалификационная научная работа
на правах рукописи

ТУПЧИЙ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА

УДК 821.161.1:81'373.235:316.772.2(410.1)“15/18”

ДИССЕРТАЦИЯ

ОБРАЗ АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVI –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.: ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

10.02.02 – русский язык

Подается на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Диссертация содержит результаты собственных достижений. Использование
идей, результатов и текстов других авторов содержат ссылки на
соответствующие источники

_____ А. В. Тупчий

Научный руководитель –

доктор филологических наук,

профессор Л. П. Иванова

Киев – 2018

АННОТАЦИЯ

Тупчий А. В. Образ Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX вв.: лингвоимагологический аспект – Квалификационная научная работа на правах рукописи.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности «10.02.02 – русский язык» – Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова, Институт языкознания им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, 2018.

В диссертации осуществлен анализ образа Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX вв. в русле нового направления языкознания – лингвоимагологии. Лингвоимагологический аспект подразумевает, прежде всего, оценку образа Англии в русскоязычных источниках, ее вербализацию, а также динамику данной оценки в течение указанного периода, что является новым подходом к анализу образа страны.

Был разработан и применен метод лингвоимагологической интерпретации текста. При помощи данного метода выявляется связь значения слова с реалиями исследуемого периода, прослеживаются исторические изменения, пройденные первичной формой и значением слова, отображается динамика изменения слов и понятий. Основопологающей для данного метода является оценка и характеристика лексики (оценка лексики по силе эмоциональности, по направленности (положительной либо отрицательной)). Оценка лексики автором выявляется через морфологические, синтаксические и стилистические особенности текста. Также важнейшим фактором является личность автора текста, то есть личность оценивающего, так как одно и то же явление разные авторы могут оценивать как схоже, так и различно. В данном контексте использована концепция о вариантности и инвариантности. Оценка рассматривается в следующих аспектах: а) оценка авторами исследуемых текстов (реципиентами) стран и их жителей; б) оценка автором диссертации указанных реципиентов и их текстов, то есть оценка оценивающих и того, что они характеризовали.

Репрезентация образа Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX веков была осуществлена на основе следующих лингвистических категорий: 1. Прецедентные феномены, которые включают а) прецедентные имена (антропонимы и топонимы), прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные тексты; б) логоэпистемы; 2. Заимствования, которые включают а) языковые заимствования; б) межкультурные заимствования; 3. Этномифологемы, миниэтномифологемы в их составе.

Проанализированы прецедентные феномены, репрезентирующие образ Англии, определены их особенности. В целях более точного анализа к классификации уровней (автопрецедентные, социумные, национальные, универсальные) введен новый, национально-социумный уровень.

Национально-социумный уровень в нашей работе относится к прецедентным феноменам, бывшим широко известными в среде образованного населения России. Уровень прецедентности имен-антропонимов чаще всего обозначен как национально-социумный, реже – социумный. Проанализировать динамику развития указанных прецедентных имен, то есть рассмотреть их в диахронии, не всегда представлялось возможным, так как доступные материалы содержат в основном примеры из текстов конца XVIII – XIX веков. Более ранние рассматриваемые тексты не содержат указанные имена англичан и их характеристики. Иногда прецедентные имена невозможно рассмотреть в диахронии, так как рассматриваются имена современников авторов текстов, и мы располагаем материалами только XIX века.

Уровень прецедентности имен политиков и общественных деятелей имеет тенденцию понижаться с годами. Уровень прецедентности имен поэтов, писателей, ученых, а также героев произведений, в основном, более стабилен. Для антропонимов «Ловелас», «Гамлет» характерно употребление их с течением времени все более коннотативно, а не денотативно. Уровень прецедентности имен - топонимов обозначен как социумный и национально-социумный. Анализ показал, что уровень прецедентности прецедентных имен - топонимов в течение

периода с конца XVI – первой половины XIX веков повышался.

Из всего возможного многообразия словосочетаний с компонентом «английский» вычленены и оформлены в виде логоэпистем 5 словосочетаний. Поводом для их оформления стали такие факторы как частота упоминания данных словосочетаний и насыщенность оценочной лексики, что свидетельствует о значимости данных логоэпистем для русского языкового сознания. Логоэпистемы английского происхождения свидетельствуют об аккумулированном знании фактов и реалий английской культуры носителями русского языкового сознания. Обращение к таким фактам и реалиям и их заимствование служат аргументом в пользу значимости образа Англии для русского языкового сознания исследуемого периода. Осуществлен анализ динамики развития данных прецедентных феноменов в течение исследуемого периода.

Проанализированы заимствования, репрезентирующие образ Англии, выявлена и отображена динамика их развития в исследуемый период. Рассмотренные заимствования систематизированы на основе следующих классификаций: 1. Классификация по вербальности (языковые и неязыковые, то есть, межкультурные заимствования, представленные в исследовании кинемой). 2. Тематическая классификация. 3. Общая классификация иноязычной лексики (заимствованные слова, экзотическая лексика (или экзотизмы), иноязычные вкрапления (или варваризмы). 4. Алфавитная классификация. Алфавитный перечень используется в пределах тематической группы 5. Классификация по способам заимствования: транскрипция, транслитерация, калькирование и семантическое заимствование. 6. Классификация по этапам заимствования: 1) проникновение 2) собственно заимствование 3) укоренение.

Представлены следующие рубрики: Человек. Характер и настроение; Названия блюд и напитков; Человек. Этнические инвективы; Человек. Статусные и титульные наименования; Социально-культурные явления; Морская лексика; Названия карточных игр; Названия предметов одежды; Транспорт.

Проанализированы этнонимы, репрезентирующие образ Англии. С целью более детального описания и систематизации иллюстративного материала, в пределах этнонимов были вычленены миниэтнонимы. Было выявлено соотношение этнонимов и миниэтнонимов, прослежена динамика их изменения в течение исследуемого периода.

Были вычленены и проанализированы 13 миниэтнонимов. Из них в составе этнонимов «англичанин» – 5: «англичанин-джентльмен», «англичанин-чудак», «гордый англичанин», «пьющий англичанин», «тихий англичанин»; в составе этнонимов «англичанка» – 8: «англичанка-леди», «англичанка-девка», «англичанка-гувернантка», «англичанка-женщина из низкого сословия», «англичанка-чудачка», «любопытная англичанка», «прекрасная англичанка», «семейная англичанка». Состав используемого материала, большое количество примеров позволил вычленить именно указанные миниэтнонимы. Компоненты этнонимов «англичанин» более стабильны во времени по сравнению с компонентами этнонимов «англичанка», и некоторые из них функционировали в XVIII, XIX, XX, XXI веках.

Выявлены семантические неологизмы английского происхождения. Данные понятия частично или полностью изменили лексическое значение, наполнились новым смыслом в наше время по сравнению с исследуемым периодом.

Были проанализированы особенности индивидуальной оценки авторами образа Англии (вариантов) и совокупность их оценок, составляющих образ Англии в русском языковом сознании исследуемого периода (инварианта). Большинство авторов исследуемых текстов являлись яркими представителями общественно-политической жизни России, одаренными литераторами, совокупность их индивидуальных оценок репрезентирует образ Англии в лингвоимагологическом аспекте.

Выявлено: образ Англии в русском языковом сознании начал формироваться в конце XVI века. К данному периоду относятся первые

значительные отраженные в текстах упоминания Англии, англичан, реалий их жизни. Расцвет важности образа Англии для русского языкового сознания приходился на середину XIX века, что доказывает анализ лексических категорий и их значимость.

Ключевые слова: Англия, лингвоимагология, образ, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация, логоэпистема, заимствование, этномифологема, миниэтномифологема.

АНОТАЦІЯ

Тупчий О. В. Образ Англії в російській мовній свідомості кінця XVI – першої половини XIX ст.: лінгвоімагологічний аспект – Кваліфікаційна наукова праця на правах рукопису.

Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук за спеціальністю «10.02.02 – російська мова» – Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні Національної академії наук України, Київ, 2018.

У дисертації здійснено аналіз образу Англії в російській мовній свідомості кінця XVI – першої половини XIX ст. в руслі нового напрямку мовознавства – лінгвоімагології. Лінгвоімагологічний аспект передбачає, насамперед, оцінку образу Англії в російськомовних джерелах, її мовне втілення, а також динаміку даної оцінки протягом зазначеного періоду, що є новим підходом до аналізу образу країни.

Був розроблений метод лінгвоімагологічної інтерпретації тексту. За допомогою даного методу виявляється зв'язок значення слова з реаліями досліджуваного періоду, простежуються історичні зміни, пережиті первинною формою і значенням слова, відображається динаміка зміни слів і понять. Основною для даного методу є оцінка та характеристика лексики (оцінка лексики за силою емоційності, за спрямованістю (позитивною або негативною)). Оцінка лексики автором з'ясовується завдяки морфологічним, синтаксичним та стилістичним особливостям тексту. Також найважливішим фактором є особистість автора тексту, тобто особистості, що оцінює, оскільки одне й те саме явище різні автори можуть оцінювати як дуже схоже, так і по-різному. В даному контексті використана концепція про варіантність і інваріантність. Оцінка розглядається в таких аспектах: а) оцінка авторами досліджуваних текстів (реципієнтами) країн і їх жителів; б) оцінка автором дисертації зазначених реципієнтів і їхніх текстів, тобто оцінка тих, що оцінюють, і того, що вони характеризували.

Репрезентація образу Англії в російській мовній свідомості кінця XVI –

першої половини XIX століття була здійснена на основі таких лінгвістичних категорій: 1. Прецедентні феномени, що включають а) прецедентні імена (антропоніми і топоніми), прецедентні висловлювання, прецедентні ситуації, прецедентні тексти; б) логоепістеми; 2. Запозичення, що включають а) мовні запозичення; б) немовні міжкультурні запозичення. 3. Етноміфологеми і мініетноміфологеми у їх складі.

Проаналізовано прецедентні феномени, що репрезентують образ Англії, визначені їх рівні. З метою більш точного аналізу до класифікації рівнів (автопрецедентний, соціумний, національний, універсальний) був доданий проміжний рівень – національно-соціумний рівень прецедентних феноменів.

Новий рівень, національно-соціумний в нашій роботі відноситься до прецедентних феноменів, що були широко відомими в середовищі освіченого населення Росії. Рівень прецедентності імен-антропонімів найчастіше позначений як національно-соціумний, рідше – соціумний. Проаналізувати динаміку розвитку зазначених прецедентних імен, тобто розглянути їх в діяхронії, не завжди було можливим, оскільки доступні матеріали містять в основному приклади з текстів кінця XVIII – XIX століть. Більш ранні тексти не містять зазначені імена англійців і їх характеристики. Іноді прецедентні імена неможливо розглянути в діяхронії, тому що розглядаються імена сучасників авторів текстів, і ми маємо в своєму розпорядженні матеріали тільки XIX століття.

Рівень прецедентності імен політиків і громадських діячів має тенденцію знижуватися з роками. Рівень прецедентності імен поетів, письменників, вчених, а також героїв творів, в основному, більш стабільний. Для антропонімів «Ловелас», «Гамлет» характерно вживання їх з плином часу все більше коннотативно, а не денотативно. Рівень прецедентних імен-топонімів позначений як соціумний і національно-соціумний. Аналіз показав, що рівень прецедентності прецедентних імен-топонімів протягом періоду з кінця XVI – першої половини XIX століть підвищувався.

З усього можливого різноманіття словосполучень з компонентом

«англійська» виокремлено і оформлено у вигляді логоепістем 5 словосполучень. Приводом для їх виокремлення стали такі фактори як частота згадування даних словосполучень і насиченість оціночної лексики, що свідчить про значення даних логоепістем для російської мовної свідомості. Логоепістеми англійського походження свідчать про акумульоване знання фактів і реалій англійської культури носіями російської мовної свідомості. Звернення до таких фактів і реалій і їх запозичення служать аргументом на користь важливості образу Англії для російської мовної свідомості досліджуваного періоду. Здійснено аналіз динаміки розвитку даних прецедентних феноменів протягом досліджуваного періоду.

Проаналізовано запозичення, що репрезентують образ Англії, виявлена і відображена динаміка їх розвитку в російській мовній свідомості досліджуваного періоду. Розглянуті запозичення систематизовані на основі наступних класифікацій: 1. Класифікація за вербальністю (мовні і немовні, тобто, міжкультурні запозичення, представлені в дослідженні кинемою). 2. Тематична класифікація. 3. Загальна класифікація іншомовної лексики (запозичені слова, екзотична лексика (або екзотизми), іншомовні вкраплення (або варваризми). 4. Алфавітна класифікація. Алфавітний перелік використовується в межах тематичної групи. 5. Класифікація за способами запозичення: транскрипція, транслітерація, калькування і семантичне запозичення. 6. Класифікація за етапами запозичення: 1) проникнення 2) власне запозичення 3) укорінення.

Представлені наступні рубрики: Людина. Характер і настрої; Назви страв і напоїв; Людина. Етнічні інвективи; Людина. Статусні і титульні найменування; Соціально-культурні явища; Морська лексика; Назви карткових ігор; Назви предметів одягу; Транспорт.

Проаналізовано етноміфологеми, що репрезентують образ Англії. З метою більш детального опису та систематизації ілюстративного матеріалу, в межах етноміфологем були виокремлено мініетноміфологеми. Було виявлено співвідношення етноміфологем і мініетноміфологем, простежено динаміку їх

змін протягом досліджуваного періоду.

Були виокремлені і проаналізовані 13 мініетноміфологем. З них в складі етноміфологеми «англієць» – 5: «англієць-джентльмен», «англієць-дивак», «гордий англієць», «англієць, що п'є», «тихий англієць»; в складі етноміфологеми «англійка» – 8: «англійка-леді», «англійка-дівка», «англійка-гувернантка», «англійка-жінка з низького соціального прошарку», «англійка-дивачка», «допитлива англійка», «прекрасна англійка», «сімейна англійка». Склад використаного матеріалу, велика кількість прикладів дозволив виокремити саме зазначені мініетноміфологеми. Компоненти етноміфологеми «англієць» більш стабільні в часі в порівнянні з компонентами етноміфологеми «англійка», і деякі з них функціонували в XVIII, XIX, XX, XXI століттях.

Виявлено семантичні неологізми англійського походження. Дані поняття частково або повністю змінили лексичне значення, наповнилися новим змістом в наш час в порівнянні з досліджуваним періодом.

Було проаналізовано особливості індивідуальної оцінки авторами образу Англії (варіантів) і сукупність їх оцінок, що становлять образ Англії в російській мовній свідомості досліджуваного періоду (інваріанта). Більшість авторів досліджуваних текстів були яскравими представниками суспільно-політичного життя Росії, обдарованими літераторами, сукупність їх індивідуальних оцінок несе особливе значення для формування образу Англії в лінгвоімагологічному аспекті.

Виявлено: образ Англії в російській мовній свідомості почав формуватися в кінці XVI століття. До цього періоду належать перші значні, відображені в текстах згадки Англії, англійців, реалій їхнього життя. Найбільша важливість образу Англії для російської мовної свідомості припадала на середину XIX століття, що доводить аналіз лексичних категорій і їх значущість.

Ключові слова: Англія, лінгвоімагологія, образ, прецедентне ім'я, прецедентне висловлювання, прецедентний текст, прецедентна ситуація, логоепістема, запозичення, етноміфологема, мініетноміфологема.

ABSTRACT

Tupchiy A.V. The image of England in the Russian linguistic consciousness of the late XVI – first half of the XIX centuries: linguoimagological aspect – Qualifying Academic Paper. Manuscript.

Thesis for the degree of Candidate of Philology (Ph.D.) in specialty 10.02.02 – Russian language – M. P. Dragomanov National Pedagogical University, A. A. Potebnya Institute of Linguistics by National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, 2018.

The dissertation analyzes the image of England in the Russian language consciousness of the late 16th – first half of the 19th century in the mainstream of the new direction of linguistics – linguoimagology. The linguoimagological aspect implies, first of all, an assessment of the image of England in Russian-language sources, as well as the dynamic of this assessment during this period, which is a new approach to the image of the country analysis.

The method of linguoimagological interpretation of the text has been developed. With the help of this technique, the connection between the meaning of the word and the realities of the period under investigation is revealed, historical changes experienced by the primary form and meaning of the word are traced, the dynamic of the change of words and concepts is displayed. The basis for this technique is the evaluation and characterization of vocabulary (assessment of vocabulary by the strength of emotionality, by direction (positive or negative)). Assessment of the lexicon by the author is revealed through morphological, syntactic and stylistic features of the text. Also the most important factor is the identity of the author of the text, that is, the evaluator's personality, as different authors can evaluate the same phenomenon very similarly or differently. In this context, the concept of variance and invariance is used. The evaluation is considered in the following aspects: a) the authors' evaluation of the researched texts (recipients) of countries and their inhabitants; b) the author's assessment of the said recipients and their texts, that is, the evaluation of the evaluators and what they characterized.

Representation of the image of England in the Russian linguistic consciousness of the late 16th – first half of the 19th century was carried out on the basis of such linguistic categories: 1. Precedent phenomena including a) precedent names (anthroponyms and toponyms), precedent utterances, precedent situations, precedent texts b) logoepistema; 2. Borrowings, including a) linguistic borrowings b) intercultural borrowing. 3. Ethnomythologemas, including miniethnomythologemas;

The precedent phenomena representing the image of England are analyzed, their levels are determined. For the purpose of more accurate analysis, an intermediate level was added to the classification of levels (auto, socium, national, universal) – national-socium level.

National-socium level in our work refers to the precedent phenomena that were widely known among the educated population of Russia. The level of precedent names -anthroponyms is most often designated as national-socium, less often – socium. It would not always be possible to analyze the dynamics of the development of these precedent names in diachrony, since the available materials mainly contain examples from the texts of the late 18th and 19th centuries. The earlier texts considered do not contain the names of the English and their characteristics. Sometimes precedent names could not be considered in diachrony, since the authors' contemporaries names were taken, so we only had materials of the XIX century.

The level of precedence of names of politicians and public figures tends to drop with the years. The level of precedence of the names of poets, writers, scientists, and also heroes of works, is mostly more stable. Anthroponyms "Lovelace", "Hamlet" are characterized by their use over time, in more connotative, not denotative way. The level of precedence of names-toponyms is designated as socium and national-socium. The analysis showed that the level of precedent names-toponyms was increasing during the period from the late XVI – the first half of the XIX centuries.

Of all the possible diversity of word combinations with the "English" component, five phrases are isolated in the form of logoepistemas. The reason for their isolation were such factors as the frequency of mentioning these phrases and the richness of the evaluation vocabulary, which indicates the importance of data

logoepistem for the Russian language consciousness. Logoepistemas of English origin testify to the accumulated knowledge of the facts and realities of English culture by the carriers of the Russian language consciousness. The appeal to such facts and realities and their borrowing serve as an argument in favor of the importance of the image of England for the Russian language consciousness of the period under study. The dynamics of logoepistemas' development during the period under study in the Russian language consciousness is analyzed.

The borrowings representing the image of England are analyzed, the dynamics of their development in the Russian linguistic consciousness of the period under study is revealed and displayed. The considered borrowings are systematized on the basis of the following types of classifications: 1. Classification by verballity (linguistic and non-linguistic, that is, intercultural borrowings presented in the kinema study). 2. Thematic classification. 3. General classification of foreign vocabulary (borrowed words, exotic vocabulary (or exoticisms), foreign inclusions (or barbarians) 4. Alphabetical classification. The alphabetical list is used within the thematic group 5. Classification by methods of borrowing: transcription, transliteration, tracing and semantic borrowing 6. Classification by stages of borrowing: 1) penetration 2) proper borrowing 3) rooting.

The following headings are presented: Person. Character and mood; Names of dishes and drinks; Person. Ethnic invectives; Person. Status and title; Socio-cultural phenomena; Marine vocabulary; Names of card games; Names of garments; Transport.

Ethnomythologemas, representing the image of England, have been analyzed. For the purpose of more detailed description and systematization of the illustrative material, miniethnomythologemas were isolated within the ethnomythologemas. The ratio of ethnomythologemas and miniethnomythologemas was revealed, the dynamics of their changes during the period under investigation was traced.

Thirteen miniethnomythologemas were isolated and analyzed. Of these, the ethnomythologema «Englishman» contains 5: «Englishman-gentleman», «an eccentric Englishman», «a proud Englishman», «an Englishman, who drinks», «a quiet Englishman». Ethnomythologema «Englishwoman» contains 8 miniethnomythologemas: «Englishwoman-lady», «Englishwoman-courtesan»,

«Englishwoman-governess», «Englishwoman-a woman of low estate», «Englishwoman-eccentric», «inquisitive Englishwoman», «beautiful Englishwoman», «Family Englishwoman». The composition of the material used, a large number of examples made it possible to isolate precisely these miniethnomythologemas. The components of the ethnomythologema «Englishman» are more stable in time than the components of the «English woman» ethnomythologema, and some of them functioned in the XVIII, XIX, XX, XXI centuries.

Semantic neologisms of English origin have been revealed. These concepts partially or completely changed the lexical meaning, filled with a new meaning in our time in comparison with the period under study.

The peculiarities of the individual assessment of the image of England (variants) and the totality of their assessments, which make up the image of England in the Russian linguistic consciousness of the period under study (invariant), were analyzed. Most of the authors of the texts studied were vivid representatives of the social and political life of Russia, gifted writers, the totality of their individual evaluations is of particular importance for the formation of the image of England in the linguistic and linguistic aspect.

It's been discovered, that the image of England in the Russian linguistic consciousness had begun to form at the end of the XVI century. The first significant, reflected in the texts references of England, the British, the realities of their lives refer to this period. The England's image main importance for the Russian linguistic consciousness was in the middle of the XIX century. The analysis of lexical categories and their significance proves that.

Key words: England, linguoimagology, image, precedent name, precedent statement, precedent text, precedent situation, logoeistema, borrowing, ethnomythologema, miniethnomythologema.

СПИСОК ПУБЛІКАЦІЙ СОІСКАТЕЛЯ

1. Тупчий А. В. Английский сад как логоэпистема / Мова і культура (Науковий журнал). Видавничий дім Дмитра Бураго, Вип. 13 Т.Х (146). 2010. С. 21-24.

2. Тупчий А. В. Прецедентные имена как вербальные составляющие образа Англии в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина / Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», сборник научных трудов, Том 23 (62) №4), Информационно – издательский отдел ТНУ, 2010. С. 476 – 481.

3. Тупчий А. В. Логоэпистема «английская лошадь» / Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. серія № 9. Сучасні тенденції розвитку мов. Випуск 5: збірник наукових праць/ за ред.В. І. Гончарова – К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2011. С. 265 – 270.

4. Тупчий А. В. Миниэтномифологема «тихий англичанин» в рамках этномифологеми «англичанин» / Система і структура східнослов'янських мов :зб. Наукових праць/ редкол. : В. І Гончаров (відп. Ред.) [та ін.] ; Мін-во освіти і науки України ; Нац. пед. ун-т імені М.П. Драгоманова. Київ : Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2011 р. Випуск 3. С.127 –132.

5. Тупчий А. В. Логоэпистема «английский клуб» как один из аспектов отображения образа Англии в русском языковом сознании конца 18 - первой половины 19 века / Наукові записки Луганського національного університету», серія Філологічні науки. Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір: зб. наук. праць №1 (33). Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2011. С. 217 – 226.

6. Тупчий А. В. Логоэпистема «английский язык» как один из аспектов отображения образа Англии в русском языковом сознании конца 18 - первой половины 19 века / Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: сборник науч. трудов. Серия Филология. Социальные коммуникации. Том 24 (63). 2011 г. №2. Часть 1. 2011. С. 224 – 230

7. Тупчий А. В. Жест «рукопожатие» как культурное заимствование /

Система і структура східнослов'янських мов: зб. Наукових праць/ редкол. : В. І. Гончаров (відп. Ред.) [та ін.] ; Мін-во освіти і науки України ; Нац. пед. ун-т імені М. П. Драгоманова. Київ : Вд-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2014. Випуск 7. С.183 – 188.

8. Тупчий А. В. Миниетномифологема «гордый англичанин» в рамках етномифологеми «англичанин» / «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. VII Междунар. конф., Брест, 26-27 нояб.2015 г. : в 2 ч. / Брест .гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. Брест: Бр. ГУ, 2016. Ч. 1. С.75 –79.

9. Тупчий А. В. Языковые средства, отображающие образ Англии, в «Статейных списках» Ф. Писемского и Г. Микулина (лингвоимагологический аспект) / Русский язык: система и функционирование (К 95 –летию БГ,50-летию кафедры русского языка, 90-летию профессора П. П. Шубы) : сб.материалов VII Междунар. Науч. конф ., Минск, 18-19 окт. 2016г. / редкол. :И. С. Ровдо (отв.ред.) [и др.] – Минск : РИВШ. 2016. С. 88 – 92.

10. Тупчий А. В. Миниетномифологема «леди» и «прекрасная англичанка» как компоненты этномифологеми «англичанка» (лингвоимагологический аспект) / Система і структура східнослов'янських мов: зб. Наукових праць/ редкол.: Ю. В. Кравцова (відп. Ред.) [та ін.] ; Мін-во освіти і науки України ; Нац. пед. ун-т імені М. П. Драгоманова. Київ : Вд-во НПУ ім. М. П. Драгоманова. 2017 р. Випуск 11. С. 223 – 231.

11. Тупчий А. В. Заимствования «потаты» и «пудинг» как аспекты отображения образа Англии в русском языковом сознании конца 16 — первой половины 19 века (лингвоимагологический аспект). / Болгарская русистика: сборник статей /доц. д-р Илиана Владова (главный редактор.) Болгария, София Дружество на русистите в България. 2018 г. Випуск 2. С. 30 – 37

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	21
ВВЕДЕНИЕ.....	22
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	
КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.	
(ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	
	29
1.1. Общенаучные методы исследования.....	29
1.1.1. Индуктивный метод.....	30
1.1.2. Анализ.....	30
1.2. Частнонаучные методы исследования.....	30
1.2.1. Прием пассивного наблюдения	30
1.2.2. Описательный метод.....	31
1.2.2.1. Прием описания по лексико-семантическим группам.....	31
1.2.3. Метод лингвоимагологической интерпретации текста.....	32
1.3. Лингвоимагология, теоретические основы.....	34
1.3.1. Образ как основная категория лингвоимагологии.....	36
1.3.2. Связь лингвоимагологии с другими направлениями языкознания.....	38
1.4. Теоретические аспекты изучения образа Англии.....	39
1.4.1. Проблема прецедентности, прецедентные феномены.....	40
1.4.1.1. Прецедентные имена.....	43
1.4.1.2. Прецедентные высказывания.....	44
1.4.1.3. Прецедентные тексты.....	44
1.4.1.4. Прецедентные ситуации.....	45
1.4.1.5. Теоретические основы логоэпистемы.....	46
1.4.2. Теоретические основы заимствования.....	47
1.4.2.1. Причины и факторы заимствования.....	50

1.4.2.2. Освоение заимствований	51
1.4.2.3. Классификация заимствований.....	52
1.4.2.4. Неязыковые (межкультурные) заимствования.....	53
1.4.3. Понятие этнонимологии, соотношение ее с мифом и стереотипом.....	54
Выводы к главе 1	56
ГЛАВА 2 ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК АСПЕКТ ОБРАЗА АНглиИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.....	
2.1. Прецедентные имена, репрезентирующие образ Англии.....	58
2.1.1. Антропонимы-имена англичан.....	59
2.1.2. Антропонимы-имена героев художественных произведений.....	88
2.1.3. Топоним «Англия».....	92
2.1.3.1. Англия – мощная политическая и военная держава.....	92
2.1.3.2. Торговая Англия	94
2.1.4. Топоним «Лондон».....	98
2.1.4.1. Противопоставление топонимов Лондон и Париж.....	99
2.1.4.2. Тишина и многолюдность Лондона.....	100
2.1.4.3. Лондонская погода.....	101
2.1.4.4. Освещение Лондона.....	102
2.1.4.5. Достопримечательности Лондона («Архитектура Лондона», «Бедлам», «Воксал»).....	104
2.1.4.6. Преступность в Лондоне.....	109
2.1.5. Гидроним «Темза».....	113
2.2. Прецедентное высказывание, репрезентирующее образ Англии.....	115
2.3. Прецедентные тексты, репрезентирующие образ Англии.....	116
2.4. Прецедентная ситуация, репрезентирующая образ Англии.....	120
2.5. Логоэпистемы, репрезентирующие образ Англии.....	121
2.5.1. Логоэпистема «английский клуб».....	122

2.5.2. Логоэпистема «английская лошадь».....	126
2.5.3. Логоэпистема «английский сад».....	131
2.5.4. Логоэпистема «английская собака / собачка».....	136
2.5.5. Логоэпистема «английский язык».....	138
Выводы к главе 2.....	141

ГЛАВА 3 ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК АСПЕКТ ОБРАЗА АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ

ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.....	145
3.1. Английские языковые заимствования.....	145
3.1.1. Морская лексика.....	145
3.1.2. Названия карточных игр.....	149
3.1.3. Названия блюд и напитков.....	151
3.1.4. Названия предметов одежды.....	159
3.1.5. Социально-культурные явления.....	162
3.1.6. Транспорт.....	165
3.1.7. Человек. Статусные и титульные наименования.....	166
3.1.8. Человек. Характер и настроение.....	171
3.1.9. Человек. Этнические инвективы.....	180
3.2. Английское неязыковое (межкультурное) заимствование – жест (кинема) «рукопожатие».....	183
Выводы к главе 3.....	187

ГЛАВА 4 ЭТНОМИФОЛОГЕМЫ «АНГЛИЧАНИН»

И «АНГЛИЧАНКА» КАК АСПЕКТЫ ОБРАЗА АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ...	189
4.1. Этномифологема «англичанин».....	189
4.1.1. Миниэтномифологема «Англичанин-джентльмен».....	189
4.1.2. Миниэтномифологема «англичанин-чудак».....	191
4.1.3. Миниэтномифологема «гордый англичанин».....	193

4.1.4. Миниэтномифологема «пьющий англичанин».....	196
4.1.5. Миниэтномифологема «тихий англичанин».....	199
4.2. Этномифологема «англичанка».....	201
4.2.1. Миниэтномифологема «англичанка-леди».....	201
4.2.2. Миниэтномифологема «англичанка-девка».....	204
4.2.3. Миниэтномифологема «англичанка-гувернантка».....	207
4.2.4. Миниэтномифологема «англичанка-женщина из низкого сословия».....	209
4.2.5. Миниэтномифологема «англичанка-чудачка».....	210
4.2.6. Миниэтномифологема «любопытная англичанка».....	211
4.2.7. Миниэтномифологема «прекрасная англичанка».....	212
4.2.8. Миниэтномифологема «семейная англичанка».....	215
Выводы к главе 4.....	218
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	220
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	229
СПИСОК СПРАВОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	258
СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	264
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	273

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

МЭМ – миниэтномифологема

ПВ – прецедентное высказывание

ПИ – прецедентное имя

ПС – прецедентная ситуация

ПТ – прецедентный текст

ПФ – прецедентный феномен

ЭМ – этномифологема

ВВЕДЕНИЕ

Современная Англия – наиболее крупная историческая и административная часть Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, страна с богатой культурой, давними традициями, оригинальным политическим устройством и развитой экономической системой. Интерес к Англии неизменен на протяжении веков. Многие статьи и монографии посвящены современным взаимоотношениям Великобритании и России, влиянию современного английского языка на русский, например, в сфере рекламы и в средствах массовой информации. Исследователи также обращают внимание на менталитет англичан, историю, литературу Англии. Так, академик М. П. Алексеев глубоко изучил взаимоотношения Англии и России в области литературы (Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) [1], влияние английской литературы на Россию XVIII в. исследовал Ю. Левин [145]. О. А. Казнина показала образ Англии и англичан глазами русской эмиграции в первой половине XX в. [97]. Л. П. Иванова проанализировала образ Англии в произведениях XVIII – XIX вв. [92]. А. Л. Плахтий рассмотрела вербализацию концепта Англия в русском языке [192].

Однако истоки формирования образа Англии в русском языковом сознании еще не были предметом лингвистических исследований. Такие истоки находим в текстах, начиная с конца XVI в. Тексты периода XVI – XVII веков – это, в основном, документы или небольшие описания. Их авторы – послы, политики, путешественники, купцы, позже, в XVIII веке, – писатели, журналисты. Для текстов XVI – XVII веков характерны более краткие формулировки при описании Англии и англичан, небольшое количество эпитетов, отсутствие анализа увиденного за границей. В XVIII – XIX веках тексты писателей и журналистов об Англии стали более объемными, наполненными мнениями, рассуждениями, отступлениями и анализом. В журнальных статьях обнаружены анекдоты и юмористические рассказы о нравах и политике англичан. В конце XVIII – начале

XIX веков влияние Англии, английских традиций, английской политики и политических деятелей как личностей, английских поэтов и писателей, а также английской моды и кухни на Россию стало очень существенным. Англия славилась мощным морским флотом и процветающей торговлей. Образ англичан был очень лестным. Ими восхищались и им подражали. Этот период стал расцветом интереса к Англии в России и в мире. Исследование охватывает зарождение и расцвет формирования образа Англии в русском языковом сознании.

Лингвоимагологический аспект, в русле которого осуществляется исследование, подразумевает, прежде всего, оценку образа Англии в русскоязычных источниках, а также динамику данной оценки в период конца XVI – первой половине XIX вв., что является новым подходом к анализу образа страны.

В исследовании учтены периоды развития русского языка (теория В. В. Виноградова, теория И. И. Срезневского). В соответствии с периодизацией И. И. Срезневского [232], главные эпохи развития русского языка и литературы затрагивают XVII – XIX век. Данную эпоху И. И. Срезневский связывает прежде всего с деятельностью великих писателей и поэтов. Наше исследование охватывает период конца XVI – первой половины XIX веков, то есть соответствует указанной периодизации.

Актуальность темы. Исследование формирования образа Англии в русском языковом сознании может стать основой для изучения современной Англии, ее общественно-политической жизни, английского менталитета. Англия играет особую роль для русского языкового сознания. Английский язык стал богатым источником для заимствования лексики. Русско-английские литературные, политические, торговые отношения уже несколько столетий играют огромную роль в жизни обеих стран и их граждан. Таким образом, образ Англии в русском языковом сознании и его истоки нуждаются в исследовании и анализе.

Следует также заметить, что в современном мире существует тенденция к

непониманию и неприятию одним народом культуры другого народа по причине противоположности таких культур и традиций либо по причинам, исторически сложившимся, поэтому методика изучения формирования образа одной страны в языковом сознании представителей другой страны может стать ключом к пониманию возможных разногласий между народами.

Связь работы с научными программами, планами, темами.

Диссертационное исследование выполнено в рамках комплексной научной программы Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова «Актуальные проблемы славистики» (тема диссертации утверждена на заседании Учёного совета Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова от 1 марта 2010 года, протокол № 8).

Материалом диссертационного исследования являются: «Статейные списки Ф. Писемского и Г. Микулина за 1582 – 1600 гг.» (монография «Путешествия русских послов XVI-XVII вв.: Статейные списки» Отв. ред. Д. С. Лихачев), «Роспись городу Лундану и всей аглинской земли» (монография З. И. Рогинского «Лондон 1645 – 1646 годов: новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию»), «Записки» Е. Р. Дашковой, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, журналы «Вестник Европы» под редакцией Н. М. Карамзина за 1802 – 1803 гг., под редакцией П. П. Сумарокова за 1804 г., под редакцией М. Т. Каченовского за 1805 – 1806 гг. (всего 120 экземпляров журнала «Вестник Европы»), статья «Россиянин в Лондоне, или письма к друзьям моим» П. И. Макарова (1804 г. «Вестник Европы»), «Плавание вокруг света на шлюпе Ладога в 1822, 1823 и 1824 годах» (автор – капитан Андрей Лазарев), «Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824 – 1836», «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова, «Полное собрание сочинений А. С. Пушкина» в 10 томах, публицистические статьи и повести Н. В. Гоголя, Национальный корпус русского языка, тексты конца XVI – первой половины XIX века. Данный материал предстает иллюстрацией событий в политической, культурной, общественной жизни исследуемого периода.

Целью диссертационного исследования является анализ образа Англии в

русском языковом сознании конца XVI – начала XIX веков в лингвоимагологическом аспекте.

Для достижения поставленной цели возникает необходимость решения следующих **задач**:

- 1) исследовать прецедентные феномены, их развитие в течение исследуемого периода, классифицировать их;
- 2) определить особенности функционирования и употребления англоязычных заимствований в исследуемом периоде, проанализировать нормы их употребления и экспликации, закономерности процессов сужения и расширения их значения, процессы их фонетического освоения, развитие в языке-реципиенте;
- 3) проанализировать этномифологемы, вычленив из них компоненты (миниэтномифологемы), проследить динамику их изменения и развития на протяжении исследуемого периода;
- 4) проанализировать использованную при описании Англии лексику с позиции оценки ее позитивности или негативности с учетом времени написания и личности авторов исследуемых текстов.

Объектом исследования является образ Англии в русском языковом сознании исследуемого периода.

Предметом исследования является вербализация образа Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX веков. Данная вербализация представлена прецедентными феноменами (в том числе логоэпистемами), английскими заимствованиями, этномифологемами, оценочной лексикой.

Научная новизна состоит в – изучении процесса формирования образа Англии в русском языковом сознании. Впервые рассмотрены истоки формирования данного образа, динамика его развития в русском языковом сознании конца XVI – XIX веков в русле нового направления языкознания – лингвоимагологии.

– разработке механизма описания образа страны в лингвоимагологическом аспекте, состоящем в анализе прецедентных феноменов (в том числе, логоэпистем), заимствований (языковых и неязыковых), этномифологем.

– разработке метода лингвоимагологической интерпретации текста. С помощью этого метода выявляется связь значения слова с реалиями исследуемого периода, а также прослеживаются исторические изменения, пережитые первичной формой и значением слова, прослеживается динамика изменения слов и понятий. Основопологающей для данного метода является оценка и характеристика лексики, которая выявляется через морфологические, синтаксические и стилистические особенности текста.

Оценка рассматривается в следующих аспектах: а) оценка авторами исследуемых текстов (реципиентами) стран и их жителей; б) оценка автором диссертации указанных реципиентов и их текстов, то есть оценка оценивающих и того, что они характеризовали.

– анализе особенностей индивидуальной оценки авторами образа Англии (вариантов) и совокупности их оценок, составляющих образ Англии в русском языковом сознании исследуемого периода (инварианта).

Теоретическая значимость результатов анализа заключается в направленности на решение задач лингвоимагологии, разработке методики изучения образа страны в лингвоимагологическом аспекте.

Практическая значимость полученных результатов работы определяется тем, что результаты работы могут быть использованы в процессе филологических и исторических исследований, в учебном процессе в университетах в курсе английского языка и лексикологии, страноведения, лингвострановедения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, лингвоимагологии.

Апробация результатов диссертации. Положения диссертации обсуждались на:

1) ежегодной научно-практической конференции НПУ

имени М. П. Драгоманова «Мир языка – мир в языке» в декабре 2009 года;

- 2) IX Международной научной конференции «Межкультурные коммуникации: научные школы и современные направления лингвистических исследований», 24 – 27 мая 2010 г. в г. Алушта;
- 3) XIX Международной научной конференции «Язык и культура» им. проф. — Сергея Бураго, которая состоялась 21 – 25 июня 2010 года в г. Киеве;
- 4) VI Международной научной конференции по вопросам социальной коммуникации, журналистики, коммуникативных технологий, медиаобразования «Современное информационное пространство: журналистика и медиаобразование», которая состоялась 26 сентября – 30 сентября 2010 (г. Алушта, Крым, Украина.);
- 5) Международной конференции «Наукова спадщина О. О. Потебні у слов'янському науковому просторі» 27 – 29 октября 2010 года. (Институт языкознания имени А. А. Потебни, г. Киев);
- 6) Итоговой научной конференции НПУ имени М. П. Драгоманова 9 февраля 2011г. (г. Киев);
- 7) X Международной конференции «Научное пространство дискурсологии: ретроспективно-перспективное измерение» 19 – 21 мая 2011 года (г. Луганск, Украина.);
- 8) X Международной научной конференции по вопросам языкознания, лингвокультурологии, этнолингвистики, коммуникативных технологий, методики преподавания «Межкультурные коммуникации: компетентностно ориентированное языковое обучение» 24 – 27 мая 2011г. (г. Алушта, Крым, Украина);
- 9) VII Международной научной конференции «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования» (г. Брест, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Беларусь) 26 – 27 ноября 2015 г.;
- 10) VII Международной научной конференции «Русский язык: система и функционирование» (к 95-летию БГУ, 50-летию кафедры русского языка, 90-летию профессора П. П. Шубы, БГУ, Беларусь) 18 – 19 октября 2016 г.

Публикации. По проблемам исследования опубликовано 11 статей: 8 статей – в научных изданиях, входящих в утвержденный ВАК Украины список научных специализированных изданий, 3 статьи опубликованы за рубежом.

Структура диссертации. Работа состоит из аннотаций, списка публикаций, введения, 4 глав, заключения, списка использованной литературы, приложений. Объем работы – 207 страниц основного текста.

Цитаты из старинных тестов, журнальных статей во избежание технических трудностей при публикации частично адаптированы графически, орфография и пунктуация первоисточников сохранены.

При цитировании выдержек из статей старинных журналов в ряде примеров не указаны авторы, поскольку они не были обозначены в оригинальных источниках.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА

АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVI –

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

(ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Проблема метода всегда была актуальной в науке. Ю. С. Степанов дает следующее определение метода: «Метод (от греч. Μέθοδος – путь исследования) в языкознании – 1) обобщённые совокупности теоретических установок, приёмов, методик исследования языка, связанные с определённой лингвистической теорией и с общей методологией, – так называемые общие методы. 2) Отдельные приёмы, методики, операции, опирающиеся на определённые теоретические установки, как техническое средство, инструмент для исследования того или иного аспекта языка, – частные методы» [361, с. 297].

Методы, используемые в данной работе, традиционно разделяем на общенаучные и частнонаучные.

1.1. Общенаучные методы исследования

1.1.1. Индуктивный метод

Количество единичных языковых фактов бесконечно, поэтому сбор всех фактов является принципиально неразрешимой задачей и не может быть конечной целью исследования. Факты необходимы ученому лишь как носители сущностных свойств языка, так как бесконечное множество фактов является реализацией конечного множества стоящих за ними сущностей. Таким образом, целью лингвистики является обнаружение этих сущностей и описание бесконечного множества наблюдаемых фактов через обращение к этим сущностям.

Процесс научного исследования в такой ситуации может быть двунаправленным: от фактов к сущностям или от сущностей к фактам. Индуктивный метод организации научного процесса, или индукция, в целом состоит в сборе и документации конкретных явлений (фактов) с последующим их обобщением и переходом от фактов к лежащим в их основе сущностям. Для

отечественного языкознания характерным является использование именно индуктивного метода.

Для нашего исследования данный метод является актуальным. В процессе работы было собрано максимально возможное количество примеров, они были систематизированы, проанализированы, что позволяло, например, формировать группы заимствований, вычленять прецедентные феномены и т.д., то есть от фактов переходить к сущностям. Так, например, большое количество примеров, содержащих понятие «английская лошадь» и «английский клуб», дали основания для вычленения одноименных логоэпистем.

1.1.2. Анализ

Данный метод, применяемый во многих науках, является актуальным для нашей работы. Основными лингвистическими методами освоения (анализа) фактов являются: описательный, сравнительный и нормативно-стилистический. Для нашей работы наиболее приемлем описательный метод (рассмотрен ниже).

1.2. Частнонаучные методы и приемы исследования

1.2.1. Прием пассивного наблюдения

Эвристические методы связаны со сбором и документацией фактов. Сам процесс получения фактов может быть пассивным или активным. Прием пассивного наблюдения (или регистрационный) предпочитается тогда, когда необходимо получить максимально достоверный языковой материал, независимый от воли исследователя и процесса извлечения языковых данных. Наиболее приемлемый источник для данного приема – живая спонтанная речь. Также могут использоваться примеры из литературных текстов. Развитие технологий способствовало появлению корпусной лингвистики, являющейся инструментальным средством усиления пассивного наблюдения, позволяющим исследовать огромные массивы текстов и извлекать из них нужные факты. Такой источник, как спонтанная речь, для нашего исследования невозможен ввиду обозначенного периода, поэтому проанализированы примеры из письменных текстов. Также был использован Национальный корпус русского языка (например, для анализа миниэтномифологемы «англичанин-джентльмен»).

1.2.2. Описательный метод

К основным общим лингвистическим методам относятся описательный, таксономический (структурный), сравнительно-исторический, сопоставительный. Мы используем описательный метод. Описания часто связаны с объяснениями.

Объяснения могут быть внутриязыковыми (обращение к системным или историческим факторам, в частности, объяснения через аналогию, через процессы языковых контактов; к ареальным или генетическим связям исследуемого языка; к типологическим закономерностям) и внеязыковыми (например, апелляция к когнитивным структурам и механизмам; к устройству внеязыковой действительности; к социальным, психическим, культурным факторам). Возможности объяснительного подхода еще далеко не исчерпаны, и в настоящее время идет активная его разработка. Очевидно, что именно в рамках данного подхода лингвистика вплотную приближается к пониманию своего объекта.

Так, когнитивная лингвистика изучает связь языка и мышления. Описание направлено на постижение структуры и семантики языковых объектов, объяснение – на выяснение их функционирования. И это является законом для всех объяснительных наук без исключения. Следовательно, экспланаторность неразрывно связана с экспансионизмом. Существует множество видов описательного метода. Для нас актуальным является прием описания по лексико-семантическим группам и прием лингвоимагологической интерпретации текста.

1.2.2.1. Прием описания по лексико-семантическим группам

Среди методов исследования языка на лексико-семантическом уровне выделяют прием семантического поля и прием описания по лексико-семантическим группам. О лексико-семантических группах в связи с описанием языка на материале разных языков написано множество работ. Однако выделение их проходило как обычный рабочий прием и не рассматривалось в качестве самостоятельного метода.

В рамках нашей работы под лексико-семантической группой понимается совокупность единиц одной части речи, принадлежащих к одному лексико-грамматическому разряду и объединенных наличием общего компонента в дефиниции значения [142, с. 20]. Принятое нами определение базируется на признании у элементов ЛСГ не только общего дескриптивного признака (смыслового инварианта), но и общности грамматических компонентов, которые предполагают однотипность синтагматических свойств [9, с. 15].

Ф. П. Филин разработал теорию лексико-семантических групп [257]:

1. Лексико-семантические группы слов представляют собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям. Под лексическим значением подразумевается при этом предметное содержание слова, т.е. соотношенность слова с миром вещей, явлений и т.д.
2. Лексико-семантические группы слов складываются исторически и не являются раз и навсегда данными.
3. Лексико-семантическая группа близка к тематической группе лексики, но вместе с тем существенно отличается от нее. При таком последовательном переходе от одного плана к другому по принципу детализации отчетливее проявляется и различие между ними [257, с.80].

Прием в разных его модификациях и вариантах достаточно широко используется в современной исследовательской и аналитической практике. В данном исследовании прием используется для классификации заимствований (группы заимствований «морская лексика», «наименования блюд и напитков» и др.), частично – при анализе прецедентных феноменов (логоэпистема «английский сад»).

1.2.3. Метод лингвоимагологической интерпретации текста

Некоторые частные лингвистические методы являются тесно связанными с направлениями языкознания. Так, неотделимым от лингвокультурологии выступает метод лингвокультурологической интерпретации лексики, который основан «на принципах изучения словаря народа в связи с его духовной и материальной культурой и историей, эксплицирующего так называемую

фоновую информацию, которая может оказаться значимой при реконструкции внутренней формы слова» [129]. По аналогии с данной параллелью мы можем говорить о методе лингвоимагологической интерпретации текста. При помощи данного метода выявляется связь значения слова с реалиями исследуемого периода, прослеживаются исторические изменения, пережитые первичной формой и значением слова, отображается динамика изменения слов и понятий. Так, мы анализируем прецедентные феномены, заимствования, этномифологемы. Основопологающей для данного метода является оценка и характеристика лексики (оценка лексики по силе эмоциональности, по направленности (положительной либо отрицательной)). Оценка лексики автором выявляется через морфологические, синтаксические и стилистические особенности текста. Также важнейшим фактором является личность автора текста, то есть личность оценивающего, так как одно и то же явление разные авторы могут оценивать как схоже, так и различно. В данном контексте мы следуем концепции В. М Солнцева о вариантности и инвариантности [228]. Как отмечает основоположник метода лингвоимагологической интерпретации текста Л. П. Иванова: «В нашем случае инвариант – русское мировидение, во многом обусловленное русским языковым сознанием и русской языковой картиной мира. Вариант – индивидуальное видение» [85, с. 149]. Образ Англии в русском языковом сознании исследуемого периода (инвариант) состоит из совокупности частных индивидуальных видений Англии (вариантов).

Данный метод позволяет учитывать индивидуально-авторские стилистические особенности текста, так как за текстом стоит языковая личность автора. Так, например, анализ цитат из произведений Н. В. Гоголя с учетом особенностей личности писателя, иронии и юмора, свойственных его стилю, позволил выявить особенности функционирования прецедентного имени У. Шекспир, этномифологемы «англичанка».

Таким образом, методы, используемые для настоящего исследования, разделяем на общенаучные и частнонаучные. К общенаучным методам относим индуктивный метод и анализ. Данные методы приемлемы в аспекте сбора и

документирования конкретных явлений (фактов) с последующим их обобщением (анализом) и переходом от фактов к лежащим в их основе сущностям.

К актуальным частнонаучным методам и приемам исследования относятся: прием пассивного наблюдения, описательный метод, в частности методика описания по лексико-семантическим группам, метод лингвоимагологической интерпретации текста. Прием пассивного наблюдения использовался для получения примеров из литературных текстов, в том числе с применением новых компьютерных технологий, которые создали условия для появления корпусной лингвистики. Описательный метод и его подвид – прием описания по лексико-семантическим группам дал основание для классификации английских заимствований исследуемого периода, а также для систематизации и обобщения материала в пределах анализа логоэпистем. Метод лингвоимагологической интерпретации текста позволил осуществить оценку и характеристику лексики по силе эмоциональности, по направленности (положительной либо отрицательной), а также учитывать индивидуальные мнения авторов как варианты по отношению к инварианту – русскому мировидению.

Указанные методы исследования стали важным инструментом для систематизации, анализа материала и для написания данного исследования.

1.3. Лингвоимагология, теоретические основы

Исследование проводится в русле лингвоимагологии как нового направления современного языкознания, разрабатываемого основоположником данного направления Л. П. Ивановой. Исследователь отмечает: «Лингвоимагология – новое направление языкознания в рамках теории коммуникации, призванное отобразить образ, имидж (отсюда термин) одного народа или страны в языковом сознании другого народа; его вербализацию и исследует лингвоимагология» [85, с. 148].

В русле лингвоимагологии проводят исследования Н. В. Величко, А. А. Мороз [172], Н. Н. Сыромля [237].

Лингвоимагология сформировалась на базе **имагологии** – отрасли сравнительного литературоведения. Л. П. Иванова пишет: «Имея в принципе совпадающие цели, указанные направления различаются следующим: 1) лингвистическое исследование ориентируется прежде всего на вербализацию оценки, поэтому предметом анализа является оценка, стереотип, ритуал, мифологема, паралингвистическая ситуация, прецедентность; 2) имагология опирается на зеркальное восприятие стран и народов, в лингвоимагологическом исследовании это не нужно» [85, с. 149].

Проблема рецепции образа «другого» стала направлением имагологии. Изначально имагология являлась специальным разделом культурологии и изучала возможности передачи литературных образов при переводе с одного языка на другой. Взаимная оценка народов в художественной (а также и нехудожественной) литературе давно стала одним из объектов изучения литературоведческой компаративистики. Так, уже Луи-Поль Бетц в работе «Критические наблюдения над существом, задачей и значением сравнительной истории литературы» (Париж, 1896) настаивал на анализе изменяющихся взаимных представлений народов и наций как на одной из главных задач компаративной литературоведческой науки. Позднее появилось такое направление как **потестарная имагология**, изучающая образ власти. Еще в 1947 году Жан Мари Карре писал об образе Германии во французской литературе. В. В. Орехов в русле литературоведения проанализировал образ России во французской литературе [183], Н. А. Белова, Е. А. Николаева исследовали образ Испании в русской поэзии, вычлняя образы Дон Кихота, Дон Жуана и др.[17]. В XXI веке в русле имагологии проводят исследования М. П. Алексеев [2], М. Беллер [299], Д. Лерсен [306], И. В. Морозова [173], А. Р. Ощепков [184], В. А. Хорев [265], М. Фишер [301], Д. М. Мура [307].

Актуальность лингвоимагологии определяется тем, насколько важным в современном мире становится образ одной культуры в глазах другой.

М. М. Бахтин подчеркивал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже...Один смысл раскрывает свои

глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим чужим смыслом» [16, с. 354].

1.3.1. Образ как основная категория лингвоимагологии

Впервые об образе как умственном воспроизведении, воспоминании чувственного или запечатленного в ощущениях личного прошлого опыта написал в труде «Исследование человеческих способностей и их развитие (Inquiries into Human Faculties) Френсис Гальтон (Francis Galton, 1822-1911), английский психолог и антрополог. Образ как «остаток, воспроизведение чувственного восприятия в сознании» исследовал основоположник английской стилистики Айвор Амстронг Ричардс.

Значительный вклад в понимание сущности и структуры образа внесли психологи середины XX ст. – Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Н. И. Жинкин. Их революционные идеи и разработки составили надежный фундамент для дальнейшего развития в русле когнитивной парадигмы.

Понятию образа и его специфике уделяли внимание исследователи Н. Ф. Алефиренко, В. Г. Гак, Д. О. Добровольский, В. И. Карасик, В. А. Маслова, С. М. Мезенин, Н. В. Слухай, О. С. Снитко, Н. Н. Сыромля, В. Н. Телия, Е. А. Юрина.

Н. Ф. Алефиренко считает, что образ не является отдельным впечатлением и в достаточной степени систематизирован. Для образа характерна субъективность и возможность различной интерпретации. Сложные конфигурации понятий, образов, языковых значений и внеязыковых смыслов – когнитивная база для формирования концептов [3, с. 71].

Т. М. Дридзе обращала внимание на сенсорную составляющую образа: «Функция сенсорного поля сознания состоит в «считывании сенсорного кода», в его превращении в «образ» путем извлечения «инвариантов» (обобщенных существенных признаков) из потока энергии, идущей извне или изнутри организма через органы чувств (рецепторы)» [71].

Л. А. Шестак исследует когнитивный механизм образности, где объектом изучения является образ как когнитивный феномен и знаковый продукт, а

предметом изучения – когнитивный механизм образности как соединение смыслов образований различной структуры: представлений, слов, текстов, стилевых манер, культурных эпох. Анализируя лексические дефиниции понятия «образ», Л. А. Шестак подчеркивает отнесенность двух толкований образа к когнитивному механизму и психологической природе образа и одного – к художественному образу. Исследователь определяет четкий ряд системообразующих признаков образа: понятие плюс отношение, видение, представление, отпечаток в памяти, механизм, природа, эстетизированное обобщение [280, с. 34].

В. Н. Телия, говоря об образе фразеологических единиц, отмечает роль образа, который выражает означающее, в их значении: «Этот образ указывает не только на то, что значение производно от него, но и принимает живое участие в указании на действительность» [238, с. 84]. Исследователь отмечает прозрачность образов фразеологических единиц, выражающих мировидение определенных лингвокультурных сообществ.

Н. В. Слухай рассматривает образ как глубинную структуру языковых единиц и как базовый слой концепта [224 с. 67].

Анна Вежбицка, исходя из субъективности ментальных образов каждого индивидуума, полагает, что даже для носителей одного языка за обыденными словами типа «чашка» стоят разные образы/концепты. В зависимости от полноты представляемого ими смысла она делит их на концепты-минимум и концепты-максимум, упоминая также о возможностях приращения смыслов в виде «добавок» [26].

Н. Д. Арутюнова рассматривает образ как семиотический концепт и вводит понятие концепт образа. Образ состоит из компонентов: значения, формы и связи, составляющих нерасчлененное единство. Исследователь подчеркивает, что в славянских языках имя образ одного корня с глаголом «резать» и связано с деривативным гнездом с существительным «образ» на вершине. На образ имеет право то, что содержит одухотворенность. В первую очередь – человек, во вторую – город. В качестве примеров приводятся города Петербург, Иерусалим и

Вавилон. Исследователь отмечает: «Об образах спорят, их по-разному интерпретируют. Происходит это потому, что образ – это категория сознания, а не признак объекта ...образ можно увидеть только внутренним взором» [6, с. 317]. Вслед за Н. Д. Арутюновой, утверждаем, что на образ может претендовать и страна. В нашем исследовании, на образ претендует Англия.

Л. П. Иванова в ряде работ рассматривает в русле лингвоимагологии образы Кавказа [86], Англии и англичан [92], Франции, Парижа и Версаля [90], Африки и Европы глазами Н. Гумилева [84], а также образ Берлина глазами русской эмиграции [91].

Для нашего исследования актуальными являются характеристики образов, данные Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой.

1.3.2. Связь лингвоимагологии с другими направлениями языкознания

По своим целям, задачам, терминологии близкой лингвоимагологии является **лингвокультурология**. Термин «лингвокультурология» появился в конце XX века в связи с трудами фразеологической школы, возглавляемой В. Н. Телия, работами Н. Д. Арутюновой, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. М. Шаклеина и других исследователей. По определению Л. П. Ивановой, лингвокультурология «исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке», а также «позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка быть орудием создания, развития хранения и трансляции культуры».[88, с. 397]

В. А. Маслова отмечает: «Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры» [170, с. 142].

Важным для нашего исследования является интерпретация В. А. Масловой

текстов как «подлинных хранителей культуры» [170, с. 3].

Лингвоимагология тесно связана с **межкультурной коммуникацией**.

Языковое сознание является важной категорией для нашего исследования, так как образ Англии рассматриваем в русском языковом сознании. Т. М. Дридзе так определяет данную категорию: «Языковое сознание (ЯС) оказывается таким уровнем сознания, на котором образы, представления, мыслительные структуры обретают языковое оформление» [72, с. 97]. Следовательно, образ Англии приобрел языковое оформление в русском языковом сознании и был отражен в исследуемых текстах.

Д. Б. Гудков пишет об **этническом языковом сознании** как категории **межкультурной коммуникации** и границах, в которых можно говорить о русском, французском и других этнических языковых сознаниях [56, с. 41]. В данной диссертации исследуется образ Англии в русском языковом сознании, то есть в одном из этнических языковых сознаний. С. Г. Тер-Минасова уделяет большое внимание сложностям коммуникации и их причинам. Среди них две основные: 1) коллокационные, или лексико-фразеологические ограничения, когда важна сочетаемость слов в разных языках; 2) конфликт между культурными представлениями. Также исследователь обращает внимание на понятийную эквивалентность, то есть схожесть либо несхожесть того, что стоит за одинаковыми словами. [239] Часто С. Г. Тер-Минасова сравнивает именно лексический материал русского и английского языков. Этот подход использовался в данной работе при анализе различных выдержек из текстов и лексических единиц.

Таким образом наиболее близкими лингвоимагологии являются такие направления языкознания, как лингвокультурология, межкультурная коммуникация.

1.4. Теоретические аспекты изучения образа Англии

Изучение и репрезентацию образа Англии в русском языковом сознании исследуемого периода осуществляем на основе таких лингвистических

категорий: 1. Прецедентные феномены, включающие а) прецедентные имена (антропонимы и топонимы), прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные тексты б) логоэпистемы; 2. Заимствования, которые включают а) языковые заимствования б) межкультурные заимствования. 3. Этномифологемы и миниэтномифологемы в их составе. Исследование осуществлено в диахронии, проанализирована динамика функционирования указанных лингвистических категорий на протяжении исследуемого периода. Следует подчеркнуть, что количество материала из литературных источников не всегда было достаточным для репрезентации образа Англии в каждом указанном веке (XVI, XVII, XVIII, XIX). Таким образом диахронный анализ был возможен не всегда.

Важное значение для нашего исследования имеют личности авторов, чьи произведения были проанализированы. Оцениваемое часто характеризует прежде всего оценивающего. Ю. Н. Караулов приводит древнее изречение: «Каков человек, таковы его речи» [102, с. 27]. Важно то, что индивидуальные психологические особенности, склад характера, разница в воспитании, образовании разных авторов позволяют говорить о трудностях в отображении одних и тех же явлений, имен и создании цельной картины. Каждое английское имя, явление или реалия, отраженные в русском языковом сознании на материалах публицистики разных авторов, представляются нам не как цельная картина, а как мозаика либо витраж, сложенные из частей, но образующие цельное изображение.

1.4.1. Проблема прецедентности, прецедентные феномены

Проблема прецедентности и ее теоретические основы привлекли внимание целого ряда исследователей. Впервые понятие прецедентного текста было введено Ю. Н. Карауловым. В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова ввели понятие прецедентного высказывания, Д. Б. Гудков – прецедентного имени, В. В. Красных – прецедентной ситуации и прецедентного феномена. Теоретические основы прецедентных феноменов (ПФ) разрабатывают также Ю. Е. Прохоров [201], И. В. Захаренко [80]. Под прецедентными феноменами нами понимаются, вслед

за В. В. Красных, феномены, актуальные в когнитивном отношении, обладающие ассоциативным потенциалом, обращение к которым постоянно возобновляется в речи [132].

Для того чтобы подробнее описать понятие прецедентного феномена, обратимся к понятиям культуры, когнитивной базы, языковой картины мира и их связи с языком. Ю. М. Лотман писал: «культура – это негенетическая память коллектива».[156] Д. Б. Гудков отмечает: «сама культура выступает всегда в конкретных этнических формах, а общечеловеческая культура существует лишь как некая абстракция»[56, с. 288]

Совокупность знаний и представлений, которыми обладают представители того или иного лингвокультурного сообщества, определяются как когнитивная база. Она у представителей разных лингво-культурных сообществ будет различной.

Следующее понятие, неразрывно связанное с прецедентными феноменами, – языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и к идеям американской этнолингвистики. Ю. Д. Апресян утверждал, что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Он также отмечал, что языковая картина мира является несколько наивной по сравнению с научной картиной мира [4].

Таким образом, представители каждого отдельного лингвокультурного сообщества обладают своей когнитивной базой и своей языковой картиной мира, а также и своим языковым сознанием. Из всего вышесказанного делаем вывод: и культура, и языковая картина мира, и когнитивная база, и языковое сознание отмечаются разными исследователями как этнически или национально маркированные, неотделимые от определенных лингвокультурных сообществ с их историей, ментальностью, национальным характером и т. д. А так как прецедентные феномены являются основными составляющими когнитивной

базы, то, безусловно, они также могут отличаться у разных народов или этнических групп. Д. Б. Гудков определяет прецедентный феномен как «систему эталонов национальной культуры».

В соответствии с теорией Ю. Е. Прохорова, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, существуют следующие уровни ПФ: автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный, универсально-прецедентный.

В контексте исследования подчеркнем следующее. Мы рассматриваем ПФ, относящиеся к когнитивной базе людей, живших в конце XVI – первой половине XIX века, то есть к когнитивной базе, очень отличной от современной. Анализируются ПФ, значимые для одной нации, но самый высокий уровень прецедентности, который можно зафиксировать, не может называться национальным, так как в исследуемый период на территории Российской империи очень многочисленный класс крестьянства был в большинстве безграмотен. Грамотные же крестьяне читали в основном лубочную литературу и церковные книги. «Английские» ПФ могли быть известны лишь небольшой прослойке образованного населения. Таким образом, условно широко известный ПФ мог функционировать только в данной социальной среде. С целью подчеркнуть данную особенность предлагаем новый термин для обозначения промежуточного уровня – **национально-социумный уровень**. ПФ данного уровня могли быть максимально известны в данных социально-политических условиях в данный период истории, в данной социальной среде.

Наиболее актуальными для исследования являются ПФ следующих уровней: **социумного, национально-социумного и национально-прецедентного**.

За основу также принимаем следующую классификацию ПФ (по Д. Б. Гудкову): **прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентное имя (ПИ), прецедентная ситуация (ПС)**.

Отдельно анализируем такой ПФ как **логоэпистема** (рассмотрен ниже).

Основанием для причисления какого-либо языкового феномена к прецедентным и для выявления уровня ПФ являлись такие факторы:

- 1) частотность использования данного феномена в исследуемых текстах. Упоминание данного феномена два или более раз в текстах разных авторов;
- 2) наличие эмоциональной составляющей (положительной либо отрицательной) в высказываниях относительно данного феномена;
- 3) денотативность либо коннотативность употребления ПФ (описана ниже в разделе «Прецедентные имена».)

1.4.1.1. Прецедентные имена

Согласно мнению А. Ф. Лосева, имя понимается как свернутый миф, а миф – как реальность и оригинальная действительность [151]. Вслед за Ю. Е. Прохоровым, Д. Б. Гудковым, мы называем прецедентным именем индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная. Это имя – символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств.

Д. Б. Гудков подчеркивает: «прецедентные имена могут употребляться **денотативно** (экстенционально), т. е. использоваться для именованя того или иного объекта, или **коннотативно** (интенционально), т. е. использоваться для характеристики того или иного объекта.» [56, с. 53] Данная особенность употребления ПИ учитывается в исследовании и играет роль в определении уровня ПИ.

При написании имен происходило их заимствование. Способ заимствования имен не отличается от общепринятых способов заимствования лексики, таких как: **транскрипция, транслитерация, калькирование и семантическое заимствование**. Прецедентные имена разделены на подгруппы:

1. Антропонимы:

а) имена известных людей – писателей, поэтов, членов королевской семьи, политиков, общественных деятелей, исторических личностей (то есть имена реально существовавших людей);

б) имена героев художественных произведений;

2. Топонимы.

1.4.1.2. Прецедентные высказывания

Понятие ПВ впервые было введено в научный обиход В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой. В современной лингвистике указанный вид ПВ рассматривается достаточно широко. Так, Е. С. Бриченкова пишет, что в круг ПВ можно ввести цитаты, понимаемые как 1) собственно цитаты; 2) название произведения; 3) полное воспроизведение текста, представленное одним или несколькими высказываниями; «крылатые слова», т.е. вошедшие в нашу речь из литературных источников краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц; пословицы и поговорки [20, с. 42].

По теории Ю. Е. Прохорова прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной». [201, с. 151]

Необходимо отметить, что, как правило, мы не находим у авторов конца XVI – первой половины XIX века тех ПВ, цитат, которые ассоциируются у нас, современников, с Англией. Вместо них видим другие. Об этой особенности ПВ говорит и Д. Б. Гудков: «... в ряду других ПФ прецедентное высказывание стоит несколько особняком... Речь идет о большей «динамичности», изменчивости (формальной и содержательной) ПВ по сравнению с другими ПФ, различиями в структуре... » [56, с. 110].

1.4.1.3. Прецедентные тексты

Понятие ПТ впервые было введено Ю. Н. Карауловым. Исследователь понимает данный тип ПФ как тексты: «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». [102, с. 215] Характеристики прецедентных текстов по теории Ю. Н. Караулова: хрестоматийность и общеизвестность; эмоциональную и познавательную ценность; реинтерпретируемость, проявляющуюся в их многократной

интерпретации (вопроизводимости) в различного рода текстах и дискурсах [102, с. 217].

Ю. Е. Прохоров рассматривает прецедентный текст как законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, сложный знак, знакомый любому среднему члену лингвокультурного сообщества, обращение к которому многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы [201, с. 150].

Такие исследователи как Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова понимают прецедентный текст широко, включая в данное понятие тексты, изображения и видеоряд [227].

Д. Б. Гудков рассматривает прецедентный текст в ряду ПФ. Исследователь отмечает: «Состав ПТ... может со временем меняться, одни ...теряют статус прецедентных, другие, наоборот, такой статус приобретают...» [56, стр. 107]

1.4.1.4. Прецедентные ситуации

Впервые понятие ПС было введено В. В. Красных. Д. Б. Гудков также описал ПС и определил ее следующим образом: «некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями...» [56, с. 107]. По утверждению Д. Б. Гудкова, ПС более динамична и изменчива, чем другие ПФ.

Приводим более подробное определение ПС Д. Б. Гудковым: «Прецедентной же ситуацией (ПС) мы называем некоторую реальную единичную ситуацию, минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и знаком практически всем социализированным представителям этого сообщества. Актуализация ПС происходит при ее сопоставлении с той или иной ситуацией речи. Ситуацией речи мы называем как ту ситуацию, которая описывается в речи одного из коммуникантов (например, кто-либо рассказывает о сложном походе, который сам говорящий или его слушатели характеризуют как переход Суворова через Альпы), так и ту ситуацию, в которой протекает коммуникация (например, отец, недовольный тем, как разговаривает с ним его

сын, может обратиться к нему со словами: Я тебя породил я тебя и убью, актуализируя известную ПС)» [61, с. 40].

По теории Ю. Е. Прохорова прецедентная ситуация – это некая «эталонная», «идеальная» ситуация с определенными коннотациями. примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства иудой Христа, которая понимается как эталон предательства вообще [201, с. 150].

Вследствие изменчивости ПС часто не сохранялись в письменных источниках. ПС английского происхождения, отображенные в рассматриваемых текстах исследуемого периода, очень малочисленны.

1.4.1.5. Теоретические основы логоэпистемы.

В классификации ПФ мы опираемся на теорию представителей московской школы Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, то есть разделяем их на ПТ, ПВ, ПИ, ПС. Некоторые ПФ, отражающие английские реалии, невозможно отнести к данным группам вследствие несоответствия их принятым дефинициям. Такие ПФ мы квалифицируем, вслед за В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой, как **логоэпистемы**. Они обозначают разноуровневые лингвострановедчески ценностные единицы (слова-понятия; крылатые слова, фразеологизмы, прецедентные тексты, «говорящие» имена и названия), представляющие аккумулированное знание фактов культуры [120, с. 37]. В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова, выделяют следующие характеристики логоэпистем:

«– имеет словесное выражение, причем может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, и в предложении, сверхфразовом единстве;

- характеризуется отнесенностью к конкретному языку;
- является указанием на породивший ее текст или ситуацию;
- в процессе коммуникации не создается заново, но возобновляется;
- в процессе коммуникации может видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости ; в этом случае она приобретает текстообразующую силу.

С точки зрения культурологии логоэпистема:

- характеризуется наполненностью некоторым знанием культурного характера;

- семиотична и символична , поскольку является элементом системы знаков и символов;
- герменевтична, так как для ее понимания требуется соотнесение с иными текстами и артефактами культуры;
- дидактична, так как овладение ею возможно в процессе получения образования в смысле «врастания в культуру» [22, с. 10].

Логоэпистема – это след культуры в языке и языка в культуре [22, с. 10].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров подчеркивают, что логоэпистемы нельзя сводить к известным лингвистическим категориям, то есть к словам, словосочетаниям, фразеологизмам, метафорам т. д. Логоэпистема – это знание, «несомое словом как таковым – его скрытой внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой» [28, с. 257].

1.4.2. Теоретические основы заимствования

На протяжении нескольких веков взаимодействия Англии и России английский язык значительно влиял на русский язык, особенно на его лексический состав.

С. Г. Тер-Минасова пишет о заимствованиях: «Поскольку главным средством общения и культур, и людей, их представляющих, является язык, одним из свидетельств диалога как взаимодействия культур оказываются заимствования из других языков. Количество и качество заимствованных слов и выражений позволяет судить о масштабах диалога культур» [240, с. 18]. Таким образом, значение заимствований для отображения образа Англии очень велико.

Л. П. Крысин отмечает: «Начиная примерно со второй половины XVIII века... русские историки, филологи, общественные деятели, писатели, критики живо интересовались процессами вхождения в наш язык иностранной лексики и ее употреблением, высказывали свои соображения по поводу принятия или непринятия тех или иных слов, причем очень часто эти высказывания и споры выходили далеко за пределы узколингвистической сферы – в область идеологии, политики, социологии» [137, с. 15].

Заимствования отражают процессы различного характера: политического,

социального, культурного, собственно лингвистического. Историю литературного и разговорного языка можно отследить по характеру и объему заимствованной лексики. Процесс заимствования из других языков как проблема привлекает внимание лингвистов на протяжении многих лет. Еще Петр I выражал недовольство своему послу Рудаковскому по поводу большого количества иностранных слов и терминов: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради тебе впредь реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов» [296].

Проблема заимствования в русистике многократно всесторонне изучалась начиная с трудов М. В. Ломоносова. Он выступал против засилия иностранных слов. Ученый избегал употребления иноязычной лексики, стремился находить к ней русские аналоги. Позднее на процесс заимствования и на проблему чистоты языка обращали внимание А. П. Сумароков, Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, В. Г. Белинский. С научной точки зрения вопрос чистоты языка стал рассматриваться на рубеже XIX – XX веков (Р. Ф. Брандт, Е. Ф. Карский, А. И. Соболевский, М. Фасмер)

Общая теория заимствования стала формироваться в языкознании в конце XIX – начале XX века. Конец XX века характеризуется сменой парадигм. Лингвистическая наука переходит от структурно-семантической к новой антропоцентрической парадигме, на первый план выходит человек, языковая личность, языковое сознание. Таким образом, в современном языкознании явления заимствований изучаются многоаспектно, в непосредственной связи с языковой картиной мира носителя языка, национального языкового сознания. Причины заимствования, проблемы адаптации заимствований рассматривались такими исследователями, как В. М. Аристова, В. В. Виноградов, Л. П. Крысин, Г. В. Павленко, Ю. С. Сорокин.

В. В. Виноградов в монографии «Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков» исследует освоение западноевропейской терминологии русским языком на разных этапах истории. Исследователь

отмечает Петровскую эпоху как важный этап в процессе заимствования иностранных слов. Наиболее многочисленными в этот период были заимствования из немецкого языка. Исследователь также отмечает, что из английского языка были в данный период заимствованы некоторые технические термины, относящиеся к горному и инженерному делу. Тем не менее количество их уступало немецким и польским заимствованиям [32, с. 61]. По словам В. В. Виноградова, в Петровскую эпоху существовала мода на иностранные слова, однако часто «рядом с иностранным словом стоит его старорусский синоним или новое лексическое определение, замкнутое в скобки», что имело просветительское значение [32, с. 69]. Говоря о русском литературном языке XVIII века, В. В. Виноградов отводит существенную роль преобразованиям, которые ввел Н. М. Карамзин: «Он призывал писателей к заимствованию иностранных слов и оборотов или к образованию соответствующих русских для выражения новых идей» [32, с. 197]. Автор приводит слова Н. И. Греча: «Ломоносов создал язык. Карамзину мы обязаны слогом русским» [32, с. 198].

Для определения самого понятия заимствования обратимся к словарям различных периодов. Толковый словарь В. И. Даля: «Заимословие, заимословное речение, иносказание, переносное, окольное, иноречивое, прикладное, противополож. прямое» [321, с. 581]. Определение англицизма: «Англицизм м. английский склад, оборот речи» [321, с. 16].

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой содержит толкование слов «заимствование» и «англицизм»: «Заимствование -я ср. 1. см. заимствовать. 2. Заимствованное явление, слово, выражение..» [338]. «Англицизм -а м. Слово или оборот речи в каком-н. языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения [338].

Таким образом, в указанных словарях XIX и XX века толкование слов «заимствование» и «англицизм» практически не отличается. Однако современный «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В. Н. Ярцевой так поясняет термин «заимствование»: «Элемент чужого языка

(слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой» [154, с. 158].

Из толкования следует, что явление заимствования в современном языкознании рассматривается 1) как процесс и 2) как результат такого процесса.

1.4.2.1. Причины и факторы процесса заимствования

Причины и факторы процесса заимствования из других языков изучаются на протяжении многих лет. Наиболее часто различают внешние (экстралингвистические) и внутренние (собственно лингвистические) причины заимствования. Внешние причины продиктованы в основном политическими, социально-экономическими и культурными контактами. Такие контакты приводят к возникновению новых реалий, понятий и идей и необходимости их номинации в языке-реципиенте, иногда – к моде на иностранные слова.

Лингвистические причины заимствования рассматривались такими учеными как В. М. Аристова, Л. П. Крысин, Ю. С. Сорокин. Наиболее полной представляется классификация причин заимствований Л. П. Крысина: 1) потребность в наименовании (новой вещи, явления); 2) потребность в уточнении, реализации соответствующего понятия; 3) необходимость разграничения близких по содержанию, но все же разных понятий; 4) необходимость специализации понятий в той или иной сфере, с той или иной целью; 5) эвфемистическая замена; 6) тенденция к замене словосочетаний и описательных выражений однословными наименованиями; 7) закрепление в языке заимствований, которые можно объединить в лексический ряд, базируясь на их общем значении и повторяемости какого-нибудь общего структурного элемента; 8) наличие в заимствующем языке устоявшихся терминологических систем, обслуживающих ту или иную тематическую отрасль [135, с. 146].

Л. П. Крысин, размышляя над проблемой восприятия российским обществом потока заимствований в разные периоды истории, указывает условия, которые определили предрасположенность к принятию иноязычной лексики в конце XX – начале XXI века: «Значительная часть населения России осознает

свою страну как часть цивилизованного мира; ... происходит переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие...» [136].

Указанные условия схожи с теми, которые сформировались в конце XVIII – начале XIX века, когда передовые умы придерживались либеральных взглядов и, получая европейское образование, также осознавали себя частью цивилизованного мира. Ориентация на Запад в сферах культуры, моды, торговли, музыки, кухни также была характерна для России XIX века. Русский язык являлся хорошей почвой для потока иностранной лексики и ее укоренения. Л. П. Иванова в монографии, посвященной роману «Евгений Онегин», отмечает: «...культура России начала XIX века являлась составной частью мировой культуры» [89, с.68]. В качестве аргументации автор приводит количественное выражение представленности мировой культуры в романе «Евгений Онегин» посредством упомянутых в романе имен известных иностранных поэтов, ученых и т.д.: «Франция – 16 имен..., Англия – 9 имен (Байрон, Бентам, Гиббон, Прадт, Ричардсон, Сей, Скотт, Смит, Шекспир), античность – 8 имен..., Италия – 6 имен..., Германия - 5 имен..., Восток – 1 имя..., Голландия – 1 имя... Таким образом, всего 46 имен» [89, с. 69]. Следовательно, английские имена по количеству занимают второе место в «энциклопедии русской жизни», как называл роман А. С. Пушкина В. Г. Белинский.

1.4.2.2. Освоение заимствований

Изучение процесса освоения заимствований системой языка-реципиента является одной из важнейших проблем в изучении заимствований как таковых. Исследователи обращали внимание на уровни и этапы адаптации заимствованных слов. Традиционным является выделение таких типов освоения: 1. Фонетическое – приспособление звукового облика заимствованного слова к фонетическим нормам языка;

2. Грамматическое – включение слова в грамматическую систему языка;

3. Лексическое – включение слова в систему значимостей.

4. Семантическое.

Л. П. Крысин выделяет пять этапов освоения, от употребления иноязычного слова в его исконной орфографической форме и до регистрация иноязычного слова в толковом словаре [137, с.37].

В. М. Аристова определяет три этапа заимствования: 1) проникновение; 2) собственно заимствование; 3) укоренение [5, с. 150]. Данную классификацию этапов заимствования используем для нашего исследования, так как количество примеров некоторых заимствований, функционировавших в XVI – XVII веках, ограничено, полную картину процесса заимствования иногда трудно отследить. По этим причинам три основных этапа заимствований, выделенных В. М. Аристовой, для нашего исследования наиболее приемлемы.

1.4.2.3. Классификация заимствований

Разными исследователями предлагались различные классификации заимствований, основанных на разных критериях.

Наиболее распространенной является классификация иноязычной лексики, предложенная Л. П. Крысиным, то есть: заимствованные слова, экзотическая лексика (или экзотизмы), иноязычные вкрапления (или варваризмы). Для нашего исследования актуальными являются заимствования, пришедшие в русский язык в период конца XVI – первой половины XIX века. Такие англицизмы являются одним из аспектов отображения образа Англии.

При делении слов по экстралингвистическому признаку наиболее приемлемой является тематическая классификация заимствований. Следует учесть, что в русской лингвистической литературе нет четкой теоретической основы тематической классификации, ее определение зависит от каждого отдельного исследователя. Л. В. Гребинник, используя данный вид классификации при анализе немецких заимствований, отмечает: «Основными задачами лингвиста при составлении тематической классификации является осуществление следующих операций: 1) дедуктивное разбиение понятийного континуума, представленного лексикой языка; 2) индуктивное восхождение от отдельных слов к выделенным рубрикам» [52, с. 39].

В исследовании используются такие классификации:

1. Языковые и неязыковые (межкультурные) заимствования (Ф.С. Бацевич, Г. Ю. Богданович).

2. Тематическая классификация, так как она наиболее точно отвечает цели отобразить образ Англии в русском языковом сознании. Также данная классификация, объединяя лексемы в связанные культурной сферой блоки, отвечает целям и задачам лингвоимагологии, в русле которой осуществляется наше исследование.

3. Заимствованные слова, экзотическая лексика (или экзотизмы), иноязычные вкрапления или варваризмы (Л. П. Крысин).

4. Алфавитная классификация. Алфавитный перечень используется в пределах тематической группы.

5. Классификация по способам заимствования: транскрипция, транслитерация, калькирование и семантическое заимствование.

1.4.2.4. Неязыковые (межкультурные) заимствования

В словаре Ф. С. Бацевича, Г. Ю. Богданович «Украинско-русский словарь терминов межкультурной коммуникации» дифференцируются **языковое и межкультурное заимствование**. К языковым заимствованиям относятся слова и выражения, пришедшие из другого языка. Заимствования межкультурные квалифицируются следующим образом: «Заимствования межкультурные – общее понятие теории взаимодействия культур: элементы чужой культуры (вещи, идеи, технологии, стили общения, религия, мода, слова и т.п...)» [315, с. 71]. Таким образом, к межкультурным заимствованиям можно отнести и заимствованные из другой культуры жесты (кинемы) как аспект стиля общения.

Л. П. Крысин в монографии «Русское слово, свое и чужое» отмечает: «Как правило, речевые жесты национально и социально обусловлены: у разных народов разные жесты служат для выражения одного чувства... Видимо, не только отдельные жесты, но и все двигательное поведение человека во время речи имеет национальные особенности, постичь которые, кстати сказать, труднее, чем сам язык» [137, с. 694].

Г. Е. Крейдлин в монографии «Невербальная семиотика» пишет о значительной роли невербальной коммуникации людей и о различиях жестов или кинем в разных культурах. Исследователь отмечает: «Проблема межкультурного соответствия жестов, или... проблема универсализма, тесно связана с интерпретацией невербального текста одной культуры носителями другой и с проблемой переводимости ... Каждый народ и каждая культура имеют свое «немое кино» [133, с. 131].

1.4.3. Понятие этномифологемы, соотношении ее с мифом и стереотипом

Понятие мифа и стереотипа являются важными для многих наук и, в частности, для языкознания.

А. А. Потебня придавал особое значение мифу. «Самый миф сходен с наукой в том, что и он произведен стремлением к объективному познанию мира» [196], – писал А. А. Потебня, – «считать создание мифов за ошибку, болезнь человечества, значит думать, что человек может разом начать со строго научной мысли, значит полагать, что мотылек заблуждается, являясь сначала червяком, а не мотыльком?» [196]. В наше время мифологическое мышление многими учеными квалифицируется не только как начальный этап развития мышления. Так, А. Л. Топорков рассматривал мифологическое мышление как «вневременную составляющую мышления *homo sapiens*, возможную на разных этапах исторического развития человечества, в том числе и в современности» [244, с. 311]. Проблему художественного образа в зеркале мифа этноса изучает Н. В. Слухай (Молотаева) [224].

Е. А. Селиванова подчеркивает: «В сфере мышления миф получает вербальное выражение и фиксируется в устойчивой структуре суждения, не имеющей рациональной природы, но воспринимаемой как рациональная на основе языковой символизации ... Таким способом язык закрепляет миф в мифологемах – языковых носителях мифов» [209, с. 78].

Миф, мифологическое мышление существует с незапамятных времен, в наши дни анализируются концепты и связанные с ними явления. Это дало

основание С. Г. Воркачеву говорить о том, что в конкурентной борьбе конца прошлого века столкнулись такие номинативные единицы: «концепт», «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема» [37, с. 5].

В русле обозначенных разысканий В. Б. Кашкин и С. Пейхёнен, исследуя этнонимы «русский» и «финн», вычленяют **этномифологему** – то есть **мифологему**, связанную с **этнонимом**: «... за этнонимом стоит не просто лексическое значение, план содержания, семантика. Этноним вызывает в языковом сознании индивида определенную модель действий и отношений, концепт, стереотип, или, точнее, мифологему ...» [108].

А. А. Потенция обращался к теме **стереотипа**, с которым сегодня связывается этномифологема, рассуждая о «руководящих нашим мнением **понятий** кацапа, хохла, цыгана, жида...» [196]. Ученый писал: «Когда Филипп сказал Нафанаилу: «Мы нашли Того, о Ком писал Моисей в Законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета», и, когда Нафанаил отвечал ему: «Может ли что путное быть из Назарета», он, как сам потом увидел, ошибался; но очень неполное понятие о человеке родом из Назарета было для него готовою нормою, с которою необходимо должно было сообразоваться все, что будет отнесено к ней впоследствии» [196].

По мнению В. Б. Кашкина, «этноним несет под собой миф как свернутое руководство к действию» [106].

Этноним «англичанин» был безусловно стереотипом и также нес миф для представителя русского лингвокультурного сообщества. Думается, содержание термина «этномифологема» точно отображает то семантическое наполнение и отношение, которое вкладывается в лексему «англичанин» в русском языковом сознании. Вторым аспектом является этномифологема «англичанка», которую рассмотрим отдельно.

Вслед за финским исследователем Я. Лехтоненом, выделяем четыре разновидности этнокультурной стереотипизации: **простые авто- и гетеростереотипы** (что мы думаем о себе и о ‘чужих’) и **переносные (projected) авто- и гетеростереотипы** (что мы предполагаем о том, что ‘чужие’ думают о нас

и о себе самих) [305, с. 144]. В данном случае мы будем говорить о **простом гетеростереотипе**, то есть о том, что думали русские об англичанах в исследуемый период.

В составе этномифологемы (ЭМ) как гетеростереотипа были вычленены отдельные компоненты – **миниэтномифологемы (МЭМ)**. Данные категории могут служить более детальному анализу образа представителя одного народа в глазах другого, что актуально для лингвоимагологии.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 1

Исследование проводится в русле лингвоимагологии – нового направления языкознания, призванного отобразить образ одного народа или страны в языковом сознании другого народа; его вербализацию и исследует лингвоимагология. Предметом ее является репрезентация образа страны в языковом сознании. Лингвоимагология сформировалась на базе имагологии – отрасли сравнительного литературоведения. Лингвоимагология ориентируется прежде всего на вербализацию оценки, поэтому предметом анализа является оценка, стереотип, ритуал, мифологема, паралингвистическая ситуация, прецедентность. Изучение образа Англии осуществляем на основе таких лингвистических категорий: 1. Прецедентные феномены, включающие а) прецедентные имена (антропонимы и топонимы), прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные тексты; б) логоэпистемы; 2. Этномифологемы, включающие миниэтномифологемы; 3. Заимствования, включающие а) языковые заимствования б) межкультурные заимствования.

Методы, используемые в ходе исследования: анализ, индуктивный метод, прием пассивного наблюдения, описательный метод (в том числе, прием описания по лексико-семантическим группам), метод лингвоимагологической интерпретации текста.

Лингвоимагология не опирается на зеркальное восприятие стран и народов, а исследует образ одного народа и страны в языковом сознании другого

народа. Мы изучаем образ Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX веков. Лингвоимагология тесно связана с такими науками как лингвокультурология, межкультурная коммуникация. Важной категорией для лингвоимагологии являются культурный фон. Культурный фон русских авторов связан с их оценкой Англии и часто является определяющим для данной оценки. Лингвоимагология как новое направления языкознания перспективна, поскольку она может служить фундаментом для решения практических проблем межкультурной коммуникации. Одним из многочисленных возможных исследований а данном русле является исследование зарождения и формирования образа Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX вв.

ГЛАВА 2

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК АСПЕКТ ОБРАЗА АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

2.1. Прецедентные имена, репрезентирующие образ Англии

2.1.1. Антропонимы-имена англичан

Генри Филдинг и Сэмюэл Ричардсон

Имена двух писателей часто встречаются в текстах рядом. Мы объединили их во избежание повторения одних и тех же примеров.

Сэмюэл Ричардсон (1689 – 1761) – английский писатель, родоначальник «чувствительной» литературы XVIII – начала XIX вв.

Генри Филдинг (1707 – 1754) – знаменитый английский писатель и драматург. Широкая писательская известность Филдинга основывается не на его драматургии и публицистике, а на романах. Г.Фильдинг пародировал сентиментально-дидактический стиль С. Ричардсона – своего современника и соперника.

Английские романисты Филдинг и Ричардсон пользовались в России и Европе поистине огромной популярностью. Н. М. Карамзин отмечает: *Ричардсон и Фильдинг выучили французов и немцев писать романы как историю жизни...* [408, с. 481]. Характерно, что у Н. М. Карамзина эти два имени всегда упоминаются вместе. Так, о служанке в Лондоне автор пишет: *...Приносит мне чай с сухарями и разговаривает со мной о Фильдинговых и Ричардсоновых романах.* [408, с. 440]

А. С. Пушкин упоминает Ричардсона в романе «Евгений Онегин»: *была сама от Ричардсона без ума* [421, с. 49]. и *Она любила Ричардсона не потому, чтобы прочла* [421, с. 49]. Эти цитаты свидетельствуют о моде на чтение романов Ричардсона. А. С. Пушкин рассказывает о том, что наборщики, которые набирали текст «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, *помирали со смеху* и констатирует: *Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков* («Письмо к издателю «литературных прибавлений к «Русскому

инвалиду») [427]. Соседство данных имен свидетельствует о высокой степени прецедентности имени Филдинг. В статье «О ничтожестве литературы русской» А. С. Пушкин писал: *Англия следует за Францией на поприще философии, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа* [427]. Имена Ричардсона и Филдинга снова стоят рядом и, безусловно, хорошо знакомы, автопрецедентны для А.С. Пушкина.

В следующей цитате находим ироничную, двусмысленную похвалу А. С. Пушкиным романа Ричардсона: *Многие читатели согласятся со мною, что «Клариса» очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из Английского клоба или собираясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадетя вам в каземате или в поспешном дилижансе.* (А. С. Пушкин «Путешествие из Москвы в Петербург») [427]. Фактически А. С. Пушкин говорит в данном случае о том, что сегодня мы называем легким, дорожным чтивом, но бращает внимание на скучность такого рода литературы. Фразы «*арабская сказка*», «*занимательна...в каземате*» употреблены, по-видимому, с иронией.

В 1824 году А. С. Пушкин пишет Л. С. Пушкину: *Образ жизни моей все тот же, стихов не пишу, продолжаю свои «Записки» да читаю «Клариссу», мочи нет, какая скучная дура!* [431]. В данном случае наблюдается крайне отрицательная оценка, которая относится, видимо, к роману, но, возможно, равно и к роману, и к героине. Однако следует заметить, что поэт все же продолжает читать этот скучный роман, то есть, все же, находит в нем что-то интересное.

Нормы написания фамилии Филдинг менялись с течением времени.

Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин использовали написание с мягким знаком – «Фильдинг». Палатализация, характерная для русского языка, не соответствует нормам фонетики английского языка. Позже, в XX веке, имя Филдинг писалось в основном без мягкого знака. Оба варианта написания являются вариантами транскрипции английского варианта «Fielding», так как близки к его

фонетическому отображению.

Написание английского имени «Richardson» как «Ричардсон» является результатом транслитерации и транскрипции одновременно, так как и фонетическое, и грамматическое отображения слова близки к оригинальному английскому.

Имена Генри Филдинга и Сэмюэла Ричардсона, по-видимому, несли определенные ассоциации для современников исследуемого периода. В приведенных цитатах данные имена предстают стандартом романистов того времени, об их романах рассуждали в письмах и публицистических заметках, упоминали в художественных произведениях. Несколько раз они указываются авторами в юмористическом и сатирическом контексте. Таким образом, указанные имена являлись прецедентными. Количество упоминаний и их оценка свидетельствует о национально-социальном уровне прецедентности в XVIII – XIX веках. На основании результатов поиска в НКРЯ в наше время данные имена не являются прецедентными.

Горацио Нельсон

Нельсон Горацио (1758-1805), виконт, английский флотоводец, вице-адмирал. Одержал ряд побед над французским и испанским флотами, в том числе при Абукире и Трафальгаре (в этом бою был смертельно ранен), имя его стало символом военно-морской мощи Англии. Горацио Нельсон славился как сторонник маневренной тактики и решительных действий. Имя Нельсона служило примером мужества во всей Европе, а также в России.

«Вестник Европы», 1805 год: *«Адмирал Нельсон, знаменитый Герой Абукирский, опять полетел на поле славы»* [391, с. 238]. Слово «Герой» (с заглавной буквы), фраза «полетел на поле славы» свидетельствует об уважении и вызывает ассоциации с птицей, с крылатой богиней победы Никой.

В. П. Боткин. Письма об Испании (1847): *Нельсон беспрестанно говорил о важности Марокко для Англии...* [416]

Е. Ф. Комаровский. Записки (1830-1835) *Адмирал Нельсон пришел с вверенною ему эскадрой в Балтийское море с тем, чтобы истребить наш флот*

и взять Ревель и Кронштадт [416].

В. П. Боткин и Е. Ф. Комаровский упоминают имя Нельсона уже без свойственного «Вестнику Европы» восторженного тона, оценки в указанных цитатах не наблюдаем, но упоминание имени служит доказательством прецедентности.

Как наш Кутузов иль Нельсон, Иль в ссылке, как Наполеон, Иль быть повешен, как Рылеев [276], – это строки, не вошедшие в напечатанный вариант поэмы «Евгений Онегин». А. С. Пушкин характеризует здесь убитого Ленского, говорит о том, что могло ждать его в будущем. М. Шапир объясняет отсутствие данных строк в напечатанной поэме произволом редактора [276]. Кутузов и Наполеон – имена прецедентные, особенно в то время, когда война 1812 года была недавней героической историей. Пушкин ставит в один ряд фамилии Кутузова, Нельсона, Наполеона. Данный факт, а также частота упоминания в текстах разных авторов свидетельствует о высокой, национально-социумной степени прецедентности имени Горацио Нельсона для России XIX века. В наше время данное имя перестало быть прецедентным. Написание английского имени «Nelson» как «Нельсон» является транслитерацией со свойственной русскому языку смягчением согласных, в данном случае согласной «л».

Джордж Гордон Байрон

Джордж Гордон Байрон (1788 - 1824) – великий английский поэт-романтик, национальный герой Греции, за освобождение которой он отдал жизнь. В публицистике А. С. Пушкина имя Д. Байрона – одно из наиболее часто упоминаемых. Самого Пушкина в Англии иногда называли «русский Байрон». В России образ Пушкина также неизменно связывали с образом великого английского поэта. Вот что писали о Пушкине современники:

Е. Ф. Розен: *Он был характера весьма серьезного и склонен, как Бейрон, к мрачной душевной грусти...* [433];

А. Н. Вульф: *Одевался Пушкин хотя, по-видимому, и небрежно, подражая при этом, как и во многом другом, прототипу своему — Байрону, но эта небрежность была кажущаяся...* [40];

В данных цитатах, хоть речь идет о А. С. Пушкине, наблюдаем мнения и о Д. Байроне, авторы упоминают его «*мрачную душевную грусть*» и манеру «*небрежно*» одеваться.

Письмо А. И. Тургенева П. А. Вяземскому: *Он {Пушкин} непременно хочет иметь не один талант Байрона, но и бурные качества его и огорчает отца язвительным от него отступничеством...* [418]. Сам А. С. Пушкин писал в «Набросках предисловия к трагедии «Борис Годунов»: *Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное...* [427]. Как следует из цитат, подражание Байрону замечали не только современники А. С. Пушкина, но и он сам.

А. С. Пушкин часто обращался к образу Д. Байрона в публицистике, письмах, стихотворениях. Особое место занимает образ великого англичанина в романе «Евгений Онегин». Л. П. Иванова отмечает: «Особый интерес представляют многократные обращения к личности и произведениям Д. Байрона. Великий русский поэт характеризует его с глубоким уважением и симпатией: «*По гордой лире Альбиона он мне знаком, он мне родной*»,.. «*внук Аполлона*»,.. «*Гордости поэт*»...Главный герой романа также характеризуется через творчество Байрона: «*Как Child-Harold, угрюмый, томный, В гостиных появлялся он*»...*Онегин, «певцу Гюльнары подражая, сей Геллеспонт переплывал*»... «*Москвич в Гарольдовом плаще*»..., в доме Онегина висит портрет Байрона ... «*Лорд Байрон прихотью удачной Облек в унылый романтизм И безнадежный эгоизм*»,.. «*Прямым Онегин Чильд Гарольдом Вдался в задумчивую лень*» [89 с. 56].

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» называл Байрона также «*певцом Гюльнары*» [421, с. 74], «*певцом Гяура и Жуана*» [421, с. 121], а в стихотворении «Послание Дельвигу» – «*певцом Корсара*» [423]. В данных примерах функционирует перифраз (Байрон – певец героев своих произведений). Таким образом, Байрон у А. С. Пушкина предстает тем, кто воспекает и славит своих героев.

В публицистике и переписке А. С. Пушкина упоминания Байрона очень

многочисленны. Приведем не все цитаты, а наиболее ярко иллюстрирующие отношение и степень важности личности Д. Байрона для А. С. Пушкина:

а) по отношению к поэзии Д. Байрона:

Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона (А. С. Пушкин «Роман Б. Констана «Адольф» в переводе П.А. Вяземского) [427];

Исчисляя переводы, явившиеся в течение 1829 года, автор замечает, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич (А.С. Пушкин «Денница» Альманах на 1830 год) [427];

В «Вестнике Европы» заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне... Кстати о «Полтаве» критики упомянули, однако ж, о Байроновом «Мазепе» (А. С. Пушкин Возражения критикам «Полтавы») [427];

В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольным соучастием не сблизить судьбы своей с судьбою Чильд-Гарольда. (А. С. Пушкин «Фракийские Элегии») [427];

...неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессмертными произведениями Гете и Байрона. (А. С. Пушкин «Поэма Баратынского «Бал») [427];

Виноват: я бы отдал все, что было писано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие незадумчивые и невесторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям: Друзья! Сестрицы! я в Париже! Я начал жить, а не дышать! (А. С. Пушкин «Путешествие в Л. П.») [427];

...никак не ожидал, чародейка, что вы вспомните обо мне, от всей души благодарю вас за это. Байрон получил в моих глазах новую прелесть – все его героини примут в моем воображении черты, забыть которые невозможно.... Что подельвает ваш муж, мой нежный гений? Знаете ли вы, что

в его образе я представляю себе врагов Байрона, в том числе и его жену (А. С. Пушкин «Письмо А. П. Керн») [431].

А. С. Пушкин называет Байрона *гением*. В соответствии со «Словарем языка Пушкина» для поэта характерным было очень частое употребление данного определения. Поэт характеризовал так важных для истории или искусства личностей: Суворова, Эсхилла, Моцарта, Петра I и других [349, с.470]. Байрон был одной из таких важных личностей для поэта.

б) относительно драматургии Д. Байрона:

Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант. Они, кажется, правы. Байрон, столь оригинальный в «Чильд-Гарольде», в «Гяуре» и в «Дон Жуане», делается подражателем, коль скоро вступает на поприще драматическое: в «Manfred»'е подражал он «Фаусту», (А.С. Пушкин «О трагедиях Байрона») [427];

Байрон мало заботился о планах своих произведений или даже вовсе не думал о них: несколько сцен, слабо между собою связанных, были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин. Английские критики оспаривали у него гений драматический, и Байрон за то на них досадовал. (А. С. Пушкин «О Трагедии В. Н. Олина «Корсер») [427]. А. С. Пушкин в оценке драматургии Байрона откровенно признает отсутствие у автора драматургического таланта. Такая искренняя характеристика, свойственная Пушкину, свидетельствует также об очень дружественном, но и критическом отношении к Байрону.

в) относительно личности и внешности Д. Байрона:

Особого внимания заслуживает статья А. С. Пушкина «О Байроне и о предметах важных». А. С. Пушкин, опираясь на биографию Д. Байрона, старается не высказывать своего мнения о поэте, приводит впечатления других, например, Мура и школьных товарищей Байрона. Однако все же равнодушие А. С. Пушкина дает о себе знать в некоторых фразах.

Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность, которые потом

сделались главными признаками его характера [427];

Достойно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными. [427];

Странности лорда Байрона были частью врожденные, частью им заимствованы [427];

В самую минуту его рождения нога его была повреждена — и Байрон остался хром на всю свою жизнь. ... Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, опасаясь их насмешливого взгляда [427].

А. С. Пушкин употребляет градацию «эту горечь, эту раздражительность», где указательное местоимение «эту» свидетельствует об основательном знании Пушкиным характера Байрона. Так можно говорить о человеке близком. Но поэты не были знакомы. А. С. Пушкин, не ссылаясь на мнения других о Байроне, также пишет о красоте поэта, его страхах, опасениях. Данная характеристика также свидетельствует о симпатии и увлечении А. С. Пушкина личностью поэта. Из всего вышесказанного делаем вывод о том, что имя Д. Байрона имело особое значение, было автопрецедентным для А. С. Пушкина.

Интерпретация оценки А. С. Пушкиным личности произведений Байрона формирует образ поэта, который включает:

1) характеристики, представляющие мнение А. С. Пушкина о личности и характере Байрона: «*гением лорда Байрона*», «*бездны мыслей, чувств и картин*», «*обнародованный гением*», «*мало заботился о планах своих произведений*», «*Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность*», «*оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность*», «*«Странности лорда Байрона»*», «*дичился общества людей, мало ему знакомых*», «*никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными*»;

2) характеристики, репрезентирующие видение А. С. Пушкиным внешности Байрона: «*остался хром на всю свою жизнь*», «*будучи собою красавец*»,

«воображал себя уродом»;

3) характеристики, отображающие оценку А. С. Пушкиным произведений Байрона: «бессмертными произведениями», «ряд картин одна другой разительнее», «пламенное создание», «оригинальный», «бессмертными», «божественнее», «мрачного, ненавистного, мучительного», «получил в моих глазах новую прелесть», «разделяют...любовь», «поражен был».

4) характеристики, свидетельствующие о восприятии А. С. Пушкиным творческой манеры Байрона: «широкая, быстрая кисть», «делается раздражателем, коль скоро вступает на поприще драматическое», «незадумчивые и невесторженные стихи».

Указанный материал эксплицирует интенсивность эмоций и в основном положительную характеристику А. С. Пушкиным образа Д. Байрона. В оценке Пушкина присутствует критическое объективное мнение как литератора, но несомненны восторг и преклонение преданного читателя.

Современники А. С. Пушкина также хорошо знали английского поэта.

А. И. Тургенев писал в письме П. А. Вяземскому: *Следственно от севера до юга восхищаются Байроном* [418];

В письме А. И. Тургеневу от 1820 года П. А. Вяземский цитирует Д. Байрона, рассуждая о политических событиях: *Политический разбой. Как не вспомнить Байрона: «К чему праздновать кончину льва, когда пируют нами волки?»* [418];

В другом письме также 1820 года П. А. Вяземский пишет о российском императоре Александре I, который в это время был за границей: *Будто мало дела дома! Никто более его не придерживается слов Байрона: Но только не к брегам печальным Туманной родины моей* [418].

Мы обнаружили, что данный отрывок принадлежит перу не Байрона, а А. С. Пушкина. Это цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Погасло дневное светило»: *«Лети, корабль, неси меня к пределам дальным По грозной прихоти обманчивых морей, Но только не к брегам печальным Туманной родины моей...»* П. А. Вяземский нарочно или по ошибке говорит, что это стихотворение Байрона.

Дело в том, что стих А. С. Пушкина перекликается с отрывком из произведением Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» 1812 года – «Adieu, adieu! My native shore» (Прощай, родной берег), где есть такие строки «Nor care what land thou bear'st me to, So not again to mine» [444] (не важно, к какому берегу приведешь, но только не снова к моему). Возможно, А. С. Пушкин взял отрывок из поэмы Байрона как основу для своего произведения, что не раз происходило со стихотворениями А. С. Пушкина. Особого внимания в данном случае заслуживает фраза «*Туманной родины моей*». Ниже мы рассматриваем понятие «туманная Англия», которое функционировало уже в XIX веке. Однако в данном случае Пушкин называет туманной свою родину, Россию. Мы видим в этом ассоциацию собственной личности с личностью Д. Байрона, которого он очень ценил: даже свою родину А. С. Пушкин называет как родину любимого английского поэта «туманной». Безусловно, нельзя не учитывать и тот факт, что в конце лета или в сентябре, то есть тогда, когда Пушкин написал данное стихотворение, берег моря был действительно туманный, либо же поэт имел ввиду родной ему Петербург.

И. А. Гончаров в повести «Обрыв» вводит имена Байрона и Гете в диалог Аянова и Райского как некий образец всемирно известных имен. Коннотативное и денотативное употребление имени Байрона свидетельствует о его прецедентности: - *Ты просто - Дон-Жуан! - Да, Дон-Жуан, пустой человек: так, что ли, по-вашему? - А как же: что ж они, по-твоему? - Ну, так и Байрон, и Гете, и куча живописцев, скульпторов - все были пустые люди... - Да ты - Байрон или Гете, что ли?.. Райский с досадой отвернулся от него* [402].

А. А. Бестужев в письме А. С. Пушкину писал: *Бейрон не захотел после Гамлета пробовать этого сюжета* [416].

Норма написания имени Д. Байрона формировалась в период первой половины XIX века. Е. Ф. Розен и А. А. Бестужев употребляют форму «*Бейрон*». По-видимому, в данном случае авторы транслитерировали английский вариант. Однако в подавляющем большинстве примеров использована современная форма «*Байрон*», соответствующая английскому фонетическому отображению даного

имени. Таким образом, освоение данного антропонима было основано на транскрипции.

Оценка Байрона и его произведений в указанных цитатах всегда положительна, часто эмоциональна, подразумевает восхищение и подражание. Имя Байрона употребляется денотативно и коннотативно. Выделяется оценка А. С. Пушкина: у него Д. Байрон предстает словно живая, в трех измерениях существующая личность со своим характером, особенной внешностью, недостатками и достоинствами. На основании анализа лексики, отражающей оценку А. С. Пушкина личности Байрона, анализа лексического материала из критики и художественных произведений других писателей можно сделать вывод о том, что имя Джоджа Гордона Байрона являлось национально-социумно прецедентным в первой половине XIX века. На основании результатов поиска в НКРЯ в наше время уровень прецедентности данного имени значительно снизился.

Джон Мильтон

Джон Мильтон (1608 – 1674) – английский поэт, политический деятель, мыслитель. Наиболее известные его произведения: «Потерянный рай», «Возвращенный рай», «Самсон – борец». Поэт провел первую половину жизни в душевной гармонии, страдания и душевные муки омрачили его зрелые годы. Последние двадцать два года жизни Д Мильтон был слеп, его постигло разорение. Однако именно в эти годы им были созданы лучшие произведения. Творчество Мильтона имело серьезное влияние на поэтов – романтиков.

Н. М. Карамзин писал о гравюре над бюстом Д. Мильтона в Вестминстерском Аббатстве: *У греков — Гомер и Пиндар; Здесь — Мильтон и Грей!* [408, с. 488] Н. М. Карамзин высоко ценил знаменитого английского поэта: *Самым же лучшим цветком британской поэзии считается Мильтоново описание Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку* [408, с. 480]. О скульптурной статуе Мильтона автор говорит как о живой, как бы не желая признавать, что любимого поэта нет в живых: *«На одном пригорке сидит Мильтон - мраморный - и слушает музыку...»* [408, с. 466]. Вообще для русской культуры характерно

особенное отношение к памятникам. Часто они словно олицетворение ушедших людей, к ним обращаются, о них пишут стихи и музыкальные произведения. В поэме «Поэзия» Н. М. Карамзин посвятил Мильтону восторженные строки: *Мильтон, высокий дух, в гремящих страшных песнях Описывает нам бунт, гибель Сатаны; Он душу веселит, когда поет Адама, Живущего в раю; но, голос ниспустив, Вдруг слезы из очей ручьями извлекает, Когда поет его, подпадного греху* [409]. Для Н. М. Карамзина Д. Мильтон – «высокий дух», он «душу веселит» и «слезы из очей ручьями извлекает». Но его песни – «гремящие и страшные». Лексика, использованная Н. М. Карамзиным, – экспрессивная и противоречивая.

Раздел «Смесь», «Вестник Европы», 1802 г.: *Мильтон, Гомер и Демосфен Англии, сделался Поэтом от следующего романическаго приключения* [376, с. 312]. Характеристика Мильтона как «Гомера и Демосфена Англии» свидетельствует об очень высокой оценке неизвестным автором английского поэта. Автор как бы ставит имя англичанина на один уровень с древними поэтами и к тому же пишет слово «поэт» с большой буквы.

А. С. Пушкин упоминает имя Мильтона в публицистических текстах и записках довольно часто:

Но Мильтон и Данте писали не для благосклонной улыбки прекрасного пола. (А.С. Пушкин «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова») [427];

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в «Фаусте», Молиера в «Тартюфе» (А. С. Пушкин «Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям») [427];

Поэзия в отечестве Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции. (А.С.Пушкин «О ничтожестве литературы») [427];

Мильтон говаривал: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня (А.С. Пушкин, «Мильтон Говаривал...») [427]. Во фразе из данной цитаты «в отечестве Шекспира и Мильтона» имеет место метонимия. Для А. С. Пушкина Англия – отечество Шекспира и Мильтона.

Два собственных имени по сути замещают топоним Англия, что доказывает значимость данных имен для поэта.

В статье «О Мильтоне и переводе «Потерянного Рая» Шатобрианом» Пушкин очень критично отзывается о французских переводах Мильтона и образе Мильтона во французской литературе, но признает достоинства перевода Шатобриана: *Из всех иноземных великих писателей Мильтон был всех несчастнее во Франции. ... Не таков был Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец «Иконокласта» и книги «Defensio rorili!» ... Перевод, изданный Шатобрианом, заглаживает до некоторой степени прегрешения молодых французских писателей, так невинно, но так жестоко оскорбивших великую тень* [427]. В словах Пушкина чувствуется гнев по отношению к тем, кто не понял Мильтона. А. С. Пушкин также характеризует Мильтона: «жертва злых языков», «суровый фанатик», «строгий творец», [427].

Во фразе А. С. Пушкина «жестоко оскорбивших великую тень» лексема «тень» употреблена по отношению к покойному поэту, его душе. Таким образом, даже душа поэта для Пушкина «великая».

Характерной особенностью написания имени Мильтона является то, что наравне с русским А. С. Пушкин употребляет и английское: «Мильтон» и «Milton'a». Таким образом, антропоним «Milton'a» функционирует в качестве иноязычного вкрапления. Я. К. Грот, профессор русской словесности, академик Петербургской академии наук, в 1894 году создал руководство по русскому правописанию, в котором уделяет внимание передаче иностранных собственных имен. В частности, в нем говорится: «Начертание заимствованных имен русскими буквами представляет большие трудности... В Библиотеке для чтения 1830-х годов, Сенковский подал пример, которому и теперь еще многие следуют: писать иностранные собственные имена латинскими буквами с присоединением к ним русского падежного окончания, отделенного от имени апострофом. Этот способ письма, вообще говоря, не может быть признан удачным...» [55]. Безусловно, нельзя утверждать, что А. С. Пушкин следовал примеру

Сенковского, тем более, что в 1830-х годах поэт уже был сложившимся и именитым сочинителем. Однако следует принять во внимание, что Я. К. Грот говорит о тенденции писать иностранные имена латиницей и с русскими окончаниями, а также о том, что четких норм написания таких имен не было ни в середине XIX века, ни в конце его. Таким образом, различное написание имени Д. Мильтона следует объяснять именно указанными тенденциями в русском языке XIX века. Написание «Мильтон» является транслитерацией английского варианта с приданием мягкости букве «л».

А. С. Пушкин употребляет по отношению к Мильтону:

– характеристики: *«друг и сподвижник», «суровый фанатик», «строгий творец», «великий поэт», «великая тень», «жертва злых языков»; «написал ему свой славный пророческий сонет», «не мог быть посмешищем», «сохранил непреклонность души», «безвинно оклеветан»;*

– посессивные свойства образа: *«высшая смелость: смелость изобретения, создания», «гордое желание поэта».*

Вся названная лексика экспрессивна и свидетельствует об уважении и сочувствии Пушкина по отношению к Д. Мильтону и его судьбе, а также о значительности образа Мильтона.

Имя Мильтона обладало национально-социумной прецедентностью для русского языкового сознания периода конца XVII – XIX века, так как обладало ассоциативным потенциалом, и обращение к данному имени возобновлялось в разных текстах авторов исследуемого периода. На основании результатов поиска в НКРЯ в наше время уровень прецедентности данного имени значительно снизился.

Елизавета I (1533- 1603)

В соответствии с результатами поиска в НКРЯ приводим некоторые цитаты с упоминанием английской королевы Елизаветы (Елисаветы).

В. Н. Татищев, монография «Разговор двух приятелей о пользе науки и

училищах» (1733): *Из сего всяк может поистинне сказать, что в Англии Генрих VIII и Елисавета, а во Франции Генрих IV и Людовиг XIV достойно великими и отцами отечества имянованы...* [416].

Н. М. Карамзин: *Я с великим любопытством рассматривал флаги и всякого рода оружие, думал о Филиппе, о Елисавете, воображал смиренную гордость первого и скромное величие последней,... Я воображал всеобщую ревность лондонских граждан и солдат Елисаветиных, когда она, в виде любви и красоты, как богиня, явилась между ими, говоря: «Друзья! Не оставьте меня и отечество!» и когда все они единодушно отвечали: «Умрем за тебя и спасем отечество!..»* [408, с. 456];

Гринич сам по себе есть красивый городок; там родилась Елисавета. [408, с.466];

В этом приделе погребают королевскую фамилию, и вы видите подле несчастной Марии Стюарт Елисавету! Гроб всех примиряет [408, с. 490];

Ф. В. Булгарин, роман «Димитрий Самозванец» (1830):

В Англии царствовала королева Елисавета с такою же славою, как у нас Иоанн [416];

А. И. Тургенев, Дневники (1825-1826): *Елисавета возвеличила Англию, но не смыла пятна крови, которая брызнула на нее с прелестной Марии!* [416].

В указанных цитатах речь идет, безусловно, о Елизавете I (1533- 1603) Время правления Елизаветы часто называют «золотым веком Англии», именно благодаря политике этой королевы Англия отвоевала у Испании статус «главной морской державы». Обращаясь к имени Филиппа, Н. М. Карамзин имел в виду испанского короля Филиппа II и Гравелинское сражение, во время которого сравнительно слабый английский флот разбил испанскую Великую Армаду. Мария Стюарт, которую упоминает автор, – французская и шотландская королева, которая претендовала на английский трон и была казнена при Елизавете I. В цитатах имя королевы отображается как «Елисавета» в соответствии с нормами написания данного имени в русском языке XVIII века.

Н. М. Карамзин употребляет по отношению к королеве Елизавете

характеристики, несущие положительную оценку: *«скромное величие»*, *«в виде любви и красоты»*, *«как богиня явилась между ими»*. Автор сравнивает королеву с богиней, а в его оценке «скромное величие» прослеживается антитеза. Другие авторы употребляют положительные характеристики *«достойно великими»*, *«славою»*, *«возвеличила Англию»*. А. И. Тургенев противопоставляет положительной характеристике отрицательную. Говоря о казни Марии Старт, автор создает четкий визуальный символический образ: *«но не смыла пятна крови»*.

Во фразе *«Я вообразил всеобщую ревность лондонских граждан и солдат Елисаветиных»* Карамзин использует лексему «ревность». Словарь В. И. Даля так толкует данное слово: «Ревность ж. горячее усердие, старанье, стремленье, и бол. к добру. Ревность по службе; ревность к службе. | Зависть, досада на больший успех другого. Его гложет ревность по чужим удачам.» [324, с. 88]. Таким образом, данное слово во времена Н. М. Карамзина имело два значения. Сегодня мы употребляем слово «ревность» исключительно во втором указанном в словаре значении.

Английское написание «Elizabeth» содержит букву «z», которую традиционно транслитерируют и транскрибируют как русскую «з». Написание имени «Елисавета» с буквой «с» можно пояснить православной традицией. Толкования данного имени нет в словаре В. И. Даля и в «Словаре русского языка XVIII века» Ю. В. Сорокина. В православных источниках данное имя пишется и сегодня как Елисавета, например в православном «Церковнославянском имясловес» указано: «Елисавета – почитающая бога (греч.)» [269]

Частота и контекст употребления имени «Елисавета» дает нам основание считать данное имя национально-социумно прецедентным для русского языкового сознания исследуемого периода. В наши дни прецедентность его снизилась.

Исаак Ньютон (Невтон)

Сэр Исаак Ньютон (1642 – 1727) – английский физик, математик и астроном, один из создателей классической физики. Автор фундаментального труда

«Математические начала натуральной философии», в котором он изложил закон всемирного тяготения и три закона механики, ставшие основой классической механики. Разработал дифференциальное и интегральное исчисление, теорию цвета и многие другие математические и физические теории.

Документ, составленный М. В. Ломоносовым, от 1743 г.: *В Академию Наук доносит той же Академии адъюнкт Михайло Ломоносов, а о чем, тому следуют пункты: 1 Потребна мне, низжайшему, для упражнения и дальнейшего происхождения в науках математических Невтонова „Физика“ и „Универсальная арифметика“, которые обе книги находятся в Книжной академической лавке...[413]* Из содержания документа следует, что книги Ньютона продавались в академической лавке, а значит, их, наверное, читали образованные люди, ученые, возможно, студенты, следовательно, прецедентность имени Ньютон в XVIII веке была значительной.

Н. М. Карамзин писал:

Я умствую: извините. Таково действие английского климата. Здесь родились Невтон, Локк и Гоббес [408, с. 436];

Я остановился с благоговением перед памятником Невтона. Херувимы держат перед ним развернутый свиток [408, с. 490]

Пример Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса ничего не доказывает. Гении родятся во всех землях [408, с. 496].

Н. М. Карамзин называет Ньютона «гением» и «с благоговением» останавливается у памятника ученому. Ассоциации со словом «благоговение» связаны с церковью, молитвой, Богом. Таким образом, оценка Карамзина исключительно положительна и высока.

А. И. Тургенев в «Дневниках» (1825-1826) описывает памятник И. Ньютону: *Исаак Невтон! опирается на 4 фолианта: богословие, хронология, оптика и философия [416].* Восклицательный знак, употребленный после имени ученого привлекает внимание к этому имени и выполняет интонационно-экспрессивную функцию. У А. И. Тургенева статуя Ньютона вызывает интерес и волнение, что также служит аргументом в пользу прецедентности.

Написание имени Ньютон как «Невтон» объясняется транслитерацией английского варианта Newton. К тому же, по-видимому, в XVIII веке уже существовала норма написания данного имени.

Из вышесказанного делаем вывод: имя Исаака Ньютона являлось национально-социумно прецедентным в исследуемый период. Сегодня прецедентность его расширилась, оно стала национально прецедентным для русского языкового сознания, поскольку известно даже школьникам.

Лоренс (Лаврентий) Стерн

Лоренс (Лаврентий) Стерн (1713 -1768) – знаменитый английский писатель – сентименталист XVIII века. Он известен благодаря романам «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», также он опубликовал многочисленные проповеди, писал мемуары и принимал участие в политической жизни. Романы Л. Стерна были чрезвычайно популярны в Англии, Европе, в России. Они отличались причудливостью, остроумием, оригинальностью.

В «Краткой литературной энциклопедии» сказано о нем: «Лит. деятельность С. связана с кризисом англ. сентиментализма. Усиление обществ. противоречий в 60-х гг. 18 в. влекло за собой разочарование не только в разуме, но и в чувстве как силе, способной изменить мир. Рост недоверия к чувству находит отражение в юморе С. В романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», где чувствительность сочетается с насмешкой над ней» [327].

Н. М. Карамзин часто обращается к имени английского писателя Лоренса Стерна и называет его Лаврентием. Автор, скорее всего, не транслитерировал имя Лоренс, а изменил его на русский манер. А. В. Суперанская так объясняет происхождение этого имени: «Святой Лаврентий жил в III веке, когда христиане еще не делились на католиков и православных. Поэтому имя Лаврентий попало и к тем и к другим. Имя происходит от названия города Лаврента в Латиуме, в сердце Италии, где жил легендарный царь Латин» [236]. Писатель-просветитель Л. Стерн был очень популярен в XVIII – начале XIX столетия. Имя это упоминается не раз, но всегда денотативно, или экстенционально, то есть

используется только для именованя. Приведем в качестве примера цитаты из «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина: ... и Стерн, оригинальный живописец чувствительности, заключили фалангу бессмертных британских авторов [408, с. 481]; *Все сие памятно тому, кто хоть раз читал Стерново ... «Путешествие»; но можно ли его читать только один раз? [408, с. 425]. Риторический вопрос Н. М. Карамзина свидетельствует о его увлечении английским писателем. Подтверждение этому находим в воспоминаниях К. С. Сербиновича, секретаря Карамзина: *В молодости своей он мог поддаваться влиянию иностранных мыслителей, увлекавших тогда большую часть образованной публики... он мог увлекаться и добродушным Стерном* [435].*

В «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» А. С. Пушкина находим его оценку высказывания Л. Стерна: *Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б* [427]. Следовательно, поэт знал произведения Л. Стерна, цитировал их. Фраза «несносный наблюдатель» употреблена более с целью похвалы, а не порицания. К тому же во фразе чувствуется ирония, характерная для Пушкина. Другие высказывания А. С. Пушкина о Стерне:

«Англия следует за Францией на поприще философии, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа.... Sterne нам чужд — за исключением Карамзина» (А.С. Пушкин «О ничтожестве литературы русской. Планы») [427]. При написании имени Л. Стерна А. С. Пушкин употребляет наравне с русским и английский вариант Sterne, являющийся иноязычным вкраплением. Мы уже рассматривали схожее явление в передаче имени Д. Мильтона. Причиной такого написания, по-видимому, также является указанная Я. К. Гротом тенденция воспроизводить иностранные имена латиницей и с русскими окончаниями, а также отсутствие четких норм передачи таких имен в середине XIX века. Написание «Стерн» является транскрипцией английского варианта. Фраза «чужд — за исключением Карамзина» свидетельствует о признании Пушкиным особого отношения Карамзина к

творчеству Стерна. По-видимому, увлеченность Стерном была не распространенным явлением.

В лицейском дневнике А.С. Пушкин записал свои мысли о сочинителе Шаховском: *Он написал «Нового Стерна»: холодный пасквиль на Карамзина.* [428]. Шаховский, о котором говорит Пушкин, использовал имя Стерна коннотативно – для номинации Карамзина. Имя это было, следовательно, нарицательным. Коннотативность употребления имени свидетельствует о высокой степени прецедентности.

Анализируя лексику, использованную разными авторами относительно личности Л. Стерна и его произведений, констатируем:

– оценки *«оригинальный», «бессмертных», «добродушным», «несносный», «нам чужд»*, создающие противоречивый для русских авторов образ писателя ;

– характеристики *«живописец чувствительности», «наблюдатель»*, которые асоциируются с изобразительным искусством и наукой, и, следовательно, характеризуют Стерна как исследователя и художника;

Данные характеристики свидетельствуют об интенсивности эмоций авторов по отношению к личности Л. Стерна, а также о знании его произведений, что доказывает прецедентность данного имени. Данный антропоним упоминается в текстах разных авторов, он обладал, по-видимому, ассоциативным потенциалом.

На основании количества и коннотативности упоминаний уровень прецедентного имени Л. Стерн определяем как национально-социумный, то есть имя было известным образованной публике. На основании результатов поиска в НКРЯ данное имя не является прецедентным в наше время.

Уильям Питт Младший

Уильям Питт Младший (1759 – 1806) – блестящий политик и оратор, сын Уильяма Питта Старшего, премьер-министра Великобритании. Уильям Питт Младший стал так же, как и его отец, премьер-министром. Причем он возглавил кабинет в 24 года и был самым молодым премьер-министром за всю историю

страны. Этот пост он занимал 20 лет и не раз спасал финансовые дела Великобритании мудрыми и продуманными действиями. Британский премьер-министр играл, по-видимому, серьезную роль в политической и общественной жизни всей Европы и пользовался исключительным уважением, любовью на родине и в России. В романе английского писателя Генри Филдинга «История Тома Джонса, найденыша», который вышел в свет в Англии в 1749 году, автор упоминает Питта, лестно отзываясь о нем, говорит о его «пылком воображении и блестящем уме» [440].

Н. М. Карамзин называет министра Вильгельмом. Имя Уильям имеет древнегерманское происхождение, происходит от имени Вильгельм. Карамзин пишет о пребывании в театре: *Тут видел я всю лучшую Лондонскую публику. Но всех более занимал меня молодой человек в сереньком фраке, видом весьма обыкновенный, но умом своим редкий, человек, который в летах цветущей молодости живет единственно честолубием, имея целию пользу своего отечества; родителя славного сын достойный, уважаемый всеми истинными патриотами- одним словом, Вильгельм Питт! У него самое английское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на котором, однако ж, изображается благородная важность и глубокомыслие. Он с великим вниманием слушал музыку - говорил с теми, которые сидели подле него, - но более казался задумчивым. В наружности его нет ничего особенного, приятного. - Слышав Генделя и видев Питта, не жалею своей гинеи [408 ,с. 439].*

Оценка Н. М. Карамзина интересна вниманием к внешнему виду и эмоциональностью: «*молодой человек в сереньком фраке, видом весьма обыкновенный*». Серый цвет зачастую ассоциируется с безликостью, в характеристике «*в сереньком фраке*» употреблен колоратив с суффиксом «еньк», который, в данном случае, свидетельствует о внимании Карамзина к кажущемуся пренебрежению Питта к своей одежде. На самом деле в данном случае одежда У. Питта выдержана в цветах высшего класса английского общества. Так, писательница Кейт Фокс отмечает: «Мужчины из английского высшего общества при соблюдении правила «не выделяться» доходят до крайности... За городом –

твид зеленых и коричневых тонов, в городе – строгие серые и темно-синие костюмы» [258, стр. 353]. Таким образом, «обыкновенность» У. Питта, замеченная Карамзиным, на самом деле – приверженность традициям аристократов. Окаzionale определение Карамзина *«самое английское лицо»* свидетельствует об определенном стереотипе английской внешности в сознании автора и соответствии данному стереотипу внешности Питта. В цитате указанное имя употреблено денотативно. Карамзин использует его и коннотативно, то есть для характеристики, что является доказательством высокой степени прецедентности: *Англичане просвещены...и если какой - нибудь Питт вздумал явно действовать против общей пользы, то он непременно бы лишился большинства голосов парламента* [408, с. 499].

Упоминание данного имени встречается практически в каждом из 120 номеров «Вестника Европы» за 1802 – 1806 годы. Не обнаружено ни одного отрицательного отзыва о политике министра на страницах журналов. О нем пишут положительно и хвалебно:

...он для Англии то же, что Бонапарте для Франции — один, но важнее миллиона обыкновенных умных людей («Известия и замечания») [380, стр. 81];

Англия обязана Г-ну. Питту славою своею, благоденствием... Конституция и дух народный суть основания Британского величия; но Гений Министра указывает на пособия первой и управляет действиями последнего» [387, с.333];

Они действовали по мыслям Питта, который славен умом, а не мягким сердцем, и который готов был целым миром жертвовать пользе своего отечества» (Политика. Всеобщее обозрение) [368, с. 73].

По случаю смерти В. Питта: *Целая нация уважает Гения, бывшего несколько раз ея спасителем* («Известия и замечания») [392, с. 31].

После смерти политика в 1806 году в двух номерах «Вестника Европы» была помещена объемная статья о жизни Питта *«Вильям Питт»* («Вильямъ Питт») [393, с. 72].

В «Вестнике Европы» не раз называли В. Питта *«гением»*, *«спасителем*

английской нации», всевозможно хвалили. В течение 5 лет главными редакторами журнала «Вестник Европы» были: Н. М. Карамзин – в 1802 –1803 годах, П. П. Сумароков – в 1804 г., М. Т. Каченовский – в 1805-1806 годах. Таким образом, тенденцию к некоторому восхвалению Питта нельзя объяснить субъективным отношением одного человека. По-видимому, данное мнение о Питте было характерным для образованной части населения России.

А.С. Пушкин упоминает имя Питта в связи с проблемой издания журналов: *Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противоборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Гиффорд, Джеффри, Питт.* (А. С. Пушкин «Материалы и заметки, связанные с изданием газеты «Дневник») [427]. Таким образом, имя Питта, его деятельность хорошо известна А. С. Пушкину, а также и русскому читателю: автор не считает нужным прибавить имя к фамилии политика, читатели должны были сразу понять, о каком Питте идет речь.

Написание имени политика William Pitt как Вильям Питт основано на транслитерации. Сегодня написание имени William выглядит как Уильям и основано на транскрипции.

Употреблены:

- характеристики *«видом весьма обыкновенный», «умом своим редкий», «уважаемый», «достойный», «покойное», «флегматическое» (лицо), «благородная», «задумчивым», «нет ничего особенного, приятного», «славен умом», «важнее» (миллиона людей) ;*
- номинации *«Гения», «Гений Министра», «спасителем».* Употребленные характеристики содержат исключительно положительную оценку.

Вышеприведенные примеры, разнообразные коннотации данного ПИ свидетельствуют о том, что имя У. Питта являлось национально-социумно прецедентным. Однако снижение прецедентности данного имени с течением времени проходило очень интенсивно. Сегодня имя Уильяма Питта практически неизвестно носителям русского языка. Однако уровень прецедентности фамилии Питт высокий: с фамилией Питт наши современники связывают личность

американского актера Бреда Питта. Фамилия «Питт» стала отчасти семантическим неологизмом, она наполнилась новым содержанием и в XXI веке имеет снова высокую степень прецедентности.

Уильям Шекспир

Уильям Шекспир (1564 – 1616) – английский поэт и драматург, один из самых известных драматургов мира. Шекспир родился и умер в Англии, в городке Страдфорд-на-Эйвоне.

Одним из первых, а, возможно, и первым в России имя Шекспира упомянул А. П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» (1748) среди имен прославленных поэтов прошлого, в примечании: *Шекеспир, аглинский трагик и комик, в котором и очень художого, и чрезвычайно хорошего очень много.* [436, с. 9]. В том же году был издан «Гамлет» Сумарокова на основе французского перевода. Написание Сумароковым имени драматурга «Шекеспир» основано на транслитерации, возможно, взятой из перевода с французского. Переводы с оригинала стали делаться в XIX веке, современниками А. С. Пушкина. Н. М. Карамзин: *В драматической поэзии англичане не имеют ничего превосходного, кроме творений одного автора, но этот автор есть Шекспир, и англичане богаты!*[1, с. 480] Покидая Родину, в самом начале своего путешествия Карамзин грустит и, вспоминая великого англичанина, говорит, что: *хотел бы, как говорит Шекспир, выплакать сердце свое* [408, с. 35]. В комментариях Г. Макогоненко читаем: «По-видимому, Карамзин имел в виду то место в трагедии «Юлий Цезарь», где Кассий говорит Бруту: «О если бы я мог Всю душу выплакать.» [166]. Стоя возле гробницы Шекспира в Вестминстерском Аббатстве, он восклицает: *«Преклоните колена... Вот Шекспир!»* [408, с. 489]. Ни у какого другого памятника Н. М. Карамзин не говорит таких слов. Преклонить колени для русского – жест особого почтения. На колени встают в церкви, во время молитвы, перед родителями с просьбой о благословении на брак. *Я не знаю другого поэта, который имел бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображение, и вы найдете все роды поэзии в Шекспировых сочинениях. Он есть любимый сын богини Фантазии, которая отдала ему волшебный жезл свой, а он,*

гуляя в диких садах воображения, на каждом шагу творит чудеса! [408, с. 480], - отмечает Н. М. Карамзин.

Для Н. М. Карамзина Шекспир – художник, живописец, его произведения – картины, со своими оттенками: *Шекспир, Натуры друг! кто лучше твоего Познал сердца людей? Чья кисть с таким искусством Живописала их?* [409];

... удивительный сей живописец. Все великолепные картины его непосредственно натуре подражают; все оттенки картин сих в изумление приводят внимательного рассматривателя.» («О Шекспире и его трагедии «Юлий Цезарь») [407].

Н. М. Карамзин многократно повторяет «каждый» для характеристики творческой манеры драматурга, эта градация служит стремлению автора охватить все грани таланта Шекспира: *Для каждой мысли находит он образ, для каждого ощущения – выражение, для каждого движения души – наилучший оборот* [407].

Для Н. М. Карамзина имя У. Шекспира – нечто вечное, в какой-то степени метафизическое. Об этом свидетельствуют фразы «*познал сердца людей*», «*Нашел ты ключ ко всем великим тайнам рока*», «*озарил пути ночные в жизни*», «*пребудешь незабвен*», «*гуляя в диких садах воображения, на каждом шагу творит чудеса*», «*гений*», «*любимый сын богини Фантазии*», «*глубоко проникли в человеческое естество*», «*для каждой мысли находит он образ*», «*знали все тайнейшие человека пружины*», «*удивительный сей живописец*», «*краски его блистательны*». Глаголы, употребленные Карамзиным, (познал, озарил, нашел, проникли, находит, знали) могли бы быть использованы для описания открытия чего-либо: новой земли, закона, научного явления. Карамзин, говоря о Шекспире, упоминает натуру, человеческое естество. Для автора Шекспир – первооткрыватель в литературе.

Н. М. Карамзин пишет имя Шекспир по-разному, в заметке «О Шекспире и его трагедии «Юлий Цезарь» автор употребляет форму «Шекеспир», то есть форму, основанную на транслитерации английского имени «Shakespeare» (хотя в названии заметки вторая буква «е» отсутствует, возможно, для благозвучия), в «Письмах русского путешественника» – «Шекспир». По-видимому, различное

написание объясняется временем создания заметки и «Писем»: заметка была издана в 1787 году, а «Письма» – в 1801 г. Между этими датами, то есть в 1789 – 1790 гг., Карамзин совершил путешествие в Европу, побывал в Англии. Предполагаем, что автор, услышав оригинальное английское произношение имени Шекспир в Англии, употреблял далее написание «Шекспир» без второго «е», то есть следуя транскрипции английского антропонима.

А. С. Пушкин писал о творчестве Шекспира: *...что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина.* (А. С. Пушкин Ответ на статью в журнале «Атеней») [427];

Shakespeare, Гете, Walter Scott не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они не походят (как герои французские) на холопей... (А. С. Пушкин «О романах Вальтера Скотта») [427]. В данной цитате прослеживается очень современная тенденция к осуждению «холопства». Сегодня такое мнение не было бы новым. Однако такое суждение в XIX веке, в царской России, было смелым. Шекспир здесь предстает также как оригинальный и смелый автор.

Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки.... Со всем тем Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недостижимой, и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов... (А. С. Пушкин «О народной драме» и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина) [427];

Германия давно имела свои Нибелунги, Италия – свою тройственную поэму, Португалия – Лузиаду, Испания – Лопе де Вега, Кальдерона и Сервантеса, Англия – Шекспира... (А. С. Пушкин «О ничтожестве литературы русской») [427];

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе... (А. С. Пушкин «Table-Talk»)[428];

А. С. Пушкин называет Шекспира гением, как и других важных для искусства деятелей. Как было упомянуто ранее, гении для Пушкина — Байрон, Эсхилл и другие, в том числе и В. Шекспир.

Таким образом, Lopez de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений,

какое направление ни изберет, останется всегда гений — суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси. (А.С. Пушкин «Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов») [427];

*Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию — такова смелость Шекспира, *Dante*, *Milton'a*, *Гете* в «*Фаусте*», *Молиера* в «*Тартюфе*». (А.С. Пушкин «Материалы к Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям») [427];*

Трагедия «Ромео и Джульета», хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приемов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочинением Шекспира. (А. С. Пушкин «Ромео и Джульета» Шекспира») [427] Слова А. С. Пушкина о «вольной и широкой кисти» перекликаются с оценкой Н. М. Карамзиным В. Шекспира как художника.

В данных примерах из публицистики А. С. Пушкина представлены:

- посессивные свойства образа Шекспира: «дерзость», «смелость изобретения, создания» «неравенство, небрежность, уродливость отделки», «золото, ему принадлежащее», «вольной и широкой его кисти»;
- характеристики: «многосторонний гений», «велик»; «не имеют холопского пристрастия», «стоят на высоте недосягаемой», «их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов», «уступали потоку», «гений, какое направление ни изберет, останется всегда гений».

Оценка А. С. Пушкиным Шекспира противоречива, автор признает и недостатки, и огрехи у Шекспира и в то же время, возвышает его, преклоняясь перед ним. Такая искренность и смелость в оценке Пушкина словно перекликается с теми же чертами у Шекспира. Данные материалы отражают интенсивность эмоций и в основном положительную направленность оценки А. С. Пушкина по отношению к образу В. Шекспира.

А. С. Пушкин признавал влияние великого драматурга на свое творчество: *Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей*

истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов...» (А. С. Пушкин «Наброски предисловия к трагедии «Борис Годунов») [427]. А. С. Пушкин смело признается в том, что подражал Шекспиру, словно подчеркивая, что подражание такому драматургу не может быть постыдным.

В письме к издателю «Московского вестника» в 1828 году по поводу трагедии «Борис Годунов»: *Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего Шекспира и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранив последнее* [427].

Употребление Пушкиным, верующим православным христианином, словосочетания «*Отец наш*» по отношению к Шекспиру свидетельствует об очень высокой оценке Пушкиным творчества английского драматурга. Словосочетание «Отец наш» часто употребляется в молитвах, в том числе и в одной из главных христианских молитв «Отче наш», а фраза «*принес ему в жертву пред его алтарь*» вызывает ассоциации одновременно и с языческими верованиями, и с христианской церковью, с Богом.

Таким образом, словосочетания «*Отца нашего*», «*принес ему в жертву пред его алтарь*», «*стоят на высоте недостижимой*» свидетельствуют о том, что имя У. Шекспира по своему ассоциативному и семантическому наполнению для А. С. Пушкина было близким к слову «Бог». Частота употребления в публицистике А. С. Пушкина имени Шекспира говорит о том, что данное имя являлось прецедентным для А. С. Пушкина.

Н. В. Гоголь, рассуждая о театре, писал: *Шекспир, Шеридан, Мольер, Гете, Шиллер, Бомарше, даже Лессинг, Реньяр и многие другие из второстепенных писателей прошедшего века ничего не произвели такого, чтобы отвлекло от уважения к высоким предметам; к ним даже не перешли и отголоски того, что бурлило и кипело у тогдашних писателей-фанатиков.* (Н. В. Гоголь. «Выбранные места из переписки с друзьями») [396.]. Имя Шекспира

противопоставлено писателям – фанатикам.

В поэме «Мертвые души» имя Шекспира встречается в сатирическом аспекте, хотя сатира относится к комнате персонажа, помещика Хлобуева: *Вошедши в комнаты дома, они были поражены как бы смешеньем нищеты с блестящими безделушками позднейшей роскоши. Какой-то Шекспир сидел на чернильнице; на столе лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себе самому спины* [397, с. 346]. Фраза «какой-то Шекспир» противоречива и смешна. Коннотативное употребление имени в данной фразе свидетельствует о высокой степени прецедентности.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что современные нормы написания имени У. Шекспира уже установились к концу XVIII века. Данное написание основано на транскрипции и свидетельствует о фонетическом освоении. Английский вариант, являющийся иноязычным вкраплением, «Shakespeare» употреблен лишь один раз А. С. Пушкиным. Устаревшая транслитерированная форма написания данного имени «Шекспеар» авторами не употребляется.

Таким образом, можно утверждать, что имя «Шекспир», будучи неизвестным в XVII веке, позднее прошло путь от социумного до национально-социумного прецедентного имени с XVIII по XIX в. Оно сохранило свою прецедентность и в наше время. Например, как показало исследование Л. П. Ивановой, для киевского школьника зачастую единственное имя иностранного поэта, которое ему известно, – Шекспир [87, с.77-83].

Эдуард Юнг (Йонг)

Эдуард Юнг (1683 – 1765) – английский поэт-сентименталист. В «Краткой литературной энциклопедии» о нем сказано: «Лит. славу ему принесла религ.-дидактич. поэма в 9 кн. «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» («The complaint, or Night-Thoughts on life, death and immortality», 1742—45), написанная белыми стихами и содержащая скорбные размышления о горестях и бренности жизни, суетности и тщете челоуеч. стремлений, неизбежности смерти, ужас перед к-рой преодолевается мыслью о бессмертии

души и загробном блаженстве... Она получила всеевроп. распространение, вызвала мн. подражания и положила начало т. н. «кладбищенской поэзии» [327].

М. М. Щербатов в статье «Размышления о смертном часе» (1788) упоминает имя Юнга: *Есть же такие, которые толь укрепили свой дух, чтобы никогда о смерти не размышлять, что можно о них сказать, яко глубокомыслящий Юнг говорит* [416].

Н. М. Карамзин не раз пишет об Эдуарде Юнге и использует форму написания «Йонг»: очевидно, здесь имеет место транслитерация фамилии Young. Форма «Юнг» – также результат транслитерации. В современных источниках иногда используется и форма «Янг», соответствующая английскому произношению и основанная на транскрипции. Н. М. Карамзин писал: *Йонг, гроза счастливых и утешитель несчастных* [408; с. 481]. В поэме «Поэзия» Карамзин также вспоминает о Юнге и употребляет градацию: *О Йонг, несчастных друг, несчастных утешитель Ты бальзам в сердце льешь, сушишь источник слез, И, с смертью дружа, дружишь ты нас и с жизнью!* [409] Н. М. Карамзин употребляет два раза словосочетание «утешитель несчастных». Наряду с этим Юнг у Карамзина и «гроза счастливых», такая оценка несколько необычна и говорит об оригинальности как произведений Э. Юнга, так и оценки их Карамзиным.

Ю. Д. Левин в статье «Английская литература в России XVIII века» писал: «...в русском культурном обществе постепенно складывалось представление о Юнге как о скорбном и трогательном поэте, питающем чувствительные сердца сладостной печалью» [327]. Известно, что русские переводы стихотворений и прозы Юнга стали появляться в России еще в 1770-е годы, и особенной популярностью они пользовались в среде русских масонов. Стихи Юнга неоднократно печатались в масонском журнале «Утренний свет». Судя по частоте упоминаний уровень прецедентности имени «Э. Юнг» можно обозначить в пределах от социумного до национально-социумного в XVIII – XIX веках. На основании результатов поиска в НКРЯ имя Э. Юнга не является прецедентным для наших современников.

2.1.2. Антропонимы-имена героев художественных произведений

Гамлет

Обращение к образу Гамлета, человека ищущего, бросающего вызов общественным нормам, стало традиционным в русской литературе. Русская интеллигенция хорошо знала одноименную трагедию Шекспира. Так, Н. М. Карамзин после посещения театра в Лондоне был очень разочарован: *Гамлет был в черном французском кафтане, с толстым пучком и в голубой ленте; королева — в робронде, а король — в гишпанской епанче. ... Я сердился на актеров не за себя, а за Шекспира и дивился зрителям, которые сидели покойно и с великим вниманием слушали; изредка даже хлопали* [408, с. 471]. Автора оскорбили плохие декорации и костюмы актеров, он «сердился на актеров не за себя, а за Шекспира», что доказывает высокую оценку Н. М. Карамзиным самого произведения Шекспира и образа Гамлета. А. С. Пушкин также обращался к нему не раз. Например, в стихотворении «Послание Дельвигу»:... *Или как Гамлет-Баратынской Над ним задумчиво мечтай* [423]. В примечаниях к стихотворению сказано: «Или как Гамлет-Баратынский – стихотворение Баратынского «Череп» [423], то есть Баратынский, пишущий о черепе, вызывает у Пушкина ассоциацию *Гамлет-Баратынский*.

В стихотворении «Из Пиндемонти» А. С. Пушкин приводит фразу Гамлета: *И мало горя мне, свободно ли печать Морочит олухов, иль чуткая цензура В журнальных замыслах стесняет балагура. Всё это, видите ль, слова, слова, слова. * Иные, лучшие мне дороги права;* [423] В сносках указано: «*Hamlet.» В данном стихотворении А. С. Пушкин использует цитату из «Гамлета»: «Polonius: What do you read, my lord? Hamlet: Words, words, words» («Полоний – Что вы читаете, принц? Гамлет – Слова, слова, слова») [443].

В статье о словесности А.С. Пушкин писал: *Сцена тени в «Гамлете» вся писана шутливым слогом, даже низким, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток* (А. С. Пушкин «В зрелой словесности приходит время») [427]. Экспрессивный фразеологизм «волос становится дыбом от Гамлетовых шуток» отображает сильнейшее впечатление, даже потрясение.

И. А. Гончаров, «Фрегат Паллада»: *Шведский берег весь гористый. Датский виден ясно. Он нам представил картину увядшей осенней зелени, несколько деревень. Романтики, глядя на крепости обоих берегов, припоминали могилу Гамлета* [401]. Таким образом, И. А. Гончаров дает нам возможность представить впечатления не только свои, но и других путешественников. Для них датский берег и крепости ассоциировались с могилой Гамлета, что свидетельствует о популярности имени Гамлета среди современников И. А. Гончарова.

Написание имени «Hamlet» как «Гамлет» объясняется транслитерацией и не соответствует английскому произношению данного имени.

В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина 2010 г. «Гамлет» – одно из указанных немногочисленных английских имен: «Гамлет,-а, м. Главный герой одноименной трагедии В. Шекспира... умный образованный человек, «опередивший» свое время» [339, с.149]. Присутствие в данном словаре указывает на высокую степень прецедентности в наше время.

Таким образом, столь многократное обращение к имени Гамлет доказывает высокую национально-социумную прецедентность данного имени для русского языкового сознания исследуемого периода. Можно также утверждать, что степень прецедентности в наши дни стала выше, ее можно обозначить как национальную.

Грандисон

Чарльз Грандисон – герой романа английского писателя Сэмюэла Ричардсона, жившего в XVIII веке. Образ этого героя был наделен многими добродетельными качествами и благородством.

Н. М. Карамзин писал о служанке в Лондоне : *...Ловелас кажется ей несравненно любезнее Грандисона* [408, с. 440]. В статье неизвестного автора Л. «Портрет милой женщины», размещенной в журнале «Вестник Европы» за 1802 год, встречаем такую фразу-характеристику верной жены: *...Удалила навсегда романические мечтания; приучила себя видеть в супруге своем не Грандиссона, но мужа* [368, с. 58]. А.С. Пушкин писал в романе «Евгений Онегин»: *Она*

любила Ричардсона *Не потому чтобы прочла, Не потому, чтоб Грандисона она Ловласу предпочла* [421, с. 39] В данных цитатах имя Грандиссон употреблено денотативно.

В повести 1835 года «Портрет» Н. В. Гоголь использовал указанное имя коннотативно, для крайне положительной характеристики одного из героев: *Искателей была толпа, и в числе их замечательнее всех был князь Р., благороднейший, лучший из всех молодых людей, прекраснейший и лицом и рыцарскими, великодушными порывами, высокий идеал романов и женщин, Грандиссон во всех отношениях* [399, с. 572]. Н. В. Гоголь три раза использует для характеристики прилагательные в превосходной степени сравнения - суперлятивы, рядом со словом «идеал» ставит эпитет «высокий». Оценка – восторженно положительная, что в творческой системе Н. В. Гоголя может стать средством иронии.

Передача второй части английского имени «Charles Grandison» в разных примерах как «Грандиссон», и как «Грандисон» свидетельствует о становлении нормы написания данного имени. Более соответствует английскому произношению и написанию форма, содержащая одну согласную «с».

Таким образом, в XVIII – XIX веке имя «Грандиссон» стало прецедентным для читающей публики и символизировало благородного и добродетельного героя. Уровень прецедентности данного имени определяем как национально-социумный на основании нескольких упоминаний его в публицистических и художественных текстах и на основании большого количества оценочной лексики, связанной с этим именем. В наши дни прецедентность данного антропонима утрачена (на основании поиска в НКРЯ).

Ловелас

Имя, которым сегодня (часто в шутку) называют мужчину, очень интересующегося женщинами, – Ловелас. Роберт Ловелас (Robert Lovelace) – герой романа Ричардсона «Кларисса, или история молодой леди», где он – соблазнитель благородной девушки. Н. М. Карамзин пишет о «странности вкуса» его служанки в Лондоне: *...Ловелас кажется ей несравненно любезнее*

Грандисона [408, с. 440]. Автор использует это имя только денотативно, в связи с романом, и не в современном значении. А. С. Пушкин же употреблял это имя: – денотативно: *Она любила Ричардсона Не потому чтобы прочла, Не потому, чтоб Грандисона она Ловласу предпочла»* [421, с. 39]; – коннотативно: *Ловласов обветшала слава Со славой красных каблуков И величавых париков* [421, с. 63]. Таким образом, данное имя для современников Пушкина обладало определенными характеристиками.

Популярность указанного романа и его героя доказывает и тот факт, что от слова Ловелас был произведен глагол – дериват «ловеласничить». Его создатель, П. А. Вяземский, признается в письме А. И. Тургеневу: *А это хорошо! Я же глагол смастерил, да я же и не спрягай его, как хочю. Ловеласничить, значит, морочить; ...А вам хочется: ловеласничать, умничать* [418]. Толковый словарь В. И. Даля дает такое объяснение слову «морочить» в рамках толкования слова «морочка»: «Обойти кого морокой, мороком, морочить, обманывать хитростью, лукавством, лживыми рассуждениями, уверениями, каким-либо обманом чувств и обаяньем; отводить глаза» [322, с. 342]. Следовательно, примерно таким было значение слова «ловеласничить», созданного П. А. Вяземским

Следует отметить, что Н. М. Карамзин использует написание, идентичное с современным – «Ловелас», а А. С. Пушкин пишет имя данного героя как «Ловлас», то есть графическая норма еще не была установлена. Обе формы написания основаны на транслитерации, так как форма, базирующаяся на транскрипции, выглядела бы скорее как «Лавлейс» и не была освоена.

В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина присутствует данное имя [339, с. 274], что доказывает высокую степень прецедентности в наше время.

Имя Ловлас в XVIII – начале XIX века было национально-социумно прецедентным и означало только героя романа, позже оно утратило былое значение из-за непопулярности романа, но сохранило в себе характеристику героя и стало нарицательным. Уровень прецедентности его повысился, антропоним «Ловелас» стал национально-прецедентным ПИ.

В ходе работы над подразделами «Антропонимы-имена англичан» и «Антропонимы – имена героев художественных произведений»

проанализировано 14 прецедентных имен-антропонимов, из них – 11 реально существовавших людей и 3 – героя художественных произведений. Анализ позволил сделать следующие выводы: соотношение количества имен в данных категориях (11 и 3) свидетельствует о более высокой прецедентности и большей важности реальных известных людей-англичан для русского языкового сознания. Уровень прецедентности имен-антропонимов чаще всего обозначен как национально-социумный, реже – социумный. Проанализировать динамику развития указанных ПИ, то есть рассмотреть их в диахронии, не всегда представлялось возможным, так как практические материалы содержат, в основном, примеры из текстов конца XVIII – XIX веков. Более ранние рассматриваемые тексты не содержат указанные имена англичан и их характеристики. Иногда ПИ невозможно рассмотреть в диахронии, так как рассматриваются имена современников авторов текстов, и мы располагаем материалами только XIX века.

Уровень прецедентности имен политиков и общественных деятелей имеет тенденцию понижаться с годами («Уильям Питт»). Уровень прецедентности имен поэтов, писателей, ученых, а также героев произведений, в основном, более стабилен («Д. Байрон», «И. Ньютон»). Для многих антропонимов характерно употребление их с течением времени все более коннотативно, а не денотативно («Ловелас», «Шекспир», «Гамлет»). Из 14 антропонимов только 2 («Гамлет», «Ловелас») присутствуют в «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина, что свидетельствует об их высокой степени прецедентности в наши дни, повышении ее до национальной.

2.1.3. Топоним «Англия»

2.1.3.1. Англия – мощная политическая и военная держава

Наиболее раннее найденное нами описание Англии как государства содержится в статейном списке посла Федора Писемского за 1583 – 1585 г:

А земля Аглинская не велика; стоит на море на одном острове с Шкоцкою

землю;... земля людна добре и богата, и изобильна всем; а воинских людей, сказывают, збирается в Аглинской земле до пятидесять тысяч [420, с. 149];

Земля Аглинская людна добре и угожа, и изобильна всем [420, с. 117].

Примечательно, что посол упоминает количество солдат возможного войска, и оно достаточно велико. Это не случайно. В комментариях Д. С. Лихачева к данному статейному списку указано, что главной миссией посла было договориться о союзе с Англией против католического мира и поговорить о возможной свадьбе племянницы английской королевы с царем Иваном Грозным для укрепления союза [420, с. 386].

В «Выписке в посольском приказе об англо-русских отношениях в XVI–XVII вв (1615.01.03)» говорится о надежде русского царя на дружбу и помощь от английского монарха. Образ Англии как государства предстает здесь также как мощного желанного соратника и партнера:

И им велено говорити, будет проведают, что аглинский[с] свейским не в миру и датцкому на свейского помогает, что великий государь его царское величество, помня прежних государей российских с аглинскими государи ссылку и крепкую братственную дружбу, хочет быти с Якубом королем в братцкой любви и в крепкой дружбе и в докончанье» [416].

«Вестник Европы», 1804 г.: *Вообще Великобританская морская сила не бывала никогда в таком страшном и исправном состоянии как ныне... состоит она из 511 линейных кораблей, слуп бомбардирных и канонирных судов и ботов [384, с.156].* Примечательно употребление эпитета «страшный» в отношении существительного «состояние». В данном случае соседство слов «страшный» и «исправный» свидетельствует о том, что «страшный» имеет значение «устрашающий, грозный, сильный».

В «Вестнике Европы» за 1803 г. неизвестный автор в статье «Что выгоднее для Европы в нынешнюю войну: падение Франции или Англии?» делает такой вывод: *...монополия Английская для Европы опасна менее Французской [381, с. 119].* Автор не отрицает опасности Англии для Европы, но признает ее менее страшной. Это не является положительной характеристикой, при этом

также подразумевается мощь английской державы.

В повести Т. Г. Шевченко «Близнецы», написанной в 1855 году, поэт дает характеристику политическим событиям:

Когда кровавые события пришли к желанному концу и зубастого французского зверя заперли в англицкую конуру, то и наше славное воинство разбрелось по хуторах и селах [416].

Т. Г. Шевченко употребляет словосочетание «английская конура», что свидетельствует о восприятии английской политики как грубой силы, справившейся с Францией. Следовательно, образ Англии как сильной державы сохраняется и в художественных произведениях. Употреблено слова «конура». В конуре живут собаки, а с собакой в то время связывались презрительные характеристики. Таким образом, фраза «англицкая конура» неоднозначна, может свидетельствовать о признании силы и презрении к этой силе одновременно.

2.1.3.2 Торговая Англия

По-видимому, первые упоминания Англии в русскоязычных источниках относятся к 1600 году. Это упоминание, а также другие, которые встречаются в литературе в течение XVII века, содержат основную коннотацию – торговая страна.

В таможенных книгах 1624 – 1625 годов находим среди перечисленных товаров упоминание английского товара, вероятнее всего, тканей:

Да у него ж, Юшки, посылошного товару Ивана Елезова: постав аглинский лазоревой меньше земли, 4 половинки летчиных, 2 половинки инбарских, 100 аршын холстов толстых [416].

В отчетах послов 1645 – 1646 годов наблюдаем уникальное описание Лондонской биржи (англ. Exchange): *Да в том же граде Лундане зделан двор добре хорош, украшен, а имя ему Енчайжн, а на том дворе всякие узорочья. Вверху торгуют, а в-ысподи сходятся на всякой день торговые люди по дважды днем; а изо всех государств и городов вести приходят на тот двор, и гуляют на том дворе торговые люди один час, проведывают вести и расходятца» [423].* Автор текста говорит о деятельности на бирже, торговле со всем миром,

характеризует здания биржи словом «узорочья». Английское слово «exchange» было воспринято по-видимому на слух как «Енчайжн», позднее данное слово не было заимствовано в русский язык.

Послы также дают краткую характеристику всей Англии: *Всем их Земля изобильна: хлебом, и деньгами, и всякими дорогими товары, и узорочьями* [423]. Здесь также встречаем слово «узорочье». В словаре В. И. Даля находим его толкование в рамках толкования слова «узор»: «Узорочье ср. дорогия, узорочные, разукрашенные вещи всякого рода; кованое, чеканное, обронное серебро и золото; паволоки, ткани шелковые и парчевые, цветные камки, шитые ширинки, резния, сканые вещи и пр. более о тканях» [324, с. 480]. Следовательно, изобилие послы видели почти во всех сферах жизни в Англии, красоту замечали и в тканях, и в архитектуре, и т. д.

В путевых записках 1699 года, написанных стольником П. А. Толстым о путешествии по Европе, встречаем несколько описаний ярмарок в разных городах (В Венеции, на Мальте, в Мисине). На всех этих ярмарках присутствуют английские товары. Примечательно, что во всех трех отрывках английские товары упоминаются во вторую очередь, после французских, но перед всеми другими. Это может свидетельствовать об их важности либо большем количестве, чем товаров производства других стран.

В Венецы в рядехи множество и привозных таваров: французских, аглинских, галанских, турецких, персицких и иных всяких [416];

И всякие тавары на Малтинском острову привозные из Франци, из Англи, из Итали и из ыных мест [416];

Вышепомяненная Мисинская ярмонка бывает по вся годы выюле и торгуют 15 ден, приезжая, марканты, то есть купцы, из розных мест с розными тавары: из Франци, из Англи, из Итали и из ыных государств (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697 – 1699) [416].

В книге о быте русской армии XVIII – начала XX века автор пишет об английских купцах Андрее Стельсе и Андрее Ачкине, торговавших сукном и обеспечивающих им русскую армию в начале XVIII века в период Северной

войны. В отличие от московских и даже прусских тканей, английское сукно не было отбраковано: «Уже в 1704 году на дело пушкарям и бомбардирам кафтанов и камзолов закупили 3847 аршин коричневых и красных английских сукон» [104, с. 126]. Из данного примера можно сделать выводы о высоком качестве тканей.

В конце XVIII – начале XIX века, Н. М. Карамзин писал: *Англичанин царствует в парламенте и на бирже; в первом он дает законы самому себе, а на второй – целому торговому миру* [408, с. 450]. Лондон являлся крупнейшим торговым центром, куда свозились товары из многочисленных тогда английских колоний. Даже в бедном квартале Карамзин замечает *...езде богатые лавки и магазины, наполненные всякого рода товарами, индейскими и американскими сокровищами, которых запасено тут на несколько лет для всей Европы.* [408, с. 440]

С мнением Карамзина перекликается мнение иностранца, приведенное в «Вестнике Европы». Правда, выводы испанец делает нелицеприятные, возможно, по причинам субъективным либо политическим: *Торговое могущество Англии заступило место Голландии... Англия вознеслась до последнего степени величия, а это и доказывает о близком ее падении»* [390, с. 231].

Капитан А. Лазарев, не раз бывавший в Англии, писал о торговле в Портсмуте, недалеко от Лондона, в 1822 году: *«Нынешнее состояние и богатство лавок много уступает прежнему великолепию... деятельность торговли не стесняет улиц, как было в первое наше пребывание в 1804 году»* [410]. По-видимому торговля в Портсмуте все же отличалась от лондонской, но, возможно, оценка обусловлена опытом моряка, выдавшего многие страны и не удивляющегося ничему. Также капитан дает перечень закупаемых товаров, причем подчеркивает, что *«все наши суда»* закупают множество товаров в Англии, что свидетельствует о высоком качестве товаров: *Благовременное заготовление инструментов, хронометров, презервов и многих других вещей для коих все наши суда обыкновенно посещают Англию* [410].

И. А. Гончаров в середине XIX века отмечает: *Наконец, если нечего больше осматривать, осматривайте просто магазины: многие из них тоже своего рода музеи – товаров. Обилие, роскошь, вкус и раскладка товаров поражают до уныния. Богатство подавляет воображение. "Кто и где покупатели?" спрашиваешь себя, заглядывая и боясь войти в эти мраморные, малахитовые, хрустальные и бронзовые чертоги, перед которыми вся шехеразада покажется детской сказкой [401].* Оценка писателя экспрессивная и положительная. Благодаря словам «сокровища», «богатство», «роскошь», «чертоги», «драгоценные камни» создается впечатление сказочного дворца. Противоречивая фраза – оксюморон «поражают до уныния» усиливает экспрессивность. Восхищение граничит с негативной оценкой, ведь торговля никогда не была добродетелью в России.

Схожие чувства автор испытывал и в английском магазине в Португалии; *...магазин, лучший на всем острове, и этот магазин – английский. Чего в нем нет! английские иглы, ножи и прочие стальные вещи, английские бумажные и шерстяные ткани, сукна; их же бронза, фарфор, ирландские полотна. Сожалеть ли об этом или досадовать - право, не знаю [401].*

И. А. Гончаров выводит очень яркий образ английского купца: *И какой это образ! Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду [401].* Писатель применяет лексику, частично несущую негативную оценку, отрицательная частица «не» повторяется пять раз. Автор словно поражается, что этот аккуратный, строгий, элегантный, совсем не могучий с виду английский образ «властвует в мире над умами и страстями». Полагаем, в противоречивой оценке автора скрыто восхищение этим образом.

Торговый Лондон присутствует в поэме А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: *Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный [421, с. 13-14].* Толковый словарь В. И. Даля дает такое пояснение слову «щепетильный»:

«Щепетильный, мелочной, ко внешним мелочам, порядкам, нарядам относящ. – человек, чопорный, докучливый мелочник.... товар и щепетинье, женские мелочи: нитки, шелчок, иголки, булавки, наперстки, шпильки, ...колечки, сережки, бисер, духи, помада и пр» [324, с. 655]. Таким образом, значение слова, помимо «мелочный», включало и значение, близкое значению современного слова «галантерейный». А. С. Пушкин, возможно, вкладывал в данное слово оба значения, как бы играя ими.

В сказке «Аленький цветочек», записанной по памяти из рассказов ключницы Пелагеи писателем С. Т. Аксаковым в 1858 году, говорится: *... и смотрит она то и дело на часы отцовские, аглицкие, немецкие, - а все равно ей пускаться в дальний путь* [366, с. 58]. В палатах у русского очень богатого купца есть часы «аглицкие, немецкие». Слово «немецкие» в данном случае обозначает «иноземные, иностранные» (в соответствии с толкованием в «Словаре русского языка XVIII века», выпуск 14) [351, с. 219]. Таким образом, упоминание об английском товаре наблюдаем и в русском фольклоре, отраженном в сказке С. Т. Аксакова.

Следовательно, образ Лондона и Англии как успешной торговой страны проходит через три века почти без изменений. Факт этот является уникальным. Практически все примеры из путевых заметок, художественной литературы, таможенных отчетов сводятся к цельному образу Англии как стране – центру мировой торговли, насыщенной товарами и снабжающей ими весь мир.

Анализ ПИ «Англия», включающего компоненты «Англия – мощная политическая и военная держава» и «торговая Англия», показал, что оно функционировало в русском языковом сознании на протяжении XVI, XVII, XVIII, XIX веков. Уровень прецедентности, почти неизменный в эти периоды, определяем как национально-социумный.

2.1.4. Топоним Лондон

ПИ «Лондон» включает компоненты: «противопоставление топонимов Лондон и Париж», «тишина и многолюдность Лондона», «достопримечательности Лондона» «лондонская погода», «освещение

Лондона», «преступность в Лондоне». Данные компоненты были выявлены при помощи приема общей выборки и индуктивного метода. Большое количество примеров являлось основанием для формирования и формулировки компонентов ПИ «Лондон».

2.1.4.1. Противопоставление топонимов Лондон и Париж

Противопоставление либо сравнение топонимов Лондон и Париж не было обнаружено в текстах XVI, XVII, XVIII века. Данный аспект отражен в более поздних текстах.

Н. М. Карамзин писал: *Париж и Лондон, два первые города в Европе, были двумя Фаросами моего путешествия, когда я сочинял план его* [408, с. 433]. Астониимы «Париж» и «Лондон» выступают здесь как прецедентные феномены, возможно, именно в исследуемый нами период они формировались как прецедентные. Топоним «Фарос» (остров у берегов Египта), употреблен коннотативно, в значении «что-либо очень важное, главное». Н. М. Карамзин не раз обращается к образу Лондона. В следующей цитате автор снова говорит о Лондоне и Париже: *Лондон прекрасен! Какая розница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность..., здесь единообразие общего достатка..., там грязь..., здесь все сухо и гладко* [408, с. 435]. В отзыве Н. М. Карамзина функционирует антитеза. Характеристики Лондона и Парижа контрастны. Контрастность выражается при помощи языковых и контекстуальных антонимов: огромность, гадость – простота, чистота; роскошь, бедность – достаток; грязь – сухо, гладко. В характеристике Парижа автор использует оксюморон: роскошь и бедность. Л. В. Щерба писал: «контрасты сосредоточивают на себе наше внимание» [289].

Н. М. Карамзин отмечает также: *...скажу вам еще, что на лондонских улицах ввечеру видел я более ужасов разврата, нежели и в самом Париже* [408, с. 484]. Словосочетание «ужасы разврата» служат отрицательному образу Лондона и Парижа, который является здесь стандартом таких «ужасов».

П. И. Макаров выражал схожее мнение: *Нигде в свете нет столько*

разпутства, как в Лондоне [414, с. 15].

Следует заметить, что для русского человека исследуемого периода Лондон и Париж практически были олицетворением Англии и Франции. На эти страны равнялись во вкусах, моде, кухне, манерах. В журналах «Вестник Европы» порядка 40 – 50% статей были посвящены именно английским и французским темам. Так, выбранный произвольно журнал «Вестник Европы» за 1803 год (№9) [378] из семнадцати статей содержит три, посвященные Франции, французам и перепечатки из французских журналов; пять статей, посвященных английским темам, и одну, в составе которой, среди прочего, материалы о политике Англии и Франции. Таким образом, девять статей из семнадцати дают информацию, касающуюся этих двух держав, что составляет 52.94 %, то есть практически 53% содержания всего журнала.

В «Вестнике Европы» за 1802 год в статье «О любви к отечеству и народной гордости» говорится о «переимчивости» русских, и среди прочего отмечается: *Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и Лондоне? Что там носят, в чем ездят и как убирают дома?* [371, с. 69]. Модальная частица «бы» обозначает в данном случае предположительную или условную возможность и свидетельствует о том, что как раз наоборот поступала русская образованная часть общества, то есть руководствовалась тем, как жили в этих европейских городах.

Следовательно, компонент ПИ «Лондон» «Противопоставление топонимов Лондон и Париж» функционировал в конце XVIII – XIX веке.

2.1.4.2. Тишина и многолюдность Лондона

Н. М. Карамзин отмечал: *Кто скажет вам: «шумный Лондон», тот, будьте уверены, никогда не видел его. Многолюден, правда, но тих удивительным образом* [408, с. 436];

Людей множество, но тихо [408, с. 451].

Спустя полвека А. И. Гончаров записывает очень похожие впечатления:

Только по итогам сделаешь вывод, что Лондон первая столица в мире, когда сочтешь, сколько громадных капиталов обращается в день или год, ...

Ахнешь от изумления, но не заметишь всего этого глазами. Такая господствует относительно тишина, так все физиологические отправления общественной массы совершаются стройно, чинно. Кроме неизбежного шума от лошадей и колес, другого почти не услышишь. Город, как живое существо, кажется, сдерживает свое дыхание и биение пульса [401]. Автор использует относительно Лондона метафору «живого города», Лондон у него имеет дыхание и пульс. Создается образ живого и мощного, но тихого существа.

Во время поездки И. А. Гончаров также замечает: *Едешь в вагоне, народу битком набито, а тишина, как будто "в гробе тьмы людей", по выражению Пушкина* [401]. Автор цитирует в данном случае отрывок из поэмы «Полтава» А. С. Пушкина: *Идут они, взошли. На плаху, Крестясь, ложится Кочубей. Как будто в гробе, тьмы людей Молчат. Топор блеснул с размаху* [424]. В отрывке описывается казнь, то есть крайне мрачное и трагическое событие. И. А. Гончаров, обладая тонким чувством юмора, употребляет эту цитату для описания дороги в поезде в соседстве с англичанами, что создает эффект парадокса и обеспечивает комизм. По-видимому, такое соединение (тишина и многолюдность) является непонятным и абсурдным для русского человека. В соответствии с поиском в НКРЯ рядом со словом «шум» довольно часто соседствуют слова «толпа», «люди», «народ» [416].

2.1.4.3. Лондонская погода

Н. М. Карамзин писал: *Верст за пять увидели мы Лондон в густом тумане* [408, с. 433]. И. А. Гончаров так говорил о погоде в Лондоне: *Дождей вдоволь; но на это никто не обращает ни малейшего внимания, скорее обращают его, когда проглянет солнце... Туманы бывают если не каждый день, то через день непременно* [401].

Ключевые слова при описании погоды Лондона: **дождь и туман**. Сегодня лондонский туман стал стереотипом.

В современных заметках о Лондоне нередко пишут о лондонском **смоге** (англ, smog происходит от smoke – дым, копоть и fog – густой туман), пагубно действующем на органы дыхания. В последние десятилетия экологи отмечают,

что благодаря принятым мерам воздух в Лондоне стал значительно чище. В текстах XVI – первой половины XIX века лексема «смог» отсутствует, хотя Н. М. Карамзин пишет и о **дыме** в Лондоне. Например, о церкви св. Павла: *Жаль также, что лондонский вечный дым не пощадил великолепного храма и закоптил его снизу до самого золотого шара* [408, с. 453]. Автор замечает также дым и туман, но не соединяет эти два понятия: *...вечный туман от моря и вечный дым от угольев, который облаками носится здесь над городами и деревнями.* [408, с. 432]. Также дым и туман замечал И. А. Гончаров во «Фрегате Паллада»: *Облако английского тумана, пропитанное паром и дымом каменного угля, скрывает от меня этот образ* [401].

А. И. Гончаров не просто констатирует наличие тумана, его туман уже «английский», что говорит о зарождении стереотипа «английский туман».

Формирование стереотипа «туманная Англия» наблюдаем у А. С. Пушкина: (о вышедшей тогда книге С. П. Шевырева «История поэзии») *В туманной Англии видит он нужду, развивающую богатство, —, промышленность, труд, изучение — литературу без преданий etc., вещественность* [427]. То есть для Пушкина Англия – туманная. Сам поэт никогда не был в Англии, но, по-видимому, понятие туманная Англия уже тогда начало существовать как стереотип.

2.1.4.4. Освещение Лондона

Первые характеристики освещения в Лондоне встречаем в отчетах русских послов за 1645 – 1646 г.: *А по воскресениям у них торгу нет никогда, все богу моляцца, и воскресение почитают честно, а в-ыные дни до полуночи сядят со свечами, у них свечи во всем в граде у всякого двора* [423]. Освещение до полуночи связано было, по-видимому, с торговлей и необходимостью освещать товар.

Путешественники XVIII – XIX века неизменно замечали искусственное освещение в Лондоне по вечерам. Н. М. Карамзин писал: *Едва только закатилось солнце, а все фонари на улицах были уже засвечены; их здесь тысячи, один подле другого, и куда ни взглянешь, везде перспектива огней, которые вдали*

кажутся вам огненную непрерывную нитью, протянутою в воздухе. Я ничего подобного не видывал... Английская нация любит свет и дает правительству миллионы чтобы заменять естественное солнце искусственным. Разительное доказательство народного богатства! ... гордый британец смеется, звучит в кармане гинейми и велит Питту зажигать фонари засветло [408, с. 435]; Н. М. Карамзин создает в данном случае два метафорических ярких образа: образ англичанина (то есть народа) и образ знаменитого премьер-министра В. Питта. Первый «звучит в кармане гинейми», второй, по велению первого, «зажигает огни засветло», словно фонарщик. Редкой и непривычной для текста конца XVIII века является констатация того факта, что народ приказывает что-либо премьер-министру.

Обратил внимание на свет и И. А. Гончаров: *Не забуду также картины пылающего в газовом пламени необъятного города, представляющей путешественнику, когда он подъезжает к нему вечером. Паровоз вторгается в этот океан блеска и мчит по крышам домов, над изящными пропастями, где, как в калейдоскопе, между расписанных, облитых ярким блеском огня и красок улиц движется муравейник* [401].

В «Вестнике Европы» 1802 года писали: *Уверяют, что Лондонская иллюминация на случай мира стоила около миллиона рублей* [374, с. 280]. В этой, как и в некоторых других цитатах, наблюдается связь яркой иллюминации в Лондоне с богатством города. Иллюстративный материал, отражающий впечатление русских путешественников от лондонского освещения, содержит характеристики «перспектива огней», «миллионы», «искусственное солнце», «богатство», «океан блеска», «яркий блеск огня и красок», «миллион рублей». Этот лексический материал свидетельствует о восхищении, уважении и мог бы использоваться для описания, например, роскошного бала.

По-видимому, в России улицы не были так освещены. Доказательство этому содержится в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством»: *...кузнец все летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация)* [398, с. 149]. То есть иллюминация в столице бывала не

всегда, а «по случаю», и русским путешественникам было удивительно ежедневное освещение Лондона, которое требовало огромных денежных средств.

Н. М. Карамзин, побывавший до прибытия в Лондон в Германии и Франции, отмечал, что такого освещения не было и там. Писатель приводит смешную историю о немецком принце, который, въехав в Лондон ночью, подумал, что город иллюминирован для его приезда, хотя это была ежедневная иллюминация [408, с. 435].

Таким образом, аспект ПИ «Лондон», «освещение Лондона», начал формироваться уже в XVII веке и активно функционировал в русском языковом сознании в XVIII, XIX веках.

2.1.4.5. Достопримечательности Лондона

Архитектура Лондона

В статейном списке Г. Микулина за 1600 г. говорится: *А город Лунда Вышегород камен, невелик, стоит на высоком месте, и около его воды обводные. А большой город, стена камена ж, стоит на ровном месте около его версты четыре и больши. а через реку Темзь меж посадов мост камен* [420, с. 162]; Автор статейного списка три раза обращает внимание на каменную постройку в Лондоне, по-видимому, это было не совсем привычно, возможно, в России того времени постройки были в основном деревянные. (Так, общеизвестным является факт, что постройки в Москве до 1812 года были большей частью деревянными. Именно поэтому Москва почти вся выгорела во время пожара 1812 года). Возможно также автор таким образом подчеркивал дороговизну постороек.

В отчетах послов за 1645 – 1646 г. встречаем описание лондонских церквей (англ. church) З. И. Рогинский считает, что слово это было позже при переписании искажено и прочитано как «чернь», а не «черчь» [423]. Соглашаемся с этим мнением, так как из контекста следует, что речь идет именно о церквях: *А чернь ту, где кладутся короли и бояре, и та чернь велика гораздо, и делом хороша, а длиною полверсты, а поперег верста, а все камянь белой, и высота гораздо, а звон столь хорош, что и в ум невместимо человеческой, нигде нет такова звону*

[423]. В данном примере речь идет, скорее всего, о Вестминстерском Аббатстве, в котором хоронили английских монархов с начала XVII века. Послы замечают белизну камня постройки и звон, который описан редким для текстов того времени тропом «*в ум невместимо человеческой*».

В следующей цитате послы говорят о церквях в Лондоне вообще: *А у которой черни мы стояли, и тот звон добре хорош, на всякой день сами колокола звонят без людей, и тонцы всякие переменные по вся недели. А во всем Лундане черней больше 300, а у всякие часы; а черни все каменные, камень белой, делом столь хороши, ни умом сметить человеческим, а кругом окончины все стекольчатые большие цветные. А иные черни вдоль величиною на версту, а иные и боле* [423]. Автор обращает внимание на огромное количество церквей, белизну, наличие часов и цветных окон. Вновь наблюдаем примечательную оценку «*делом столь хороши, ни умом сметить человеческим*», то есть автор отмечает прекрасную работу и качество постройки, которые трудно постичь умом. В отчетах послов от 1600 употребляется вариант написания «Лунда», в отчетах послов от 1645 года – вариант «Лундан». Уже тогда название города в английском варианте было «London», то есть транслитерация при переводе не была использована. По-видимому, авторы так воспринимали на слух название города. В «Словаре русского языка XVIII века» отсутствуют какие-либо варианты данной лексики.

Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» довольно часто говорит о различных достопримечательностях Лондона – архитектурных сооружениях, парках, улицах:

... пошли осматривать большой Виндзорский дворец. Он стоит на высоком месте; всход нечувствителен, а вид прекрасен. На одной стороне равнина, где извиается величественная Темза, опушенная лесочками... Он славится более своим прекрасным местоположением, нежели наружным и внутренним великолепием [408, с. 461]. Н. М. Карамзин употребляет эпитеты «прекрасен», «величественная», «великолепие», его оценка положительна и эмоциональна, что свойственно автору.

И. А. Гончаров писал во «Фрегате Паллада»: *Итак, из храма в храм, из музея в музей - время проходило неприметно. И везде, во всех этих учреждениях, волнуется толпа зрителей; подумаешь, что англичанам нечего больше делать, как ходить и смотреть достопримечательности* [401];

Сам я только что собрался обещать вам – не писать об Англии, а вы требуете, чтоб я писал, сердитесь, что до сих пор не сказал о ней ни слова. Странная претензия! Ужели вам не наскучило слушать и читать, что пишут о Европе и из Европы, особенно о Франции и Англии? [401] Такие критические заметки о достопримечательностях Лондона также доказывают очень хорошее знание их русской публикой (*не правда ли, вы все это знаете?* – задает Гончаров риторический вопрос.) И. А. Гончаров, в свойственной ему манере, и восхваляет, и принижает достоинства достопримечательностей, используя такие характеристики: «бесполезен», «наскучило», «изящна и громадна» [401].

Данные примеры свидетельствуют о том, что некоторые архитектурные сооружения Лондона уже были известны и прецедентны в России.

Исходя из количества и значимости упоминаний, были выделены два особенных места достопримечательностей Лондона: Бедлам и Воксал.

Бедлам

Н. М. Карамзин: ... *глаза мои при входе остановились на двух статуях, которые весьма живо представляют безумие печальное и свирепое... "Это Бедлам!" – скажете вы и не ошибетесь* [408, с. 447];

Бедламу обязан я некоторыми мыслями и предлагаю их на ваше рассмотрение. Не правда ли, друзья мои, что в наше время гораздо более сумасшедших, нежели когда-нибудь? Отчего же? от сильнейшего действия страстей, как мне кажется [408, с. 448];

В Бедламе кончил жизнь свою английский трагик Ли [408, с. 448].

Под урбанонимом «Бедлам» (Bedlam) Карамзин подразумевает госпиталь святой Марии Вифлеемской, психиатрическую больницу в Лондоне.

В словаре В. И. Даля данное слово отсутствует.

В «Словаре русского языка XVIII века», 1 выпуск, указано значение «Дом

для умалишенных в Лондоне» и «дом для умалишенных. [351, с. 157]

Н. М. Карамзин употребляет данный топоним только для номинации и в прямом значении. Слово «Бедлам» было знакомо русским читателям в первом прямом значении. О хорошем знании данного слова русскими читателями свидетельствует фраза Н. М. Карамзина *"Это Бедлам!" – скажете вы и не ошибетесь.*»

Ф. М. Достоевский в повести 1859 г. «Село Степанчиково и его обитатели» пишет: *Однако здесь что-то похоже на бедлам*, – подумал я про себя, сходя вниз [416]. Наблюдается все еще денотативное употребление рассматриваемого топонима, но оно уже написано не с заглавной буквы, то есть изменение значения слова на коннотативное уже начало происходить.

Сегодня это слово стало нарицательным и обозначает крайний хаос, неразбериху.

«Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова: «Бедлам, бедлама, м. Хаос, шум, неразбериха, кавардак. Это не собрание, а бедлам какой-то. (По названию дома для умалишенных в Лондоне: Bedlam, первонач. знач. Вифлеем)» [353].

В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина автор указывает несколько значений: «1. Сумасшедший дом ...2. Место, где царит безумие, хаос, беспорядок ...3. Беспорядок, кавардак, сумятица» [339, с. 68].

Топоним «Бедлам» был прецедентным в конце XVIII – начале XIX века, но употребление его было исключительно денотативным, уровень прецедентности определяем как национально-социумно прецедентный. Позже, в конце XIX – XX веке, уровень прецедентности вырос, употребление стало коннотативным. Слово является семантическим неологизмом, так как приобрело новое значение.

Воксал

Н. М. Карамзин: *Лондонский Воксал соединяет все состояния: тут бывают и знатные люди и лакеи, и лучшие дамы и публичные женщины. Одни кажутся актерами, другие – зрителями ... Часу в двенадцатом начались ужины в павильонах, и в лесочке заиграли на рогах. Я отроду не видывал*

такого множества людей, сидящих за столами, – что имеет вид какого-то великолепного праздника [408, с.467].

Полностью цитата из «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина представлена в приложении А (с. 273).

Оценка Н. М. Карамзина положительна и эмоциональна. Автор использует эпитеты «славный», «великолепный», «умного и богатого народа». В цитате также присутствует антитезы, подчеркивающие доступность для разных слоев общества: «знатные люди и лакеи», «лучшие дамы и публичные женщины».

А. С. Пушкин писал *Я в театре и на балах, на гуляньях иль в воксалах легким зефиром летал* [416]. В цитате наблюдается смена предлогов, смена управления слова (не «на воксал», а «в воксал»). Предлоги «в» и «на» относятся к простым пространственным предлогам. Употребление того или иного предлога в русском языке определяется и правилами, и традицией употребления. В данном случае, возможно, именно изменение в значении слова послужило причиной смены управления слова. Употребление слова «воксал» в одном ряду с такими словами как «театр», «бал», «гулянья» дает основание судить о воксале как о месте развлекательном, интересном. Фраза «легким зефиром летал» свидетельствует о некоторой беспечности, свойственной данному месту.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово Воксал толкуется так: «Воксал м. англ. сборная палата, зала на гульбище, на сходбище, где обычно бывает музыка» [321, с.232].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных (том 1) указан первый зафиксированный случай употребления данного слова в варианте «**фоксал**» в «СПБ ведомостях» за 1777 г. Также указаны варианты написания «**ваксал**» и «**воксгал**» [355, с. 162].

В современном «Словаре лексических трудностей художественной литературы» В. И. Макарова, Н. П. Матвеевой говорится: «Вокзал или Воксал, – а, м. В сер. XIX в. – увеселительное заведение... Первонач: с к. XVIII в. – здание с обширными залами для танцев, концертов и т. п. От англ. Vaux-hall (Vaux – фамилия и hall – зал) – название небольшого селения под Лондоном, в котором

в 1760 г. его владелица Джейн Вокс устроила общественный сад с фонтанами и др. ...Ср. совр. значение: здание для обслуживания пассажиров на ж/д станции или на пристани» [334, с. 65].

Таким образом, можно утверждать, что лексема «вокзал» является семантическим неологизмом – производным от Воксал. Она прошла путь трансформации от собственного имени владелицы селения и самого селения до нарицательного имени.

Н. М. Карамзин употребляет слово «славный»: *Если вы догадливы, то узнали, что я описываю вам славный английский Воксал.* В словаре В. И. Даля «славный» толкуется как «известный, знаменитый, чтимый» [324, с. 215]. Употребление данного прилагательного указывает на то, что для русской публики были достаточно знакомо и узнаваемо данное место Лондона, а значит данный топоним являлся прецедентным.

2.1.4.6. Преступность в Лондоне

Русские послы в 1645 – 1646 г. писали: *А воровства у них никакова нет, а буде кто зворует и украдет хотя что невеликое, и тех людей вешают. А хто солжет, и тому скрозь язык проденут веревку и выводят на улицы, а руки и ноги распетлят и водят по всем улицам, да ставят, чтоб всякой видел* [423].

Такое строгое наказание воров характерно для того времени. Однако даже к обманщикам применялось, как указывалось, серьезное наказание. Низкая преступность – черта Лондона, утрачиваемая с течением времени. Уже с конца XVIII века преступность и, особенно, воровство в Лондоне – явления, на которые неизменно обращали внимание русские путешественники.

Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» отмечал: *Нигде так явно не терпимы воры, как в Лондоне; здесь имеют они свои клубы, свои таверны и разделяются на разные классы: на пехоту и конницу (footpad, highwayman), на домовых и карманных (housebreaker, pickpocket). Англичане боятся строгой полиции и лучше хотят быть обкрадены, нежели видеть везде караулы, пикеты и жить в городе, как в лагере* [408с. 470];

У него украли из кармана деньги, которые он беспрестанно держал рукою,

но, заговорившись с незнакомцем, оратор наш хотел сделать какой-то выразительный жест, вынул из кармана руку и через две секунды не нашел уже в нем кошелек. Подивитесь искусству здешних воров! [408с.470];

Выезжая из города, увидели, что у нас за каретою сидят человек пять с ужасными рожами; мы остановились, согнали их, но, следуя совету благоразумия, воротились назад. Негодяи могли бы в поле догнать нас и огрابتь [408, с. 470];

Вдруг поднялся занавес, и мы увидели написанное огненными словами: «Take care of your pockets!» — «Берегите карманы!» (потому что лондонские воры, которых довольно бывает и в Воксале, пользуются этой минутой) [408, с.467].

Оценка преступников Н. М. Карамзиным противоречива, автор одновременно восхищается ими («искусство здешних воров»), и страшится («ужасные рожи», «негодяи»). Фраза писателя о том, что англичане «лучше хотят быть обкрадены, нежели видеть везде караулы» даже у современного человека вызывает удивление. Такое мнение об англичанах не обнаружено в других источниках, возможно, это субъективное мнение Н. М. Карамзина, являющееся следствием несоответствия русского менталитета и английского. Н. М. Карамзин говорит также о «классах» воров, то есть замечает классовость, черту, присущую Англии вообще.

П. И. Макаров в начале XIX века также обратил внимание на указанную особенность Лондона: *В Лондоне, на главных улицах, в десять, одиннадцать часов вечера, при свете фонарей, при толпе многочисленного народа отнимают вещи и деньги так свободно, как в лесу! Флегматики идут мимо... Грабежи происходят всегда под видом драки* [414, с. 5]. Следует обратить внимание на выраженное сравнительным оборотом обстоятельство места «как в лесу». Прослеживается отображение представления о ворах в русском менталитете и языковом сознании и сравнение его с английскими традициями. Упрощая, можно сделать вывод о том, что, в представлении русских, воровство и грабеж, как правило, происходят «в лесу». Автора удивляет, кажется, не само воровство, а тот факт, что оно происходит «*при свете фонарей, при толпе многочисленного*

народа»;

П. И. Макаров приводит цитаты из лондонских газет, касающиеся воровства. В одной описывается случай нападения на прекрасную молодую женщину, ехавшую в карете за городом. Вор, которого в газете называют «*порядочно одетой человек*», узнав о том, что перстень на пальце англичанки подарен любимым человеком, оставил его женщине и, поцеловав ее руку, скрылся из виду. П. И. Макаров восклицает по этому поводу: *Какие любезные воры!* [414, с. 4] В других статьях из лондонских газет говорилось об убийстве неизвестного возле Вестминстерского аббатства и о ножом раненной в трех местах женщине. *Какие злые воры!* – восклицает П. И. Макаров [414, с. 4]; Также автор писал:

Не забавно быть и ограблену... но или газеты... лгут, или не проходит недели без убийства [414, с. 4];

Англия наполнена ворами. Путешественники часто бывают принуждены выдерживать на больших дорогах настоящие сражения. [414 с. 5];

За простое воровство ссылают в Ботани-бей, за насильственное вешают – и ничего не удерживает! [414, с. 5]. Следует указать, что Ботани-бей – бухта в Австралии, куда свозили британских каторжников;

От чего же воровство и драки на улицах? Может быть, Политика Министров и гражданские права народа не позволяют употребить строгости [414, с. 17].

Оценка воров П. И. Макаровым перекликается по своей противоречивости с оценкой Н. М. Карамзина: «*любезные воры*», «*злые воры*».

На преступность в Лондоне обращал внимание и И. А. Гончаров.

Цитата И. А. Гончарова представлена в приложении Б (стр. 274).

Автор часто не лестно отзывался о склонности англичан к торговле, а в приведенной цитате даже воров английских сравнил с товаром.

И. А. Гончаров так же, как Н. М. Карамзин, говорит об «искусстве» воров, видимо данная особенность очень удивляла русских путешественников. В словаре В. И. Даля слово «искусство» имеет только положительные коннотации:

«Искусство ср. принадлежность искусного, искусность; знание, умение, развитая навыком или учением способность; отвлеченно: ветвь или часть людского образования, просвещения; наука, знание, прилагаемое к делу; рукоделье, ремесло, мастерство, требующее большего умения и вкуса» [322, с. 52].

При анализе лексики, употребленной тремя авторами относительно английских воров, выявлены:

– отрицательные характеристики: *«терпимы», «с ужасными рожами», «простое воровство ... насильственное», «злые», «могли бы в поле догнать нас и ограбить», «грабежи происходят всегда под видом драки», «ими, как товарами, снабжается континент», «кассы в банках и купеческих конторах делаются частенько добычей воров», «негодяи», «грабежи», «драки», «сражения»;*

– положительные характеристики: *«любезные воры»;*

– характеристики, несущие амбивалентную оценку: *«искусству zdeшних воров», «имеют они свои клубы, свои таверны», «разделяются на разные классы»*

Англия и Лондон охарактеризованы следующим образом: *«Англия наполнена ворами», «Лондон считается, между прочим, образцовой школою мошенничества».*

В основном авторы употребляют достаточно интенсивно негативную лексику. Однако лексема *«искусство»*, употребленная не один раз и означавшая мастерство, словосочетание *«образцовая школа», «разделяются на классы»* дают право утверждать, что русские путешественники замечали в английском явлении воровства ту же характерную черту, которую замечали и в других сферах жизни Англии: порядок, структуру, профессионализм, мастерство, коммерческий подход. Это удивляло их и даже, в некоторой степени, восхищало. Мир английских воров представляется отдельным миром со своими законами. В. И. Карасик в исследовании *«Культурные доминанты в языке»*, анализируя английские и русские пейоративы, приходит к выводу о том, что *«в английском языке в 2 раза больше слов, обозначающих преступников»* [98], что также соотносится с тем фактом, что русские путешественники обращали особое внимание на преступность в Англии, Лондоне.

Таким образом, такая черта как «преступность в Лондоне» являлась прецедентной в течение исследуемого периода. Анализ динамики данного аспекта ПИ «Лондон» показывает, что в XVII веке путешественниками отмечалась низкая преступность, но в конце XVIII – первой половине XIX века она заметно возросла.

Проанализировав ПИ «Лондон» и его компоненты: «противопоставление топонимов Лондон и Париж», «тишина и многолюдность Лондона», «достопримечательности Лондона» «лондонская погода», «освещение Лондона», «преступность в Лондоне», делаем вывод: топоним «Лондон» функционировал в качестве ПИ в русском языковом сознании на протяжении XVII, XVIII, XIX веков. Прецедентность его повышалась с годами. Уровень прецедентности определяем как социумный в XVII веке и национально – социумный в XVIII и XIX веках

2.1.5. Гидроним Темза

В статейном списке Г. Микулина за 1600 г. говорится: *И как Григорий и Ивашко въехали в посад Лунду и в те поры было по реке по Темзе в судех, и по берегу по обе стороны, и по улицам людей было в зборе добре много, а з города и с кораблей стреляли изо многово наряду* [420, с. 162];

...а через реку Темзь меж посадов мост камен, а на мосту устроены дома каменные и лавки, и торг великой устроен со всякими товары [420, с. 162].

В отчете русских послов 1645 г. говорится: *А город Лундан вдоль по реке по Темзе стоит 15 верст, а около ево большего Города стена земляная толстая, а около ево посадов и всего города стена земляная ж. А на реке Темзе зделан мост каменной* [423]. В XVII веке о реке Темзе упоминают в связи с торговлей и мостом над ней, но также с флотом, уже тогда значительным.

Н. М. Карамзин в начале XIX века восхищался рекой: *На правой стороне, между зеленых берегов сверкала Темза, где возвышались бесчисленные корабельные мачты... Вот первая пристань в свете, средоточие всемирной торговли!* [408, с. 433]; *Темза, величественная и прекрасная, совсем не служит к украшению города, не имея хорошей набережной* [408, с. 440].

И. А. Гончаров: ... *два раза ходил смотреть Темзу и оба раза видел только непроницаемый пар. Я отчаялся уже и видеть реку, но дохнул ветерок, и Темза явилась во всем своем некрасивом наряде, обстроенная кирпичными неопрятными зданиями, задавленная судами. Зато какая жизнь и деятельность кипит на этой зыбкой улице, управляемая меркуриевым жезлом!* [401].

Н. М. Карамзин использует эпитеты «величественная», «прекрасная», глагол «сверкала». И. А. Гончаров говорит о «некрасивом наряде», «неопрятных» зданиях и о реке, «задавленной судами». Использование такой лексики обусловлено субъективным восприятием. Однако оба автора подчеркивают торговое назначение Темзы: «средоточие всемирной торговли», «жизнь», «деятельность», «меркуриевый жезл» (Меркурий – в древнеримской мифологии бог торговли). И. А. Гончаров также употребляет по отношению к реке метафору «зыбкая улица», на которой «кипит жизнь», река выступает важнейшей частью торгового Лондона.

Таким образом, топоним (гидроним) «Темза», может считаться прецедентным именем в русском языковом сознании уже с начала XVII века. Как в начале XVII века, так и в конце XVII – XIX веках русские путешественники отмечают торговое и судоходное значение Темзы.

Проанализированы 3 ПИ топонима: «Англия», «Лондон», «Темза». Приходим к таким выводам: ПИ «Англия» включало 2 компонента. ПИ «Лондон» включало 6 компонентов, из которых один (достопримечательности) состоял дополнительно из 3 компонентов, ПИ Темза без компонентов. Таким образом, самым насыщенным по составу и количеству примеров является топоним «Лондон». Соотношение количества примеров в данных категориях свидетельствует о более высокой прецедентности и большей важности имени «Лондон» для русского языкового сообщества. Это можно объяснить тем, что именно в Лондон ездили путешественники и описывали его, именно Лондон был центром торговой, экономической и политической жизни Англии. За ним по количеству упоминаний и значимости (по убыванию) следуют прецедентные имена «Англия» и «Темза».

Представленность ПИ – топонимов в текстах XVI, XVII, XVIII, XIX веков позволила проследить динамику развития данных ПИ. В соответствии с результатами анализа, уровень прецедентности указанных ПИ топонимов в течение конца XVI – первой половины XIX веков повышался от социумного до национально-социумного.

Анализ ПИ отражен в статье «Прецедентные имена как вербальные составляющие образа Англии в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина» [246, с. 476 – 481].

2.2. Прецедентное высказывание, репрезентирующее образ Англии «*Poor Yorick!*» (Бедный Йорик!)

Имя «Yorick» присутствует в «Гамлете» У. Шекспира, а также является именем героя из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна. В Романе «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерн указывает, что пастор Йорик – потомок шута Йорика и превращает фразу Гамлета «*Poor Yorick*» в надпись на могиле пастора Йорика. Эту же фразу произносит Ленский на могиле Ларина: *Poor Yorick!* молвил он уныло, Он на руках меня держал [421, с. 229].

В творческом переосмыслении А. С. Пушкина данная фраза употреблена героем-поэтом по отношению к покойному отцу его возлюбленной Ольги Дмитрию Ларину. При этом Ленский также говорит: *Как часто в детстве я играл Его Очаковской медалью*. А. С. Пушкин называет Ларина *бригадир*. То есть Дмитрий Ларин был военным. Данный род деятельности не имеет отношения как к пасторству (Йорик у Л. Стерна), так и у шутовству (Йорик у У. Шекспира). Следовательно, фраза Ленского *Poor Yorick* не связана никак с родом деятельности Ларина, она произнесена по отношению к близкому человеку. Поэт и романтик Ленский мог знать, безусловно, как произведение Л. Стерна, так и произведение У. Шекспира. Таким образом, коннотации произнесенной фразы могут быть связаны с обоими текстами, а не только с «Гамлетом» Шекспира, как принято считать. В романе «Евгений Онегин» фраза использована в виде иноязычного вкрапления, позже ее цитировали уже в переводе.

Рассматриваемая фраза стала известной и в переводе на русский язык. Так,

критик А. А. Григорьев в статье 1845 года писал: *Как смешны и жалки казались мне эти намалеванные декорации <...> этот смешно-плачевный тон восклицания «Бедный Йорик!»* (статья «Гамлет» на одном провинциальном театре») [416].

Л. И. Шестов в монографии 1898 года также использует данное высказывание: *Это наглядное сопоставление живых черт когда-то любимого человека с обнаженным черепом его же совсем ошеломило Гамлета. «Бедный Йорик», – произносит он свои знаменитые слова* [416]. Автор не просто приводит фразу из «Гамлета», но констатирует тот факт, что она знаменита.

Таким образом, высказывание «*Poor Yorick*» и его перевод «*Бедный Йорик*» являлись прецедентными в период с конца XVIII века – XIX век. При этом коннотации его были более широкими, чем сегодня, так как включали отсылку не только к произведению Шекспира, но и Стерна. Уровень прецедентности в этот период на основании количества упоминаний и коннотаций – национально-социумный. Более ранние упоминания этого высказывания не были обнаружены. Частое использование данной фразы в современных литературных источниках (в соответствии с результатами поиска в НКРЯ) свидетельствует о его высокой прецедентности и в наши дни.

Проанализировано одно ПВ английского происхождения. Такое малое количество свидетельствует о том, что данный вид прецедентных феноменов был изменчив, мог мало отражаться в письменных источниках, был более характерен для устной речи, возможно, свою роль сыграло не очень широко распространенное владение английским языком. Данное ПВ стабильно во времени, сохранило прецедентность до наших дней.

2.3. Прецедентные тексты, репрезентирующие образ Англии

«Гамлет» У. Шекспира

ПИ Гамлет мы уже анализировали выше в соответствующем разделе «прецедентные имена». Теперь обратимся к нему как к ПТ. Анализируя ПИ «Гамлет» мы приводили цитаты из текстов Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина. Отметим, что данное произведение У. Шекспира было оценено поэтами очень

высоко. Рассмотрим выдержки из тестов других авторов.

Н. А. Полевой в повести «Живописец» (1833) обращается к нескольким произведениям, в том числе к «Гамлету», словно к друзьям:

...не опьянение произвело тебя, «Ночь» Корреджио, тебя, «Гамлет», тебя, «Водопад» Державина! [416]. Автор в данном примере, называя других двух авторов, не называет Шекспира, то есть авторство «Гамлета» не нуждалось в пояснении.

М. Ю. Лермонтов в письме М. А. Шан-Гирей (1830-1831): *Гамлет по-английски написан половина в прозе, половина в стихах* [416].

На основании количества упоминаний данного текста, ПТ «Гамлет» может считаться национально-социумно прецедентным для английского и русского лингво-культурного сообщества в исследуемый период с конца XVIII – первой половине XIX века, так как именно в это время стали популярны переводы «Гамлета». В наше время трагедия осталась прецедентной (на основании результата поиска в НКРЯ).

«Потерянный рай» Д. Мильтона

Н. М. Карамзин два раза упоминает эпическую поэму «Потерянный рай» («Paradise Lost») Джона Мильтона, в которой автор развивает сюжет из Ветхого Завета. В первый раз, восхищаясь английскими семьями: *Из церкви каждая семья идет в свой садик, который ...кажется...уголком Мильтонова Эдема.* Следует отметить, что Н. М. Карамзин, верующий христианин, называет английский садик не библейским раем либо эдемом, но именно «*Мильтоновым Эдемом*», который, в данном случае, как бы является более ярким образом для Карамзина. Следующая цитата: *«Самым же лучшим цветком британской поэзии считается Мильтоново описание Адама и Евы и Драйденова «Ода на музыку».* В соответствии с поиском в НКРЯ найдено 3 упоминания «Потерянного рая» Мильтона в текстах исследуемого периода: в повести Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (1830), в романе И. И. Лажечникова «Последний Новик» (1833), в письме А. О. Корниловича А. Х. Бенкендорфу (1828) [416]. Некоторые результаты поиска в НКРЯ связаны не с поэмой Мильтона, а с библейским раем,

поэтому не учтены.

На основании количества упоминаний данного текста, «Потерянный рай» может считаться национально-социумными ПТ для россиян того времени. Частотность упоминания данного произведения невысока в наше время. При этом само понятие «потерянный рай» прецедентно и сегодня, но имеет коннотации, связанные с библейским раем.

«Сентиментальное путешествие» и «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», два текста *Лоренса (Лаврентия) Стерна*, на которые автор «Писем русского путешественника» ссылается не один раз и которые в наше время знакомы литературоведам и специалистам, но никак не могут быть прецедентными для среднего читающего современника. Так, Н. М. Карамзин пишет: *Все сие памятно тому, кто хоть раз читал Стерново или Йориково «Путешествие», но можно ли его читать только один раз?* [408, с.425] или с уверенностью обращается к читателям *Вы читали «Тристрама» и помните историю нежных любовников* [408, с. 286]. Н. М. Карамзин обращался к читателям вообще, а не только к своим друзьям, как это может показаться. «Письма русского путешественника» – это не письма в прямом значении слова, но произведение, которое автор создавал многие годы, уже в Москве, после путешествия, используя путевые заметки и многие другие материалы.

В названии очерка О. И. Сенковского *«Сентиментальное путешествие на гору Этну»* (1833) содержится отсылка к роману Стерна. В данном очерке автор иронично употребляет рассматриваемое высказывание, описывая падение в горах: *Прощай, земля!.. прощай, солнце!.. Вот что значит пускаться со шведами в сентиментальное путешествие на Этну* [416].

Мы полагаем, степень прецедентности данных текстов – социумная, возможно национально-социумная в период первой половины XIX века. Сегодня данные тексты не функционируют как прецедентные.

Романы С. Ричардсона и Г. Филдинга. Мы объединяем романы двух писателей и анализируем их вместе, так как их имена и романы часто упоминаются рядом и они воплощают понятие «английский роман», популярный

в России в XVIII – XIX веках. Так, у Н. М. Карамзина эти два имени всегда упоминаются вместе:

Ричардсон и Фильдинг выучили французов и немцев писать романы как историю жизни [408, с. 410].

А. С. Пушкин обращается к Ричардсону в романе «Евгений Онегин»: *была сама от Ричардсона без ума*. [421, с.49]; *Она любила Ричардсона не потому, чтобы прочла* [421, с. 49]. В литературной статье «О ничтожестве литературы русской» А. С. Пушкин также ставит эти два имени рядом: *Англия следует за Францией на поприще философии, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа* [427]. Автор использует относительно прозаического романа эпитет «слава», что доказывает популярность романов в XIX веке.

Выше, в ходе анализа ПИ «Ричардсон и Филдинг», мы приводили ироническую оценку А. С. Пушкиным указанных романов как скучных, но популярных. В текстах исследуемого периода находим следующие отсылки к указанным романам у других авторов:

М. Е. Салтыков-Щедрин. Брусин (1847-1848): *... да и вам пора бы перестать представлять из себя Ловеласа – мучителя сердец... Заметьте, что она ведь не Кларисса* [416].

И. С. Никитин. Письма (1853-1861): *Я посылаю вам «Том Джонс» в 2 томах* [416].

В первой цитате содержится сравнение с героиней романа С. Ричардсона в повести. Во второй цитате из письма видим, что автор посылает кому-то книгу Р. Филдинга, то есть книга эта была востребована.

Таким образом, романы Г. Филдинга и С. Ричардсона, были национально-социумно прецедентны в конце XVIII – XIX веках. В наше время прецедентность данных романов практически утрачена (на основании результатов поиска в НКРЯ).

На основе анализа 4 ПТ английского происхождения, делаем следующие выводы: небольшое их количество свидетельствует о том, что данный вид ПФ был известен, прежде всего, ценителям литературы (часто читателям романов).

Причиной могло быть и не очень широко распространенное владение английским языком. Таким образом, за редким исключением, прецедентность английских текстов в целом была невысока в русском языковом сознании. Прецедентность данных тестов в основном не сохранилась либо снизилась. Исключением является трагедия У. Шекспира «Гамлет», прецедентность которой значительно возросла в современный период.

2.4. Прецедентная ситуация, репрезентирующая образ Англии

ПС обращения к черепу (известная по драме «Гамлет» У. Шекспира)

В стихотворении Е. А. Баратынского 1824 г. содержится отсылка к ситуации *обращения к черепу*:

В разрытый дом к тебе я нисходил,

Я в руки брал твой череп желтый, пыльной! [416].

В письме А. А. Бестужева к А.С. Пушкину от 9 марта 1825 года автор рассуждает об указанном стихе Е. А. Баратынского : ...*да и в самом Черепе я не вижу целого – одна мысль, хорошо выраженная, и только. Конец – мишура. Бейрон не захотел после Гамлета пробовать этого сюжета* [429]. А. А. Бестужев не просто высказывает мнение о стихе, но говоря об «этом сюжете», рассуждает о ситуации, связанной с обращением к черепу.

А. С. Пушкин также приводит ПС *обращения к черепу* в стихотворении «Послание Дельвигу». В данной цитате упоминается Е. А. Баратынский, образ которого у А. С. Пушкина ассоциируется с Гамлетом: *Прими ж сей череп, Дельвиг, он Принадлежит тебе по праву. Обделай ты его, барон, В благопристойную оправу. ... Или как Гамлет-Баратынской Над ним задумчиво мечтай.* *О жизни мертвый проповедник, Вином ли полный иль пустой, Для мудреца, как собеседник, Он стоит головы живой* [423].

На основании приведенных цитат можно сделать вывод о том, что данная ПС обладала социумной прецедентностью в XIX веке, она сохранила прецедентность в русском языковом сознании и сегодня (в соответствии с результатами поиска в НКРЯ).

Мы проанализировали 1 ПС и пришли к таким выводам: данная ПС

сохранила и, возможно, повысила уровень прецедентности. Малочисленность примеров прецедентных ситуаций говорит о нестабильности и изменчивости данного ПФ. Возможно, многие из них существовали в устной речи, анекдотах, рассказах, но утратили прецедентность с годами.

2.5. Логоэпистемы, репрезентирующие образ Англии

Рассматриваемые ниже логоэпистемы содержат определение «английский», варианты употребления которого заслуживают особого внимания. В проанализированном материале зафиксированы такие варианты:

1) «аглинский» (или аглинской): По-видимому, этот вариант является наиболее ранним. Он встречается в статейных списках – отчетах русских послов XVI века царю Ивану Грозному: *Стоит аглинской город камен, а прозвище ему Барвык* [420, с. 104]; *А земля Аглинская не велика, стоит на море...* [420, с. 149]. В журнале «Вестник Европы» за 1804 год, №12 приводится надпись на ошейнике *аглинской собачки: Ты верность мне изображай – люби меня и утешай* [385, с. 333]. С. Г. Тер-Минасова в монографии «Язык и межкультурная коммуникация» приводит русскую пословицу «Аглинские немцы не корыстны люди, да драться люты» [239, с. 20].

2) «аглицкий»: в сказке «Аленький цветочек», записанной по памяти из рассказов ключницы Пелагеи писателем С. Т. Аксаковым в 1858 году, говорится об *аглицких часах* [366, с. 58].

3) «англинский»: А. А. Бестужев в письме к А. С. Пушкину от 9 марта 1825 года подчеркивал: *Я с жаждою глотаю англискую литературу и душой благодарен англискому языку - он научил меня мыслить, он обратил меня к природе - это неистощимый источник!* [430].

4) «английский» (данный современный вариант употребляется наиболее часто, особенно в текстах русских классиков: Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова и др.): *Если вы догадливы, то узнали, что я описываю вам славный английский Воксал* [408, с. 467].

В «Словаре русского языка XVIII века», выпуск 1, указан также вариант «энглишский» [351, с. 21]. В исследуемых текстах данный вариант не

наблюдается.

Различное написание лексемы «английский» свидетельствует о становлении норм графического отображения данного слова в исследуемый период, то есть с конца XVI века до середины XIX века. В словаре В. И. Даля данная лексема присутствует уже в современном варианте. Сравнение английского слова «English» и его вариантов перевода в русском языке говорит о малой вероятности заимствования посредством транскрипции либо транслитерации из английского языка. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера: «Англия в XVIII в.: Аглия; ... из польск. Anglia от лат. Anglia; отсюда английский; о его старой форме аглинской (XVII в.) [354]. В этимологическом словаре П. Я. Черных также связывается написание слов «Англия» и «английский» с польским языком [355].

Таким образом, названные варианты лексемы «английский» представляют формы заимствования из польского языка.

2.5.1. Логоэпистема «английский клуб»

Для того, чтобы проанализировать логоэпистему «английский клуб», обратимся к лексеме «клуб», ее происхождению и значению. В толковых словарях, а также в словарях иностранных слов конца XIX – начала XX века находим толкование данного слова:

Словарь В. И. Даля: «Клуб или клуб м. англ. собрание, постоянное общество, которое собирается в особом помещении, для беседы и увеселений; есть и политические клубы, общества, товарищества» [322, с. 120].

Словарь А. Д. Михельсона, 1865: «Клуб англ. club, от ср.-в.-нем. klimpsen, давить друг на друга; или от немец. klieben, англ. cleave, делить, рассекать. а) Собрание общества для препровождения времени. б) Сходка членов политической партии» [335].

Словарь Ф. Ф. Павленкова, 1907г.: «Клуб 1) общественное собрание для препровождения времени; получило свое начало в Англии» [341].

Таким образом, происхождение данного слова разные лексикографы относили к немецкому и английскому языку. Написание «клуб», присущее XVIII

и XIX века, можно объяснить тем, что в английском варианте «club» внутренняя гласная по произношению сходна с русскими звуками [а] и [о]. По-видимому, первоначальное заимствование лексемы («клуб») было основано на транскрипции. Более поздний, современный вариант «клуб» основан на транслитерации английского «club».

Великий русский поэт Г. Р. Державин в стихотворении 1777 года «Кружка» упоминает клуб: *В садах, бывало, среди прохлад И жёны с нами куликают, А ныне клуб да маскарад И жён уж с нами разлучают* [405].

Н. Марченко в монографии «Приметы милой старины» пишет: «Первые клубы появились в Великобритании... Первый в России Английский клуб был открыт 1 марта 1770 г. в Петербурге богатым банкиром Гарнером. Сначала членом было не больше пятидесяти, а уже через сорок лет английский клуб считался самым аристократическим и насчитывал более 300 членом, среди которых были первые лица государства» [167, с. 74].

В «Словаре русского языка XVIII века», выпуск 1, зафиксировано упоминание английского клуба в сочинениях И. М. Долгорукого, изданных А. Смирдиным. Годы жизни И. М. Долгорукого 1764 – 1823 г. Таким образом, это, возможно, первое упоминание английского клуба: *В клуб английской летишь искать в бостоне счастья* [351, с. 22].

В поэме «Горе от ума» А. С. Грибоедова Чацкий говорит: *Ну что ваш батюшка? все Английского клуба Старинный, верный член до гроба? Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?* [402]

В рамках комедийного жанра в данном случае мы обнаруживаем гиперболу «*Английского клуба... верный член до гроба*» и сарказм «*дядюшка отпрыгал ли свой век*». Насмешка А. С. Грибоедова больше относится к «дядюшке», чем к «английскому клубу». Однако все же и клуб предстает в несколько комическом виде.

А. С. Пушкин пишет 27 августа 1833 года жене: *Скажи Вяземскому, что умер тезка его, князь Петр Долгоруков, получив какое-то наследство и не успев промотать его в Английском клубе, о чем здешнее общество весьма жалеет. В*

клубе не был, чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет, надобно будет заплатить штраф триста рублей, а я бы весь Английский клуб готов продать за двести рублей [431].

Данная цитата из письма А. С. Пушкина свидетельствует о негативной эмоциональной оценке, она перекликается с оценкой А. С. Грибоедова. Английский клуб предстает, как и у А. С. Грибоедова, в комедийном виде, это то место, где можно «промотать» наследство. *«я бы весь Английский клуб готов продать за двести рублей»* пишет А. С. Пушкин не без иронии, что свидетельствует о том, как невысоко ценил поэт данное заведение.

И. А. Гончаров в романе «Обрыв» так характеризует героя: *Утро уходило у него на мыканье по свету, то есть по гостиным, отчасти на дела и службу, - вечер нередко он начинал спектаклем, а кончал всегда картами в английском клубе или у знакомых, а знакомы ему были все.* [400]. Лексема «мыканье» как бы указывает на бесцельность и бесполезность времяпровождения, а фраза *«кончал всегда картами в английском клубе»* также несет оттенок такого значения.

Таким образом, в трех вышеприведенных цитатах преобладает вербально выраженная негативная эмоциональная оценка. Далее приводим позитивную эмоциональную оценку понятия «английский клуб».

Приведем двусмысленную похвалу А. С. Пушкиным романа Ричардсона: *В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из Английского клуба или собираясь на бал...* (А.С. Пушкин Путешествие из Москвы в Петербург) [427] В данной цитате скорее присутствует положительная эмоциональная направленность. Несколько утрируя, вывод из нее можно сделать такой: возвращаясь из английского клуба или собираясь на бал, невозможно читать скучную, плохую книгу, а значит и бал и клуб – это нечто интересное, яркое и т.д.

Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» детально описывает посещение Левиным английского клуба и его впечатления, которые можно отчасти считать автобиографическими, принимая во внимание тот факт, что Л. Н. Толстой сам был членом клуба.

Цитаты Л. Н. Толстого представлены в приложении В (стр. 274).

Автор передает впечатление от клуба такими языковыми средствами:

– относительно швейцара: *«беззвучно отворил дверь и поклонился», «неторопливо и не медля отворявшего дверь»,* что свидетельствует о вышколенности персонала;

– относительно слуховых ощущений: *«услыхал таинственный, предшествующий ему звонок»;*

– при описании клуба: *«продолжал испытывать впечатление клубного покоя, удовольствия и несомненной приличности окружающего; но как только карета выехала на улицу и он почувствовал качку экипажа по неровной дороге, услышал сердитый крик встречного извозчика, ...»* – антитеза, противопоставление клуба и улицы;

– чувства и впечатления: *«охватило давнишнее впечатление клуба, впечатление отдыха, довольства и приличия», «общее клубное веселое добродушие», «впечатление клубного покоя, удовольствия и несомненной приличности окружающего»;*

– перифраз по отношению к клубу: *«храм праздности».*

Таким образом, у Л. Н. Толстого при описании английского клуба функционирует лексика, несущая позитивную эмоциональную направленность. Следует отметить, что автор два раза говорит о приличии и приличности, что также придает образу клуба особую привлекательность, создает впечатление чистоты и респектабельности.

Приходим к следующим выводам: уровень прецедентности словосочетания «английский клуб (клуб)» был достаточно высок в пределах русского языкового сообщества XVIII-XIX в. Оно обладало широкими коннотациями, было семиотичным и символичным, соотносилось с текстами и артефактами культуры, а также было частью культуры. Это свидетельствует о том, что данное словосочетание являлось логоэпистемой. Логоэпистема «английский клуб» функционирует и сегодня, обретая более широкое семантическое наполнение. Существуют значения: 1) английский клуб как собрание 2) английский клуб как

школа изучения английского языка 3) английский клуб – телеканал (на основании поиска в электронных поисковых системах).

Анализ логоэпистемы «английский клуб» отражен в статье «Логоэпистема «английский клуб» как один из аспектов отображения образа Англии в русском языковом сознании конца XVIII – первой половины XIX века» [249, с. 217 – 226]

2.5.2. Логоэпистема «английская лошадь»

Англия XVIII – XIX в. славилась своим коннозаводством. Многие европейские страны ориентировались на нее, перенимали опыт по уходу за лошадьми, выезде, участию в скачках. Иппологическая терминология русского языка приобрела некоторые слова благодаря Англии. Так, словарь В. И. Даля содержит толкование глагола «англизировать»: «англизировать лошадь, окорнать хвост по-английски <...> ; куцохвостить» [Даль с. 16 том1].

Толковый Словарь Д.С. Ушакова, кроме указанного, содержит и другое толкование: «Устроить (устраивать) что-н. на английский образец» [353]. По-видимому, первоначальное узкое, связанное с иппологией значение лексемы позднее расширилось.

Рассмотрим логоэпистему «английская лошадь»: с семантическим наполнением «**порода**»; с семантическим наполнением «**лошади в Англии**».

Английская лошадь (в значении «порода») Ставим в один ряд такие словосочетания, которые являлись названиями породы: «английская лошадь», «английская скаковая», как первоначально их называли в России; «английская чистокровная верховая» и «чистокровная верховая».

Большая Советская Энциклопедия: «Чистокровная верховая порода лошадей, резвейшая в мире порода. Выведена в конце 17 – начале 18 вв. в Великобритании скрещиванием местных пород с восточными (варварийской, турецкой, арабской и туркменской) и европейскими (неаполитанской и испанской). Совершенствовалась только чистопородным методом. Специализирована по резвости и работоспособности в скачках на ипподромах. С 18 в. породу начали вывозить во многие страны, в том числе в Россию» [319].

Указываются три родоначальника породы: Турк Бйерлей (The Byerly Turk)

(привезен в 1683 году), Дарлей Арабиан (The Darley Arabian) и Годольфин Барб (The Godolphin Arabian). Также обязательно упоминается легендарный рыжий жеребец Эклипс, который родился в день солнечного затмения (англ. Eclipse – затмение). «В течение 23 лет Эклипс участвовал в 26 скачках и ни разу не потерпел поражения. Более того, ни один из его соперников даже не смог прийти на финиш близко от него... Сегодня большая часть линий чистокровных лошадей восходит именно к Эклипсу» [346]. «Eclipse first and the rest nowhere» (дословно «Эклипс первый, прочие – нигде» либо «Эклипс первый, прочих нет») – гласит английская поговорка. Фраза эта означает ситуацию, при которой есть только один победитель, лидер, у которого нет конкурентов. К указанной породе в Англии относятся, как к национальной гордости. И Эклипса, и трех вышеназванных лошадей при их жизни написали известные английские художники.

О скачках в Англии Н. М. Карамзин писал в «Письмах русского путешественника», подчеркивая их ошеломляющую прибыльность: *Земляки мои непременно хотели видеть славную скачку близ Винзора, где резвая лошадь приносит хозяину иногда более ост-индского корабля* [408, с. 459].

О. П. Беляев, поэт и переводчик, который был надзирателем кунсткамеры и унтер-библиотекарем Академии Наук, в книге «Муза, или Собрание разных забавных сочинений в стихах. Кунсткамеры надзирателя Осипа Беляева» (1794) писал: *На Аглинском коне гордяся Петиметр, Там плюя на народ, летает, яко ветр* [416]. Автор сравнивает английского коня с ветром и употребляет вербатив «летает».

Н. М. Карамзин: *...как птицы, пролетели мы на борзых английских конях...* [с.459]; *«...лететь взором за скакунами, из которых всякий кажется Пегасом...»* [461]. Обе цитаты вызывают ассоциацию с птицами благодаря использованной автором лексике: «птицы», «пролетели», «лететь взором», «кажется Пегасом» (Пегас – древнегреческий мифический персонаж, прекрасный конь с крыльями).

В романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстой, описывая скачки, в которых участвует Алексей Вронский на лошади Фру-Фру, также упоминает эту породу

и сравнивает лошадей с птицами: *Потные, измученные скакавшие лошади, проваживаемые конюхами, уводились домой, и одна за другой появлялись новые к предстоящей скачке, свежие, большую частью английские лошади, в капорах, со своими подпернутыми животами, похожие на странных огромных птиц* [437, с. 215]. Птица ассоциируется с полетом, крыльями, высотой, скоростью. Образ птицы для русского языкового сознания глубоко мифичен. Сирин – райская птица, птица Гамаюн – посланница и глашатай богов. Таким образом, птица – в прямом и часто в переносном смысле – неземное существо и сравнение лошади с птицей также наделяет такой образ некими неземными, но эстетически положительными свойствами.

В романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» читаем диалог Печорина и Грушницкого: – *Эта княжна Мери прехорошенькая, – сказал я ему. – У нее такие бархатные глаза – именно бархатные <...> Впрочем, кажется, в ее лице только и есть хорошего... А что, у нее зубы белые? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.* – *Ты говоришь о хорошенькой женщине, как об английской лошади,* – сказал Грушницкий с негодованием [411]. Несмотря на раздраженный тон ответа Грушницкого и на довольно циничный тон фразы Печорина, констатируем, что характеристика Печориным красивой женщины вызывает у Грушницкого ассоциации именно с английской лошадей. По-видимому сама собой разумеющейся была связь в умах того времени понятий «английская лошадь» и «красота», «грация». Сам М. Ю. Лермонтов не раз писал о лошадях в стихотворениях, изображал их на рисунках.

Известный ученый, ипполог В. О. Витт так писал об английской породе: «Чистокровная порода – замечательное творение рук человека, памятник коллективного зоотехнического творчества многих поколений людей. Нет другой породы домашних животных, нет другой породы лошадей, в которую было бы вложено столько человеческого труда и терпения, честолюбия и увлечения, таланта и ума...» [415].

Образ данной породы и в современной русской языковой картине

положительный и значительный. В XVIII – XIX веке понятия «английская порода» и «английская лошадь» (в значении «порода») обладали, судя по количеству и значимости упоминаний, национально-социумной прецедентностью. Таким образом, понятие «английская лошадь» является логоэпистемой. В наше время о данной породе пишут в основном в специальных изданиях, что свидетельствует о снижении уровня прецедентности данного словосочетания. Однако, как и раньше, все, что связано со скачками и чистокровной породой, несет оттенок элитарности и требует больших денежных вложений.

Английская лошадь (в значении «лошадь в Англии»)

Русские путешественники обращали внимание на лошадей в Англии еще до распространения моды на скачки. В «Статейном списке Г. И. Микулина - отчете послов царю упоминаются бои рыцарей на конях: *И Григорий и Ивашка королевнину потеху видели, и как перед нею билися, съезжаясь меж себя, князи и боярские дети, и дворяне в полных доспесех на аргамацех и на жеребцех древцы* [420, с. 173]. Также в этом же документе упоминаются кони, увиденные при встрече русских послов английскими придворными: *...И встретил Григорья и Ивашка королевнин дворовой воевода... и гости на жеребцех и конех, в наряде и в золотых чепях, человек с триста* [420, с. 160]. Характерной чертой данного описания является то, что лошади, как и люди, были богато украшены. Обращает на себя внимание и тот факт, что для названия лошади в данном документе использованы три номинации: (на) «жеребцех», «конех», «аргамацех». Словарь В. И. Даля: «Аргамак м. встарь, рослая и дорогая азиатская лошадь, под-верх; кабардинские и трухменские аргамаки известны у нас доныне» [321, с. 21]; «Конь м. стар. комонь, славянское. клюся, стар. арабс. фарь; лошадь; лошадь добрая, не кляча» [322, с. 154]; «Жеребец м. самец лошадь, некладеный конь» [321, с. 534]. Таким образом, послы классифицировали лошадей по породе, полу и убранству. Подчеркивалась дороговизна лошадей. Так, на рыцарских боях были ими отмечены дорогие аргамаки, а на встрече послов – дорогая сбруя лошадей.

В отчетах послов 1645 – 1646 г. читаем: *А лошади у них без хвостов,*

отсекают и с рипицею, а возят на них на телегах на одной лошаде пуд по 70, а телеги о дву колесах, а колеса велики и толсты [423]. Данная оценка относится не к скаковым лошадям, а к тем, которых запрягали в повозки. Отсекание хвостов – это, по-видимому, описанное выше англизирование, которое стало так называться позже. Видимо, это были очень мощные животные тяговых пород, судя по весу поклажи (70 пудов).

Многие русские писатели и путешественники обращали внимание на любовь англичан к лошадям, например, Н. М. Карамзин.

Цитата из произведения Н. М. Карамзина представлена в приложении Г (с. 275).

Автор иронично пишет о лошадях и пристрастии к ним англичан: *«только что не члены парламента», «господа людей»*

Журнал «Вестник Европы», 1802 г. (статья о Роберте Блумфильде, сапожнике, написавшем поэму): *«...но многое, что хорошо на Английском языке, показалось бы странным в переводе: на пример мысли о несчастной судьбе почтовых лошадей»* [375, с. 56]. Характерным является употребление в обеих цитатах прилагательного «странный», выражающего некоторое непонимание и удивление. По-видимому, отношение к лошадям в России существенно отличалось от английского.

И. А. Гончаров, побывавший в Англии в 1852 году, писал: *...какая там природа! ее нет, она возделана до того, что всё растет и живет по программе. С деревьями, с травой сделано то же, что с лошадьми и с быками... Всё породисто здесь: овцы, лошади, быки, собаки, как мужчины и женщины. Всё крупно, красиво, бодро* [401]. И. А. Гончаров амбивалентно оценивал Англию и англичан – восхищался и недолюбливал их. Он удивляется отсутствию природы и употребляет очень современный термин «программа», по которой все живет в Англии, но при этом он отдает должное красоте, породе, которую замечает и в людях, и в животных и таким образом признает особенное отношение к домашним животным в Англии.

Следовательно, в русскоязычных источниках XVI – XVII веков об

английских лошадях говорится как о лошадях в Англии, но не как о породе. Понятие «английская лошадь» стало прецедентным в XVIII – XIX веках, когда стала популярна английская, или чистокровная верховая, порода.

Можно утверждать, что уровень прецедентности словосочетания «английская лошадь» был достаточно высок в пределах русского языкового сообщества XVIII – XIX века. Оно характеризовалось наполненностью некоторым знанием культурного характера, было семиотичным и символичным, соотносилось с текстами и артефактами культуры, а также было частью культуры. Это свидетельствует о том, что данное словосочетание являлось логоэпистемой. Сегодня оно используется в основном в иппологических изданиях, что свидетельствует о сужении круга людей, для которых оно является частью фоновых знаний, а значит и о снижении уровня прецедентности данного словосочетания.

Анализ логоэпистемы «английская лошадь» отражен в статье «Логоэпистема «английская лошадь» [247, с. 265 - 270].

2.5.3. Логоэпистема «английский сад»

В используемых источниках упоминаются английские понятия, ставшие русскими либо повлиявшие на какую-либо сферу жизни представителей русского лингво-культурного сообщества. Проанализируем понятие «английский сад», ниже будем упоминать и другие словосочетания: английский парк, пейзажный парк. В XVIII веке все эти понятия не только относились к одному семантическому полю, но часто были синонимами, хотя, безусловно, парком принято называть более обширную территорию. Сегодня в статьях и монографиях по садоводству словосочетания «английский сад» и «английский парк» часто используются как синонимы.

Из всех используемых материалов наиболее раннее упоминание сада, увиденного в Англии русскими, содержится в «Статейном списке Г. И. Микулина» 1600 г.: посол и подьячий *ехали в кочех до реки, а рекою... до королевнино двора; вышли из судов позади королевнино дворе в королевнин сад, и шли садом* [420, с. 183]. В данном случае невозможно судить, как выглядел сад,

но констатируется то, что сад был королевский. Можно предположить, что сад имел немалые размеры, так как послы *«шли садом»*.

Е. Р. Дашкова в XVIII в. писала в «Записках» о приезде любимой английской подруги к ней в поместье: *К крайнему моему удовольствию, Гамильтон осталась довольна этим очаровательным местом, и хотя она, англичанка, привыкла к превосходным паркам и садам своего отечества, тем не менее она удивлялась и хвалила мои собственные* [404]. Автор называет английские сады и парки *«превосходными»*, то есть уже в XVIII веке английский сад и парк были стандартом качества. В данном случае словосочетание «английский сад» еще не наблюдается.

Первые зафиксированные упоминания «английского сада» принадлежат Н. М. Карамзину (в первом полном издании «Писем русского путешественника», 1801 г.). Будучи во Франции и восхищаясь парками и садами в конце XVIII в., Н. М. Карамзин пишет: *...сад Трианона есть совершенство садов английских; Нигде нет холодной симметрии; везде приятный беспорядок, простота и красоты сельские* [408, с. 395]. Следует обратить внимание на то, что сады находились во Франции, то есть понятие «английский сад» уже прочно вошло в культуру стран Европы.

Восхищение английскими поэтами также вызывает у Н. М. Карамзина ассоциации с английским садом: *В английских поэтах есть еще какое-то простодушие, не совсем древнее, но сходное с гомеровским, есть меланхолия..., есть какая-то странная, но приятная мечтательность, которая, подобно английскому саду, представляет вам тысячу неожиданных вещей* [408, с. 480]. В данном случае можно судить о том, что «английский сад» был результатом творческого труда.

Обратимся к истории данного понятия. В XVII веке английские сады называли регулярными, то есть в их основании лежал принцип строгости линий, они как бы были продолжениями богатых дворянских залов, но в XVIII веке мода резко изменилась. В это замечательное время, названное «эпохой просвещения», искусство вновь обратилось к естественности, а девизом стал призыв Жан-Жака

Руссо «Назад, к природе!» В основу композиции пейзажных, или «английских», парков образца XVIII века был положен принцип творческой переработки мотивов естественной природы. Именно о таком саде говорил

Н. М. Карамзин как о «приятном беспорядке» в вышеприведенной цитате.

В. Г. Орлов писал в своем дневнике: *При расположении оных ..., стараются они подражать природе и скрыть работу, которая необходима и часто много труднее бывает, нежели в регулярных... садах [416].*

В книге о дворянской и купеческой сельской усадьбе говорится, что уже в 1764 г. И. И. Шувалов писал из Англии: *Сады прекрасные, совсем иного от других вкусу. По возвращении моем дам идею, как ... подобный опыт завести; все искусство в том, чтоб было сходно с натурой. Мне кажется, что сие лучше [65].*

П. И. Макаров упомянул английский сад в журнале «Московский Меркурий» за 1803 год: *Педант хочет ,чтобы всякий цветок был на своем месте; чтобы и сад – даже Английской, нерегулярной – был расположен по правилам искусства!* [выпуск 1, 351, с. 22]. В противопоставление регулярным садам П. И. Макаров называет английский сад «нерегулярным».

Д. С. Лихачев отмечал, что в указанный период «началось поистине триумфальное наступление естественного ландшафта на обрубленную и стриженную растительность регулярных садов» [159, с. 211], а «враждебность к регулярным садам приобрела формы политических обвинений. Регулярный сад стал символом тирании, господства абсолютизма, попыткой насильственно подчинить себе природу стрижкой кустов и деревьев, приданием геометрических форм водоемам и т. д.» [159, с. 211]. Д. С. Лихачев приводит также оригинальные слова крупнейшего искусствоведа Николаса Певзнера о том, что «пейзажный парк был изобретен в Англии, ибо это был сад английского либерализма ... свободный рост дерева был очевидным символом свободного роста индивидуума, змеевидные (серпантинные) дорожки и ручейки – свободы английской мысли, и убеждения, и действия, а верность природе местности – верности природе в морали и политике» [159, с. 212]. Возможно, именно так

воспринимала английский сад русская интеллигенция, то есть в связи с социальными и политическими свободами, практически недостижимыми в то время для России. Английский либерализм был привлекателен для русских, как и свобода вообще.

Сравнивая понятие свободы в английском и русском языковом сознании, мы соглашаемся с утверждением А. С. Солохиной: «Англоязычное философское понимание свободы связано с осознанием индивидуальной свободы и закона как условия свободы, русские философы ставят на первое место соотношение свободы и высших религиозно-моральных ценностей» [230].

О том, как разбивали английский сад русские помещики, можно судить по нижеприведенным цитатам из произведений А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя:

Повесть «Барышня-крестьянка», (О русском барине Григории Ивановиче Муромском): *Развел он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы* [421, с. 238].

Поэма «Мертвые души»: (описание английского сада уездного помещика Манилова): *...видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храм уединенного размышления»; пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в аглицких садах русских помещиков* [397, с. 48].

Первая цитата дает основание судить о дороговизне содержания английского сада, вторая высмеивает сад уездного, то есть, провинциального помещика Манилова с беседкой и «покрытым зеленью» прудом.

Мы уже упоминали английский сад во Франции и России, И. А. Гончаров встретил его в Португалии в 1852 году: *Мы поднимались всё выше; дорога шла круче. "Что это такое?" - спрашивал я, часто встречая по сторонам прекрасные сады с домами. "English garden" ("Английский сад"), - говорили проводники. На лучших местах везде были "english garden". Я входил в ворота, и глаза разбегались по прекрасным аллеям тополей, акаций, кипарисов* [401].

И. А. Гончаров характеризует сады и аллеи в них как прекрасные. Метафора «глаза разбегались» говорит о множестве интересных, привлекающих взор

местах.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля понятий английский сад либо английский парк нет, возможно, потому, что сама мода на данный тип сада пошла на убыль в конце XIX века. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова также не дает пояснения данным понятиям. Сегодня интерес к ландшафтному дизайну возродил и интерес к английскому саду. О нем много пишут в современных журналах для садоводов. Понятие это включает в себе в XXI веке не совсем то, что раньше, оно живет и развивается. Отчасти английский сад стал семантическим неологизмом. Например, в современном журнале «Садовник» отмечается: «Современный этап развития английского сада можно назвать «эрой сорняков», если иметь в виду растения, в прошлом населявшие выгоны и канавы, а сейчас красующиеся на обложках садовых каталогов» [273].

Следует обратить внимание на образ сада для англичан. В. Овчинников в жизнеописании англичан XX века «Корни дуба» употребляет словосочетание «английский парк» именно в этом значении. Автор, исследуя английский национальный характер, обращает внимание читателей на парк как на отдушину для англичанина [417]. По-видимому связь свободы и парка, сада в английском сознании имеют глубокие исторические и психологические предпосылки, которые заслуживают отдельного психологического исследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что словосочетание «английский сад» является лингвострановедчески ценностной единицей, а значит логоэпистемой. Анализ многочисленных примеров из источников XVI — XXI веков свидетельствует о ее «жизнеспособности». В XVI и XVII веках происходило формирование понятия английский сад (в литературе этого периода мы видим просто упоминание сада без определения «английский», но речь идет о саде в Англии). Как логоэпистема понятие «английский сад» существует с начала XIX века (именно в примерах XIX века находим само словосочетание «английский сад») и по сегодняшний день. Она динамично изменялась, наполнялась новыми коннотациями и значениями. Таким образом, мы проследили ее формирование и развитие на протяжении шести веков.

Анализ логоэпистемы «английский сад» отражен в статье «Английский сад как логоэпистема» [245, с. 21 – 24].

2.5.4. Логоэпистема «английская собака / собачка»

В «Словаре русского языка XVIII века», выпуск 1, приводятся первые зафиксированные упоминания английской собаки и английской собачки. Данные понятия обозначали две разные породы собак. Рассмотрим понятие «английская собака». В первой цитате приводится выдержка из справочника по охоте в переводе Василия Левшина с немецкого языка «Совершенный егер, или знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте» (СПБ, 1779 г.): *Седьмой род Аглинских собак. Сей род есть самый лучший из всех лягавых*. [351, с. 22].

Можно предположить, что в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» (1830) речь идет также об английской породе, так как собака принадлежала богатому дворянину и помещику:

Итак, она шла, задумавшись, по дороге, осенённой с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на неё.

А. С. Пушкин характеризует собаку как прекрасную, то есть оценивались и эстетические свойства породы.

«Большая Советская Энциклопедия: «Легавые собаки, группа пород охотничьих собак, используемых для охоты на пернатую дичь. ... Найдя птицу, собака ложилась перед ней (откуда название «легавая») ... Легавые собаки чутьём разыскивает птицу, останавливается перед ней в характерной позе – «стойке», затем по команде охотника бросается вперед и вспугивает её под выстрел. Обычно собака находит и приносит подстреленную дичь....»

Легавые собаки широко распространены. Разводятся главным образом английские легавые (пойнтеры, сеттеры) и немецкие (короткошёрстная, жесткошёрстная, длинношёрстная и др.)» [202].

Таким образом, в справочнике и, возможно, у А. С. Пушкина, идет речь о сеттерах или пойнтерах, породах, которые популярны в России и в Украине и

сегодня. В используемых источниках, а также в результатах поиска в НКРЯ более не были обнаружены примеры «английская собака».

Рассмотрим понятие «*английская собачка*». В данном случае суффикс «-чк-» указывает на меньшие размеры животного, а также, возможно, на ласковое отношение к нему. В «Словаре русского языка XVIII века» данное понятие поясняется так: «А. собачка. Порода комнатных собачек» [351, с. 22]. Там же приводится цитата из ежемесячного издания «Муза», 1796 г.:

Наш Барон сидел на софе протянувши ноги, зевал, гладил Аглинскую собачку [351, с. 22].

В журнале «Вестник Европы», 1804 г. приводится надпись на ошейнике *аглинской собачки*: *Ты верность мне изображай – люби меня и утешай* [385, с. 333] Фраза приводится отдельно, не в составе текста статьи, то есть автор хотел обратить внимание на надпись на ошейнике. Указание «*верность мне изображай*» намекает на неискренность. С подобной неискренностью связывали вообще светские манеры. Английская собачка предстает словно частью такой светской, притворной жизни.

М. Н. Загоскин. Очерк «Москва и москвичи» (1842 – 1850):

...с другой (стороны дивана) на вышитой по канве подушке лежит половопегая английская собачка в красном сафьяновом ошейнике [416].

Что это мне кажется, ваша Леди как будто бы потолстела... Леди, Леди! (Английская собачка подбегает к Полякову, виляет хвостом, и начинает к нему ласкаться. Ползков вынимает из жилетного кармана кусочек сахару и дает ей.) А, догадалась! Знаешь, плутовка, что у меня всегда для тебя гостинец есть! [416].

В двух цитатах из очерка М. Н. Загоскина прослеживается мысль о том, что содержание английской собачки было не дешевым. Собачка сидит на вышитой подушке, на ней – сафьяновый ошейник. В словаре В. И. Даля слово «сафьян» толкуется: «Выделанная козловая кожа различной краски» [324, с. 139]. Примечательно, что кличка собаки – «Леди», то есть даже кличка выдает связь с английской породой. Герой очерка в шутку называет ее «плутовка», в чем

выражается ласковое отношение.

Упоминание указанных пород собак в текстах исследуемого периода и оценочная лексика свидетельствует о том, что понятие «английская собака / собачка» являлось логоэпистемой в период с конца XVIII – первой половине XIX в. Более ранние упоминания данных пород не обнаружены. Прецедентность данной логоэпистемы была в пределах национально-социальной, но снизилась после XIX века, для нее не была свойственна стабильность. Позже понятие английской собаки были заменены собственно названиями пород.

2.5.5. Логоэпистема «английский язык»

Изучение языка как концепта языкознания и как концепта лингвокультурологии проводилось многими исследователями (С. В. Дегтев, В. Б. Кашкин, И. Б. Левонтина, И. И. Макеева, С. Е. Никитина, Ю. С. Степанов).

Д. Ю. Полинченко, сравнивая концепт «язык» в русской и английской лингвокультурах, отмечает: «дефиниционный признак этничности оказывается представлен с наибольшей частотой. Естественный язык, представляя собой абстракцию высокого уровня, в языковой деятельности человека всегда проявляется в виде конкретного идиоэтнического языка» [193, с. 338]. Признак этничности важен для рассмотрения логоэпистемы «английский язык».

Л. А. Булаховский отмечает особый интерес к английскому языку в первой половине XIX века. Такой интерес исследователь поясняет двумя причинами: – пиететом русских дворян перед английской аристократией; – серьезным интересом русских передовых деятелей науки и искусства [21, с. 220]. В следующих цитатах отражен второй аспект указанных причин интереса к английскому языку, так как мы располагаем мнениями выдающихся деятелей своего времени.

Е. Р. Дашкова (1743-1810) в «Записках» пишет об изучении английского языка: *С большим трудом я выучилась английскому языку, хотя немного знала его и прежде. Этим я обязана дружбе миссис Гамильтон и Морган; они приходили ко мне каждое утро читать английские книги и поправлять мое произношение* [404].

Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» дает подробную характеристику английскому языку.

Цитата Н. М. Карамзина представлена в приложении Д (с. 276).

Н. М. Карамзин оценивает в английском языке грамматику, особенности артикуляции, заимствования из других языков. Автор употребляет по отношению к английскому языку:

– положительную оценочную лексику: *«легче и простее», «мудрено», «богат и обработан», «сильным», «выразительным», «пестрота»;*

– отрицательную оценочную лексику: *«груб», «неприятен», «богат краденым или...отнятым», «отрывистые», «короткие», «труден», «чуть-чуть разводят зубы», «свистят», «намекают», «не говорят».*

Н. М. Карамзин употребил достаточно экспрессивную лексику, но при этом часто с противоположным смыслом, например, «легче и простее» и «труден». Для автора английский язык полон оригинальности и контрастов.

И. А. Гончаров писал: *...ловлю эти неуловимые звуки языка, которым волей-неволей должен объясняться с грехом пополам, благословляя судьбу, что когда-то учился ему: иначе хоть не заглядывай в Англию [401].* Для автора звуки языка «неуловимые». Данная характеристика перекликается с оценкой Н. М. Карамзина и также отражает некоторую оригинальность английского языка в восприятии И. А. Гончарова.

Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души» в свойственной ему сатирической манере описал английское приизношение (Цитата представлена в приложении Ж (с. 277).

Н. В. Гоголь обратил внимание не только на само употребление английских слов, но и на манеру их произносить *«как следует птице»*, то есть на мимические особенности, которые были, по-видимому, заимствованы у англичан. Данный паракинесический аспект служит более широкому освещению словосочетания «английский язык» и обоснованию его как логоэпистемы.

В журнале «Вестник Европы» за 1805 г., в статье «О превосходстве древних языков», перепечатке из французского журнала, неизвестный нам автор с

некоторым сожалением констатирует: *Никто не думает о Греческом и Латинском языках; все учатся по-Английски, по-Немецки <...> Благодаря философическому духу нашего века, Английский язык взял верх <...> даже над немецким* [388, с. 285-286].

В другой статье «Вестника Европы» за 1802 г. «О любви к отечеству и народной гордости» встречаем такой отзыв автора, У.О.: *Язык важен для Патриота; и я люблю Англичан за то, что они лучше хотят свистать и шипеть по-Английски с ... любовницами своими, нежели говорить чужим языком* [371, с. 68]. В первом отзыве наблюдается констатация популярности английского языка. В другом отзыве автор, одобряя английский патриотизм и любовь к родному языку, все же негативно оценивает его артикуляционные особенности – «*свистать и шипеть по-Английски*». Неизменно странными, оригинальными и, в данном случае, неприятными являются звуки английского языка для русского восприятия.

А. А. Бестужев в письме к А.С. Пушкину от 9 марта 1825 года писал: *Я с жаждою глотаю англинскую литературу и душой благодарен англинскому языку — он научил меня мыслить, он обратил меня к природе — это неистощимый источник!* [416]. А. А. Бестужев употребляет характеристику «неистощимый источник». Образное определение «неистощимый источник» чаще употребляется относительно духовных ценностей, веры и т. д. Употребление его относительно английского языка представляет последний как нечто метафизическое и ценное.

Таким образом, уровень прецедентности словосочетания «английский язык» был достаточно высок в пределах русского языкового сообщества XVIII – XIX века. Оно характеризовалось наполненностью некоторым знанием культурного характера, было семиотичным и символичным, соотносилось с текстами и артефактами культуры, а также было частью культуры. Следовательно, словосочетание «Английский язык» являлось логоэпистемой. Она довольно стабильна во времени, авторы XVIII и XIX веков отмечают сложность, непривычность, оригинальность английского языка, а также

значимость его в связи с изучением науки и чтением английской литературы в оригинале. В наши дни логоэпистема «английский язык» сохранила и повысила свою прецедентность, так как английский язык приобрел статус международного языка.

Анализ логоэпистемы «английский язык» отражен в статье «Логоэпистема «английский язык» как один из аспектов отображения образа Англии в русском языковом сознании конца 18 – первой половины 19 века» [250, с.224 – 230].

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

В ходе работы над главой «Прецедентные феномены как один из аспектов образа Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX вв.» были проанализированы 28 прецедентных феномена, из них 17 прецедентных имен (14 антропонимов и 3 топонима), 1 прецедентное высказывание, 4 прецедентных текста, 1 прецедентная ситуация, 5 логоэпистем.

При анализе было выявлено, что наиболее многочисленная группа ПФ – это ПИ – имена реально существовавших людей (11): *Генри Филдинг, Сэмюэл Ричардсон, Горацио Нельсон, Джордж Гордон Байрон, Джон Мильтон, Елизавета I, Исаак Ньютон, Лоренс Стерн, Уильям Питт Младший, Уильям Шекспир, Эдуард Юнг*. Далее следуют ПИ – имена героев художественных произведений (3): *Гамлет, Грандисон, Ловелас*. Анализ позволил сделать следующие выводы: соотношение количества имен в данных категориях свидетельствует о более высокой прецедентности и большей важности реальных известных людей – англичан для русского языкового сообщества.

Уровень прецедентности имен – антропонимов чаще всего обозначен как национально-социумный, реже – социумный. Проанализировать динамику развития указанных ПИ, то есть рассмотреть их в диахронии не всегда представлялось возможным, так как доступные нам материалы содержат в основном примеры из текстов конца XVIII – XIX веков. Более ранние рассматриваемые тексты не содержат указанные имена англичан и их характеристики. Иногда ПИ невозможно рассмотреть в диахронии, так как

рассматриваются имена современников авторов текстов, и мы располагаем материалами только XIX века.

Уровень прецедентности имен политиков и общественных деятелей имеет тенденцию понижаться с годами («Уильям Питт»). Уровень прецедентности имен поэтов, писателей, ученых, а также героев произведений, в основном, более стабилен («Байрон», «Шекспир»). Но он также мог как понижаться, так и повышаться. По-видимому, причинами указанных фактов могут быть социально-политические процессы, а также тенденции в моде и популярности тех или иных личностей, а следовательно, и их имен. Для антропонимов характерно употребление их с течением времени все более коннотативно, а не денотативно (Ловелас, Гамлет). Из 14 антропонимов только 2 («Гамлет», «Ловелас») присутствуют в «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина, что свидетельствует об их высокой степени прецедентности в наши дни, повышении ее до национальной.

Проанализированы 3 ПИ-топонима: «Англия», «Лондон», «Темза». Прецедентное имя «Англия» включало 2 компонента («Англия – мощная политическая и военная держава», «Торговая Англия».) Прецедентное имя «Лондон» включало 6 компонентов («Противопоставление топонимов Лондон и Париж», «Тишина и многолюдность Лондона», «Лондонская погода», «Освещение Лондона», «Преступность в Лондоне», «Достопримечательности Лондона»), из которых последний включал дополнительно 3 компонента («Архитектура Лондона», «Бедлам», «Воксал»). Таким образом, самым насыщенным по составу и количеству примеров является топоним «Лондон». Соотношение количества примеров в данных категориях свидетельствует о более высокой прецедентности и большей важности наименования «Лондон» для русского языкового сообщества. Это можно объяснить тем, что именно в Лондон ездили путешественники, а, следовательно, и описывали его, именно Лондон был центром торговой, экономической и политической жизни Англии. За ним по количеству упоминаний и значимости (по убыванию) следуют прецедентные имена «Англия» и «Темза». При рассмотрении ПИ-топонимов анализировалась

динамика развития, так как упоминания английских антропонимов содержатся в материалах разных веков. Уровень прецедентности имен-топонимов обозначен как социумный и национально-социумный. Анализ показал, что уровень прецедентности ПИ-топонимов в течение периода с конца XVI – первой половины XIX веков повышался.

Проанализировано одно ПВ английского происхождения «*Poor Yorick!*». Такое количество говорит о том, что данный вид прецедентных феноменов был изменчив, мог мало отражаться в письменных источниках, возможно, был более характерен для устной речи. Причиной могло быть и не очень широко распространенное владение английским языком. Данное ПВ стабильно во времени, сохранило прецедентность до наших дней. Таким образом, за редким исключением, прецедентность английских высказываний в целом была не высока в пределах русского языкового сознания.

На основе анализа 4 ПТ английского происхождения («*Гамлет*», «*Потерянный рай*», «*романы Л. Стерна*», «*романы С. Ричардсона и Г. Филдинга*») делаем следующие выводы: небольшое количество ПТ свидетельствует о том, что данный вид прецедентных феноменов был известен прежде всего ценителям литературы (часто читателям романов). Причиной могло быть и не очень широко распространенное владение английским языком. Таким образом, за редким исключением, прецедентность английских текстов в целом была не высока в пределах русского языкового сознания. Прецедентность данных тестов в основном не сохранилась либо снизилась. Исключением является трагедия У. Шекспира «*Гамлет*», прецедентность которой значительно возросла в современный период.

Проанализирована 1 ПС («*обращение к черепу*»). Выводы: она сохранила и, возможно, увеличила уровень прецедентности. Малочисленность примеров прецедентных ситуаций говорит о нестабильности и изменчивости данного прецедентного феномена. Возможно, многие из них существовали в устной речи, анекдотах, рассказах, но утратили прецедентность с годами.

Проанализированы 5 логоэпистем («*английский клуб*», «*английская лошадь*»),

«английский сад», «английская собака / собачка», «английский язык»), для них характерна стабильность. Часто они динамично изменялись, наполнялись новыми коннотациями и значениями, но оставались значимыми в течение нескольких веков. Уровень их прецедентности менялся по-разному, зачастую высшего уровня прецедентности, то есть национального, они достигли после XIX века. Исключением является логоепистема «английская собака / собачка», прецедентность которой снизилась после XIX века. Логоепистемы английского происхождения свидетельствуют об аккумулированном знании фактов и реалий английской культуры носителями русского языкового сознания, обращении к таким фактам и реалиям и их заимствованию, что также может служить аргументом в пользу значимости образа Англии.

Достаточно частое пересечение русских и английских прецедентных феноменов свидетельствует о весомости Англии, ее культуры, литературы, политики для русской культуры и языка периода конца XVIII – начала XIX века, а также об основании рассмотрения образа Англии в лингвоимагологическом аспекте.

Количество национальных и национально-социумных прецедентных феноменов, которые пришли в русский язык из английского и являлись таковыми уже XVII – XIX веках, анализ динамики их развития в течение веков может служить аргументом в пользу значимости образа Англии (в русле лингвоимагологии) для русского языкового сознания рассматриваемого периода.

ГЛАВА 3

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК АСПЕКТ ОБРАЗА АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

3.1. Английские языковые заимствования

Ниже проанализированы английские заимствования, которые были обнаружены в исследуемых источниках. По причинам ограниченности объема исследования представлены наиболее яркие и интересные примеры заимствований, отражающие каждую из тематических рубрик.

3.1.1. Морская лексика

Относительно английских заимствований в Петровскую эпоху В. В. Виноградов писал: «В терминах морского дела почти безраздельно господствовали заимствования из голландского и английского языков» [32 с. 60]. Таким образом, морская лексика представляет особый интерес. Рассмотрим примеры из данной рубрики.

Мичман

И. А. Гончаров писал во «Фрегате Паллада»: *Зачем это зовут всех наверх?» – спросил я бежавшего мимо меня мичмана. «Свистят всех наверх, когда есть авральная работа», – сказал он второпях и исчез* [401].

Данное слово содержится уже в «Словаре Академии Российской»: «Мичманъ, на с.м. реч. мореходн. Первой офицерской чинъ въ в морской службе» [347, часть 4, с. 157].

Словарь В. И. Даля дает такое толкование: «Мичман м. первый офицерский чин во флоте, армии поручик; за ним следует лейтенант (капитан). Мичманов, ему принадлежащий» [322 с. 330]. Схожее толкование дает словарь А. Н. Чудинова [356].

Этимологический словарь М. Фасмера: «Мичман "младший лейтенант во флоте", впервые в Уст. морск. 1710 г.; см. Смирнов 197. Заимств. из англ. *midshipman* "морской кадет", см. Маценауэр 254; Мелен 135; последний ставит под сомнение этимологию Смирнова – из голл. *mitsman*» [354].

Словарь Л. П. Крысина: «Мичман, а, мн. мичманы, ов и проф. мичманá, óв, м., одуш. [англ. midshipman морской кадет]. 1. В русском дореволюционном флоте и флотах нек-рых других государств — первый офицерский чин. 2. В военно-морском флоте России: воинское звание военнослужащих.»

-а; м. (от англ. Midshipman) [328]

Словарь С. А. Кузнецова дает схожее толкование. [330]

Таким образом, наиболее вероятным является заимствование данной лексемы из английского языка. Слово было освоено посредством транскрипции. При этом буквосочетание «dsh» было отображено русской буквой «ч», а английские буквы «ip» выпали, так как слово было сокращено для лучшего восприятия. Значение слова претерпело некоторые изменения, но основа значения «морской чин» сохранилась с конца XVIII века по XXI, то есть является стабильной.

Слово было полностью освоено уже в конце XVIII века и является одним из первых англицизмов в русском языке, так как содержится уже в первом российском словаре – словаре Академии Российской 1789 года. Значение изменилось очень незначительно в период с XVIII по XXI век.

Слуп / шлюп / шлюпка

Рассмотрим вариант «слуп».

В Журнале «Вестник Европы» за 1804 год, №6 в разделе «Политика», в статье «Перечень известій изъ Лондона по 27е марта» находим упоминание о данном виде судна: *Вообще Великобританская морская сила не бывала никогда въ такомъ страшномъ и изправномъ состоянїи, какъ ныне... состоит оная... изъ 511 линейныхъ кораблей, слупъ, бомбардирныхъ и канонерныхъ судовъ,.. 375 малыхъ судовъ* [384 с. 156].

П. Н. Врангель в «Записках» (1916-1921) отмечал: *«Потеряв надежду выехать на русском судне, я, скрепя сердце, сел на английский «слуп»»* [395].

Употребление П. Н. Врангелем варианта «слуп» не является типичным, нигде более данную форму мы не находим (по результату поиска в НКРЯ) [416].

Обратим внимание на то, что автор пишет слово в кавычках и рядом с определением «английский». Данный вариант слова отсутствует в словарях.

Рассмотрим вариант «*шлюп*».

Ф. П. Литке, «Дневник, веденный во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» (Кронштадт, 1817): *Привезли на шлюп порох. Капитан уехал в последний раз* [416].

В. М. Головнин, «Замечания на донесение комитета, составленного Американским конгрессом» (1821): *А морем шлюп «Камчатка» из Кронштадта в Камчатку пришел в восемь месяцев* [416].

В соответствии с поиском в НКРЯ, данный вариант встречается в 36 документах [416].

Рассмотрим вариант «*шлюпка*».

Ф. И. Соймонов «Описание Каспийского моря» (1763): *Тогда же пришла другая шлюпка с Квартирмейстером Преображенскаго полку* [416].

А. А. Бестужев-Марлинский «Фрегат «Надежда» (1833) *Шлюпка идет! — раздалось с баку* [416].

Данный вариант наиболее употребим. В соответствии с поиском в НКРЯ, он встречается в 203 документах [416]. Он также наиболее ранний, первое упоминание встречается в документе 1763 года в уже адаптированном языке – реципиентом виде.

Рассмотрим указанные варианты в словарях разных периодов.

В. И. Даль в толковании слова шлюбка указывает: «Шлюбка, см. шлюп.» «Шлюп м. военное судно, близкое к фрегату. Шлюповый и -пный, к нему относящ. Шлюпка, шлюбка ж. лодка, ялик, двойка, четверка, шестерка, осьмерка и пр. некрытое гребное судно, о стольких веслах; в 10 весел и более, катер.» [324, с. 640] Таким образом, у В. И. Даля слова «шлюп» и «шлюпка» выступают синонимами.

В словари иностранных слов конца XIX – начала XX века значения уже разошлись:

Словарь А. Д. Михельсона:

«Шлюп англ. sloop. Трехмачтовое судно, менее фрегата».

«Шлюпка англ. sloop. Гребное маленькое судно» [335]

Словарь А. Н. Чудинова дает схожее толкование [356].

Происхождение из английского языка не подтверждается в словарях М. Фасмера и Л. П. Крысина:

Этимологический словарь М. Фасмера: «шлюп вид трехмачтового военного корабля примерно с тридцатью орудиями», стар. Из нидерл. sloer "шлюпка" от sluipen "скользить", ср.-в.-н. sliefen – то же» [354];

Словарь Л. П. Крысина :«Шлюпка, и, ж. [нидерл. sloer]. Гребная лодка на судне, спускаемая на воду в случае надобности, с прочным широким корпусом.» [328];

Шлюп, а, м. [< нидерл. sloer шлюпка]. Мор. 1. ист. Трехмачтовый военный корабль, по размерам средний между корветом и бригом. 2. Парусное морское одномачтовое судно с двумя парусами ...3. Тихоходный сторожевой корабль» [328].

Словарь С. А. Кузнецова также содержит слова «шлюп» и «шлюпка», но в нем отсутствует вариант «слуп» [330].

Как следует из разных толкований, слова «слуп, (шлюп)» и «шлюпка» (М. Фасмер приводит также форму «шлюбка») являлись названиями разных типов судов, но, безусловно, имели одинаковое происхождение. Разные источники возводят их либо к английскому «sloop», либо к нидерландскому (или голландскому) «sloer». Полагаем, возможно, заимствование проходило одновременно из двух источников, так как и английские, и голландские морские термины активно проникали в русский язык в XVIII – XIX веке. Таким образом, указанные лексемы можно считать английскими заимствованиями. В «Вестнике Европы» слово «слуп» было употреблено в наиболее близкой к оригиналу форме, слово было освоено при помощи транскрипции и фонетически наиболее близко к английскому произношению слова «sloop» ([slu:p]). Позднее начальная «с» трансформировалась в «ш». Второе заимствованное слово «шлюпка», или «шлюбка», образовалось посредством добавления уменьшительного суффикса «-

ка» и означает, в общем, маленькое судно или лодку. Чередование букв «п» и «б» объясняется становлением нормы написания слова в указанный период.

Лексемы «шлюпка», или «шлюп», прошли к середине XIX века этапы проникновения, заимствования и укоренения, так как присутствовали в словарях указанного периода. В наши дни они также функционируют в устной, письменной речи, в словарях. Лексема «слуп» вышла из употребления и не содержится в словарях XIX, XX веков.

3.1.2. Названия карточных игр

Вист

Рассмотрим примеры из художественных текстов:

Н. И. Новиков, «Кошелек. Еженедельное сочинение 1774 года» (1774) *словом, я почитал себя пресчастливым человеком; но третьего дня в одном знатном доме посадили меня играть в вист* [416];

Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника» (1793): *«В шесть часов сходятся, пьют кофе, чай и едят бисквиты, садятся играть в карты, по большей части в вист, и проигрывают или выигрывают рубли два, три»* [408, с. 450];

А.С. Пушкин, «Евгений Онегин» : *И вист, доньне знаменитый»* [421, с. 93]; *«Уж восемь роберов сыграли Герои виста; восемь раз Они места переменили* [421, с. 93].

Из цитат следует, что игра и понятие «вист» уже существовали в 1774 году, слово всегда встречается в адаптированном виде. Относительной данной игры А.С. Пушкин употребляет эпитет «доньне знаменитый», то есть игру уже в первой половине XIX века воспринимали как давно вошедшую в обиход.

В словаре В. И. Даля слово «вист» толкуется так: «Вист м. род картежной игры, обычно вчетвером. | В бостонной и др. играх, вист, идти в вист, или вистовать, помогать, быть, по правилам игры, заодно с другим игроком» [321, с. 207].

Рассмотрим значение слова в других словарях:

Словарь иностранных слов А. Н. Чудинова (1910): «Вист (англ., whist - тише). 1) род карточной игры (назв. так потому, что игра требует внимательности, следовательно и тишины); 2) помощь одному из игроков [356].

Словарь М. Фасмера: «Вист- вид игры в карты (уже у Пушкина). Из англ. whist -- то же» [354].

Словарь Л. П. Крысина: «вист а, мн нет, м. (англ. whist). 1. Род карточной игры... 2. При игре в преферанс, бостон: определенная комбинация карт. 3. в знач. сказ. Играю против партнера» [328].

Словарь С. А. Кузнецова дает схожее толкование [330].

Ю. М. Лотман в работе «Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» писал: «Бостон, ломбер, вист — коммерческие игры, популярные начиная с XVIII в. Еще в 1791 г. Н. Страхов называл ломбер и вист «играми, подавшими просьбы о помещении их в службу степенных и солидных людей.» Азартные игры, которым молодежь могла посвящать ночи в холостой компании, в светском собрании или на семейном балу терпимы быть не могли» [161].

Таким образом, слово «вист» является английским заимствованием. Проникновение его в русский язык проходило в XVIII веке. Данный англицизм мог быть образован как посредством транскрипции, так и транслитерации, поскольку графическая и фонетическая формы слова «вист» близки к таким формам английского слова «whist». Следует указать, что другие упомянутые

А. С. Пушкиным названия игр (ломбер, бостон) не являются английскими заимствованиями и квалифицируются в разных словарях как французские.

Освоение данного англицизма прошло все этапы, то есть проникновение, заимствование и укоренение, так как данная лексема присутствует как в старых, так и в новых словарях и не квалифицируется как устаревшая. Значение слова практически не менялось с конца XVIII века, что свидетельствует о его стабильности.

Робер / роббер / роберт

В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» упоминается карточный термин: *Уж восемь робертов сыграли Герои виста; восемь раз Они места переменили* [421, с. 93].

С. Я. Надсон, «Дневники» (1875-1883): *Я сыграл робер в вист, и мне надоело* [416].

Также упоминание игры встречается в художественной литературе: у А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других. Написание в указанных примерах – также «робер» [416].

В словаре В. И. Даля данное слово употреблено с одной буквой «б» и толкуется так: «Робер м. англ. в картежн. игре вист, несколько игор, составляющих как бы одну игру, по расчету» [324, с. 97].

Словарь М. Фасмера: «Робер род. п. -а "двойная партия при игре в вист". Через нем. Robber или непосредственно из англ. Rubber..., буквально "тот, кто трет": to rub "тереть"» [354].

В современном словаре Л. П. Крысина также находим данное слово: «Роббер а, м. (англ. rubber < to rub тереть). В нек-рых карточных играх: законченный круг игры [328].

Таким образом, данный англицизм произошел от английского слова «rubber». Наблюдаются три варианта его написания в исследуемый период – «робер», «роббер», «роберт». Все слова являлись вариантами транслитерации английского оригинального слова. В современном словаре Л. П. Крысина слово пишется «роббер», оно не квалифицируется как устаревшее.

Лексема имела различные экспликации, прошла все этапы освоения и укоренилась в русском языке. Значение данного англицизма не менялось с начала XIX века, когда оно впервые начало встречаться в литературе. Сегодня слово функционирует в современной речи в основном в картежном дискурсе.

3.1.3. Названия блюд и напитков

Бифстекс / бифштекс / beef-steaks

Н. М. Карамзин в «Письмах» писал об англичанах: *Ростбиф, бифстекс есть их обыкновенная пища* [408, с. 432];

Капитан – лейтенант Андрей Лазарев в заметках «Плавание вокруг света на шлюпе Ладоге в 1822,1823,1824 годах» также упоминает бифстекс, описывая пристань в Лондоне: *...тучные и словоохотливые трактирщики выхваляя свой бифстекс и портвейн, щедро раздавали адреса* [410, с. 4-5];

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» употребляет оригинальный английский вариант, то есть слово функционирует как варваризм: *«Друзья и дружба надоели, Затем, что не всегда же мог Beef-steaks и стразбургский пирог Шампанской обливать бутылкой»* [421, с. 19].

В словаре В. И. Даля: «Бифстекс, м. англ. сочно изжаренная говядина; сладкое мясо (филе) из поясничной части говядины, изрезанное поперечными ломтями и легко изжаренное в своем соку» [321, с. 90].

В других словарях конца XIX – XX века (Словари М. Попова, А. Н. Чудинова, Д. Н. Ушакова) находим сходное значение [340, 356, 353].

Современный Словарь иностранных слов Л. Н. Крысина: «Бифштекс [тэ́], а, м. [нем. Beafsteak < англ. Beafsteak букв. кусок говядины]. Жареный кусок говядины» [328].

Следует отметить, что написание «бифстекс» фонетически более близко к исходному английскому «beefsteack», где буква «s» произносится как звук [s]. Такое написание было характерно для начала и первой половины XIX века, однако в словарях второй половины XIX – XX века используется вариант «бифштекс». Англицизм «бифштекс» представляет интерес тем, что был образован, по-видимому, двумя способами: первая его часть «биф» (англ. «beef» (говядина) образована вследствие транскрипции и близка к английскому варианту фонетически. Вторая часть слова первоначально представляла транслитерацию английского «-steak» (-стекс), но позднее перешла в «-штекс». Мы предполагаем, что замена буквы «с» на «ш» вызвана влиянием немецкого языка: немецкий перевод английского слова «beefsteak» — «byfshteks». Немецкий вариант мог быть прочитан по правилам английского языка и, в таком случае, вторая половина слова могла бы звучать, как «-штекс».

Трансформации значения данного англицизма практически не произошло за XIX – XX и XXI века, значение ее стабильно. Данная лексема прошла все этапы освоения и относится к полностью освоенной в русском языке заимствованной лексике, так как представлена в толковых словарях. Сегодня данная лексема активно используется в устной и письменной речи.

Потаты

Н. М. Карамзин писал об английском обеде: *...Бакстер ждет меня к обеду – совершенно английскому... Ростбиф, потаты, пудинги* [408, с. 443]. В сносках автор поясняет слово «потаты» как «земляные яблоки». В другом отрывке находим такие строки об английском обеде: *Ужин наш состоял из жареной говядины, земляных яблок, пудинга и сыру* [408 с. 431]. Как следует из данных цитат, в начале XIX века были в ходу два названия для картофеля – «потаты» и «земляные яблоки.» По-видимому, название картофеля «потаты» не прижилось в русском языке, так как в словаре В. И. Даля данное слово отсутствует. В других исследуемых источниках оно также не встречается. Название «земляные яблоки» упоминается в словаре В. И. Даля в рамках толкования слова «картофель»:

«Картофель м. картофля, картохля, картопля (гартопля) ж. зап. южн. картосы, картыши, корфеты м. мн. вят. картовка перм. картошка, картоха тул. моск. земляное или чертово яблоко, в Сиб. просто яблоко (там других яблок нет); бараболя, барабошка» [322, с. 94].

В более поздних словарях, в том числе этимологических, отсутствует название «потаты» и «земляные яблоки», указано одно название данного овоща – «картофель»:

Словарь А. Н. Чудинова: «Картофель (нем. Kartoffel). Растение из семейства пасленовых, клубни которого употребляются в пищу; ввезен в Европу в XVI в. из Америки [356].

Современный словарь Л. П. Крысина «Картофель я, мн. Нет, м. (нем. Kartoffel)» [328].

Как следует из толкований в разных словарях, лексема «картофель» пришла из немецкого языка.

В биологическом энциклопедическом словаре о данном овоще написано: «В Европу завезён ок. 1565. В России – с кон. 17 в. (в Петербурге на Аптекарском огороде – с 1736). Значит, расширению посадок К. в России положил начало указ Сената (1765)» [316]. Таким образом, на момент написания Н. М. Карамзиным «Писем русского путешественника» (начало XIX века), картофель был еще практически нововведением в России, а в Англии выращивался дольше. Н. М. Карамзин, по-видимому, заимствовал слово «потаты» из английского языка после обедов в Лондоне. Возможно, данный англицизм использовался только Карамзиным либо небольшой группой людей, владевших английским языком и бывших знакомыми с английской кухней.

Лексема «потаты» была заимствована из английского языка в конце XVIII – начале XIX века. К концу XIX века данное слово уже не функционировало в русском языке. Данный англицизм был образован при помощи транслитерации, так как фонетическое отображение данного слова не является близким фонетическому отображению английского слова «potatoe». Освоение данного англицизма, по-видимому, прошло этап проникновения. Заимствование и укоренение данного англицизма не произошло, так как он был заменен немецким заимствованием «картофель». В словарях данное слово не содержится.

Пудинг

Н. М. Карамзин упоминает пудинг, описывая обед: *Ростбиф, потаты, пудинги и рюмка за рюмкой кларету, мадеры* [408, с. 443];

М. Н. Загоскин, очерк «Москва и москвичи» (1842-1850) : *Я думаю, однако ж, что Прилуцкий отправится в Лондон, потому что с некоторого времени он очень пристрастился к английским пудингам* [416].

И. А. Гончаров также упоминает данное блюдо: *Что касается до национальных английских кушаньев, например пудинга, то я где ни спрашивал, нигде не было готового: надо было заказывать. Видно, англичане сами довольно равнодушны к этому тяжелому блюду, - я говорю о пломпудинге* [401].

В словаре В. И. Даля данное слово толкуется так: «Пудинг м. англ. тертый хлеб, с разными приправами, сваренный в узле или мешке в один ком. | Горн.

камень, слежавшийся из кремнистых галек и отверделой в одно целое связки. Пудинговый камень, то же. Пудинговая подлива. Пудлинговать железо, выделывать его сразу из чугуна пудлингованием» [323, с. 536].

В более поздних словарях данное слово толкуется так:

Словарь А. Н. Чудинова 1910 г. : «Пуддинг (англ.). Английское кушанье (см. плум-пуддинг); также кушанье, приготовленное из разн. круп или булки...» [356]

«Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера: «Пуддинг пудинг, народн. пудиник, моск. (Преобр.), пудень, ленингр. Из англ. pudding, возм., через нем. Pudding (с 1720 г.; см. Клюге-Гетце 459); см. Преобр. II, 149» [354].

М. Фасмер указывает, кроме основной формы «пуддинг», народную форму слова, упорбляемую в Москве (пудиник) и в Ленинграде (пудень). Данные народные формы не встречаются в исследуемых нами источниках.

В словаре Л. П. Крысина читаем: «Пудинг а, м. (англ. Pudding). Запеканка из крупы, мучных изделий, творога и т.п. с фруктами, сладостями или иными приправами» [328].

Значение слова в словарях разных лет отличается незначительно, иногда называются разные продукты, используемые при приготовлении блюда. Тем не менее, несомненно, речь идет об одном и том же блюде, и авторы всех словарей связывают происхождение слова с Англией.

И. А. Гончаров упоминает вид пудинга, *пломпудинг*, А. Н. Чудинов пишет в словаре иностранных слов – *плум-пуддинг*. Следовательно, написание у авторов отличается наличием или отсутствием дефиса, а также вариативным «о» либо «у» в первом слоге. Первая часть слова происходит от английского «plum» – слива; изюм, коринка.

Обратимся к написанию слова пудинг. Следует отметить, что в словаре В. И. Даля конца XIX века представлено одно «д» – «пудинг». Более поздние словари, то есть словари начала XX века, приводят написание с двумя «д» – «пуддинг». Наконец, в современных словарях снова наблюдается одно «д». Таким образом, В. И. Даль, а также современные авторы следуют больше за фонетическим отображением слова, авторы начала XX века – за

орфографическим, так как английский вариант «pudding» также содержит два «d».

Тип освоения слова можно определить как транскрипцию, так как звучание русского варианта близко к английскому: русский звук «у» близок к английскому «и» в транскрипции английского варианта. Словарь В. И. Даля указывает, помимо кулинарного, значение горно-промышленное. По-видимому, оно является устаревшим. В современных энциклопедиях данное значение не содержится.

Таким образом, слово «пудинг» в кулинарной сфере относится к освоенной в русском языке заимствованной лексике, так как оно прошло все этапы освоения и содержится в современных словарях.

Ростбиф / roast-beef

Н. М. Карамзин в «Письмах» писал о кулинарных предпочтениях англичан: *Ростбиф, бифстекс есть их обыкновенная пища* [408, с. 432];

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» употребляет оригинальный английский вариант слова: *Пред ним roast-beef окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет* [421, с. 47].

Граф А. К. Толстой в письме И. С. Тургеневу в 1862 году писал, приглашая в свое имение Пустыньку: *...здесь много хорошего, а именно: рвы, потоки, зелень, комнаты с привидениями, хроники, старая мебель,...два петуха и три курицы, розбиф* [416]. Ценность «розбифа» в данном случае сомнительна, автор ироничен.

И. А. Гончаров, будучи в Португалии, описывает обед: *... но оказалось, что нынче по-португальски обедают по-английски: после супа на стол разом поставили ростбиф, котлеты и множество блюд со всякой зеленью - всё явления знакомые* [401]. Цитата дает возможность судить о том, что английская кухня была популярна в других странах.

В повести Т. Г. Шевченко «Художник» (1856) встречаем данное слово: *Лукьян, затворяя двери, проворчал: «Вот тебе и ростбиф!* [416]. В данном примере название блюда употреблено одновременно и прямо и иносказательно,

чтобы выразить досаду от того, что гости не поели ростбиф. Такая игра со словом доказывает его освоение в языке-реципиенте.

В указанных цитатах XIX века встречается три варианта слова: «ростбиф», «розбиф» и «roast-beef», что свидетельствует о становлении норм написания. Интересно, что только в романе А. С. Пушкина встречается передача латиницей, то есть варваризм. По-видимому, это связано с личным восприятием слова автором.

Словарь В. И. Даля: «Ростбиф, росбив м. англ. говядина, изжаренная, насыро» [324, с.104]. Следовательно, В. И. Даль наравне с формой «ростбиф» указывает и форму «росбив».

Схожее значение содержится в словаре Чудинова [356].

Этимологический словарь русского языка М. Фасмера: «Розбиф ростбиф, стар. розбиф (Пушкин). Первое – из англ. roastbeef – то же, собственно – "жареное мясо", форма с ударением на конце – через франц. rosbif – то же» [354].

Словарь иностранных слов Л. П. Крысина: Ростбиф а,м. Англ. roast beef букв. жареное мясо). Кусок жареной говядины из хребтовой части туши или вырезки» [328].

Следует отметить, что значение слова, зафиксированное в разных словарях, практически не изменилось. На основе всех приведенных примеров выделяем четыре варианта данного слова, существовавшие в период проникновения и освоения слова: к уже указанным выше «розбиф», «ростбиф» и «roast-beef» добавилась форма «росбив», указанная в словаре В. И. Даля. Первый и последний варианты были обусловлены, по-видимому, французским словом «rosbif». Колебания графических норм слова свидетельствуют об их становлении. Однако наиболее часто указанный в словарях и других текстах вариант слова, который является и современным, – «ростбиф». Данная форма заимствована посредством транскрипции английской лексемы «roastbeef».

Лексема «ростбиф» является англицизмом, который прошел все этапы освоения, то есть проникновение, заимствование и укоренение, она содержится в словарях и относится к полностью освоенной в русском языке заимствованной

лексике. Значение слова практически не изменилось за XIX, XX, XXI века. Сегодня слово используется в меню ресторанов, литературе о кулинарии.

Ром

С. П. Жихарев в «Записках современника» (1806-1809) писал: *Все есть, — откликнулся бойкий малый лет двадцати, — и ром, и водка; ничего не забыли* [416].

А. Е. Соколов в дневнике: «Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденный советником этого посольства А. Е. Соколовым» (1816-1817) отмечал: *Странно должно показаться, что в угощений Персиян входили ликеры и ром, когда всему свету известно, что магометане воздерживаются от употребления горячих напитков* [416].

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» также упомянул указанный напиток: *Обрадован музыки громом, Оставля чашку чаю с ромом, Парис окружных городков, Подходит к Оле Петушков* [421 с. 94].

Из приведенных примеров можно заключить, что напиток «ром» был уже в начале XIX века привычен для русских застолий, об этом свидетельствуют фразы «*чашка чая с ромом*», «*все есть...и ром, и водка*». Таким образом, и слово «ром» уже было частью русского языка.

Обратимся к значению слова в разных словарях:

Словарь В. И. Даля: «Ром м. ромок, ромец, ромик, водка из сахарного тростника» [324, с. 103].

Словарь Ф. Павленкова: «Ром спиртн. напиток, добываемый из тростникового сахара и его остатков (мелассы) путем брожения и дистилляции. Р. содержит от 72 до 77% чистого алког. Лучш. считается ямайский.» (Сходное значение содержат словари М. Попова и А.Н. Чудинова) [341].

Этимологический словарь русского языка М. Фасмера дает такое толкование слова: «Ром род. п. -а, -у. Из англ. gum (gm) – род спиртного напитка, которое объясняется из англ. gumbullion "сахарная водка" (на Барбадосе); <...> существует и другое объяснение – из малайск. brum – то же» [354].

Современный словарь Л. П. Крысина дает схожее с перечисленными толкование [328].

Из значений слова в разных словарях следует, что происхождение слова не совсем ясно. Однако большинство словарей связывает заимствование слова именно с английским языком. Как отмечает М. Фасмер, слово пришло из другого языка, но через английский. Значение слова в разных словарях практически не меняется.

Тип освоения слова в русском языке определяем как транскрипцию: английская транскрипция слова «[ɡlɪm]» близка к русскому произношению слова «ром». Англицизм «ром» относится к освоенной русским языком лексике и прошел этапы освоения от проникновения к укоренению, так как содержится в словарях и функционирует в языке.

3.1.4. Названия предметов одежды

Многие названия одежды были и продолжают заимствоваться из английского языка. В начале XIX века этот процесс начал набирать силу. Многие названия были заимствованы в конце XIX – начале XX века (например, «каррик»). Мы рассматриваем те, которые адаптировались в языке-реципиенте до середины XIX века.

Редингот

Рассмотрим примеры из текстов, содержащие данную лексему:

«Вестник Европы», 1804 г., статья «Парижская моды»: *Редингот у петиметра должен быть не доле его фрака* [385].

А. Д. Салтыков, «Письма из Индии» (1841): *Между народом пронесся верхом какой-то молодой человек с мосичьим лицом, одетый в узкий парчовый редингот, в вышитой золотом бархатной шапочке* [434].

В текстах XIX века был обнаружен пример употребления французского варианта слова:

А. Н. Апухтин, «Неоконченная повесть» (1888): *Вздор, вздор, поезжай сейчас домой, сними этот противный вицмундир, надень une redingote boutonné* [416].

Следует отметить, что английский оригинальный вариант «ridingcoat» не был обнаружен в текстах. По-видимому, заимствование в русский язык было осуществлено через французский.

Словарь А. Д. Михельсона: «Редингот франц. redingote, от англ. ridingcoat, от ride, ехать верхом, и coat, сюртук. Длинный и широкий сюртук»[335].

В словаре М. Фасмера слово отсутствует.

Словарь Л. П. Крысина: «Редингót [фр. redingote < англ. riding coat сюртук для верховой езды]. 1. а, м. Длинный сюртук особого покроя (первонач. — для верховой езды), а также пальто, похожее на такой сюртук. Надеть р. 2. неизм. О дамском пальто: такого покроя, который напоминает сюртук для верховой езды» [328].

В словаре С.А. Кузнецова приводится сходное толкование [330].

Как следует из значений в словарях и примеров из текстов, данное слово было заимствовано из английского языка через французский посредник. Значение лексемы менялось в течение XIX, XX, XXI веков, означая принадлежность мужского или женского костюма. Варианты экспликации менялись, лексема функционировала как варваризм, так и как адаптированная единица языка, основанная на транслитерации, она была осуществлена с французского, уже вторичного варианта «redingote».

Лексема прошла все этапы освоения в XIX веке, является англицизмом и галлицизмом. В современном русском языке используется редко. Значение ее с годами сузилось. Результаты поиска в НКРЯ свидетельствуют о том, что сегодня она, в основном, функционирует в сфере моды [416].

Спенсер / спензер

Рассмотрим выдержки из текстов с указанным словом (вариант «спенсер»):

М. Н. Загоскин, роман «Искуситель» (1838): *Как теперь гляжу на ее черный бархатный спенсер, украшенный золотыми шнурками, как гусарский доломан* [416].

П. Д. Боборыкин, повесть «Долго ли?» (1875) ... *темное женское платье, по верх которого она надела очень узкий и уже значительно потертый не то спенсер, не то казакин* [416].

Поиск в НКРЯ выявил один пример из текстов до середины XIX века, содержащих данную лексему (цитата из романа М.Н. Загоскина) По-видимому, в первой половине XIX века лексема проходила этап проникновения в язык-реципиент.

Рассмотрим примеры с вариантом «спензер»:

Александр Воронский, биография «Гоголь» (1934): ...*вместо сюртука, сверх фланелевого камзола, бархатный спензер* [416];

И. С. Аксаков, «Письма к родным» (1849-1856): *Впрочем, здесь еще весьма употребителен следующий костюм: юбка, фартук и курточка или кофточка, называемая и всеми крестьянками, даже спензер* [416].

Как следует из примеров, вариант «спензер» был разговорным, принятым в народе. Рассмотрим значение в словарях:

Словарь А. Д. Михельсона: «Спенсер, англ. spencer, по имени лорда Spenser. Женская одежда вроде куртки, застегивающейся спереди.» [335] В данном словаре также указан вариант написания «спензер». Словарь М. Попова содержит сходное значение и вариант «спенсер».

Словарь М. Фасмера: «Спенсер род короткой куртки, также дамский корсаж», диал. спензерь "короткая кофта", олонецк. (Кулик.), спензель -- то же, арханг. (Подв.). Из нем. Spenser или англ. spencer "куртка, короткий сюртук", по фам. лорда Спенсера, который ввел в обиход этот вид одежды» [354].

В современных словарях С. А. Кузнецова и Л. П. Крысина лексема отсутствует. Таким образом, она содержалась в словарях конца XIX и XX века, но в современных словарях конца XX – начала XXI века отсутствует. В указанных словарях обозначены формы экспликации «спенсер», «спензер», «спензерь», «спензель». Последние три варианта являлись диалектными, чаще устными. Вариант экспликации «спенсер» основан на транслитерации оригинального английского слова, другие варианты были видоизмененными устными формами.

Лексема является заимствованием из английского языка. Она прошла с начала XIX по XX век все этапы освоения. В конце XX – начале XXI века слово перестало функционировать в толковых словарях, то есть практически исчезло из русского языка.

3.1.5. Социально-культурные явления

Билль / биль / билл

В соответствии со «Словарем русского языка XVIII века», выпуск 2, первое зафиксированное упоминание слова (вариант «*билл*») относится к журналу «Санкт - Петербургские ведомости», 1728 г.: *Вчерашняго дня сия резолюция подтверждена, и определен о том билл* [351, с. 23]. Данный вариант наиболее точно отображает английское произношение. Однако более нигде в исследуемых текстах он не употреблен.

В журналах «Вестник Европы» за 1806 и 1805 год упоминается вариант «*биль*»:

Биль объ уничтоженіи торга невольниками отвергнута большинствомъ 77ми голосовъ противъ 70ти (статья «Английский Нижний Парламент») [389, с. 79];

<...> утвердить биль (статья «Вильямъ Питтъ») [393, с. 72].

В статье «Иностранная известия» журнала «Современник» за 1850 год выявлен вариант «*билль*»: *Черезъ нѣсколько лѣтъ биль представлень билль* [416].

Т. Н. Грановский в цикле «Лекции по истории позднего средневековья» (1849-1850) писал: *Оратор парламента... был арестован за то, что подал смелый билль о пуританах* [416].

Следует отметить, что в журналах начала XIX века лексема пишется с одной «л», а в источниках середины XIX века – с двумя «л», что связано с более точной транслитерацией оригинального английского «bill».

В словарях конца XIX – начала XX века читаем:

«Биль средневеков. – лат. *billa*, сделанн. Из *bull*, что-нибудь круглое, в средние века означавшее лист с печатью, буллу. Предложение о каком-либо законе, внесенное в одну из палат английского парламента» [335].

Билья, Биль (франц. *bille*, итал. *biglia*, от древн.-герм. *Bickel* - игральная кость). Бильярдный шар» [356].

В толковом словаре Д. И. Ушакова содержится следующее: «Билль, билля, м. (англ. *bill*) (полит.). В Англии – законопроект, вносимый в парламент.» [353]

В современном словаре Л. П. Крысина дается такое толкование: «Билль, я, м. [англ. *bill*]. В Великобритании, США, Канаде и других англоязычных странах: законопроект, вносимый на рассмотрение законодательных органов, а также название нек-рых конституционных актов (напр., Биль о правах). Ср.статут»[328]. Словарь С.А. Кузнецова дает схожее толкование [330].

Словарь М. Фасмера объясняет происхождение слова «биль», но в данном случае речь идет не о рассматриваемом англицизме, а о его омониме: «биль ж. «болото, на котором растет один мох», арханг.» [354]. Такое же значение указано в словаре В. И. Даля [321, с. 87].

Из толкований в разных словарях следует, что данная лексема на начальном этапе проникновения в русский язык имела, кроме значения «законопроект», значение «бильярдный шар». Последнее значение было основано на заимствовании из французского и итальянского языков и в современном русском языке устарело. Значение «законопроект» сохранилось и не претерпело изменений. Однако в словаре М. Фасмера отсутствует лексема «билль» в значении «законопроект», а ее омофон «биль» имеет значение «болото», то есть открывается еще одно значение, но оно не связано с заимствованием из английского языка. Грамматическая форма лексемы менялась: в соответствии с английским вариантом «*bill*» в середине XIX века в русском языке появилось удвоение буквы «л». Такое написание функционирует и сегодня.

Освоение данного слова проходило на основе транслитерации, то есть английское «*bill*» было транслитерировано в «биль» и позже в «билль» (если не учитывать единственный раз зафиксированное написание «билл»). Однако

лексема приобрела смягчение последней согласной, что характерно для заимствования в русском языке. В период начала XIX века данная лексема на пути освоения прошла этап проникновения в язык и заимствования, однако грамматическое и фонетическое освоение было еще не полным. Укоренение данной лексемы осуществлялось в конце XIX – начале XX века, когда данный англицизм появился в словарях иностранных слов и толковых словарях.

«Таймс»

В журнале «Вестник Европы» ссылки на данную английскую газету встречаются довольно часто. При этом характерным является написание данного слова кириллицей: *Два Лондонские журнала, Таймс и Морнин-Кроникель уверяют <...>* [372, с. 290];

Таймс говорит Издателю Истинного Британца, что он – скотина!! [378, с. 150].

Название упоминаемой в первой цитате газеты «Морнинъ-Кроникель» также не раз встречается в «Вестнике Европы», но пишется оно по-разному: как кириллицей, так и латиницей, что свидетельствует о неосвоенности в русском языке. Употребление в начале XIX века названия английской газеты «Times» в транскрибированном варианте, то есть «Таймс», говорит о том, что данная лексема уже прошла в процессе освоения этап проникновения и непосредственно заимствования. Однако данный англицизм еще не был укоренен в русском языке, так как отсутствует в словарях XIX века, в современных толковых словарях он также не содержится. Однако данной газете посвящены статьи в энциклопедиях, в том числе в Большой советской энциклопедии, на нее ссылаются журналисты в средствах массовой информации на русском языке. Данный факт свидетельствует о значимости названия газеты «Таймс» для русской политической жизни.

В современном энциклопедическом словаре об этой газете говорится так: «Таймс» (The Times), ежедневная английская газета, одна из старейших и наиболее влиятельных в стране. С 1981 издается концерном Р. Мердока. Основана 1 января 1785 в Лондоне, современное название с 1788. С 1848 формат

газеты был расширен до 12 полос, она стала крупнейшей газетой страны. К 1850 году ее тираж превысил 50 тыс. экз.»[346]

В словарях XIX века данное название газеты отсутствует.

В процессе заимствования англицизма использовалась транскрипция, так как звучание его в языке-реципиенте близко к звучанию в языке-оригинале. Англицизм «Таймс» прошел этап проникновения и заимствования в первой половине XIX века. Полагаем, этап укоренения англицизм не прошел и остался частично варваризмом, или иноязычным вкраплением.

3.1.6. Транспорт

Кочи

Лексема «кочи» встречается в «Статейном списке Микулина» (1585г.) несколько раз: *...лорд Харберт говорит послам «великая де государыня наша Елисавет – королева, жалует вас, прислала под вас кочи свои, в чем вам ехать* [420, с. 161];

...и сел Григорий в кочу [420, с.162];

Ехали в кочех до реки, а речкою <...> до королевина двора [420, с.183].

В «Статейном списке Ф. Писемского» слово «коч» заменяется на слово «колымага».

В отчетах других послов 1645 – 1646 г. также встречаем данное слово:

И ездили с ним вся кумпанья, говорнар, а ездили в кочах, а кочи все снаряжные, а под всякою кочю по б возников для славы, а от нашего двора до Восминстера 4 версты. И как приехали к Восминстеру и вышли из кочей, и повели нас вверх по лесницам высоко [423].

А извоицики у них держат кочи, а кочи рублей по 70 и по 100, внутри у них стены обиты и подушки все бархатом и камкою и отласом, а колеса кругом железом окованы, возят на дву лошадах [423].

Слово, возможно, заимствовано от английского «coach» – экипаж, карета.

Словарь В. И. Даля содержит слова «коча» и «кочи»: «Коча ниж. кочка. | Коча, кочь или кочмара ж. арх. палубное двумачтовое мореходное судно, поменьше ладьи. | Сиб. большое палубное, речное судно, с веслами и с парусами»

[322, с. 80]; «Кочи ж. мн. перм. сиб. салазки, для катанья с горки, с катушки» [322, с. 181].

Слово «коча» (коч) также содержится в «Словаре русского языка XVIII века», выпуск 10: «Коча (ка-) , и, ж. и Коч (-чь), а, м. Большое судно на сибирских реках и в Северном Ледовитом океане» [351, с. 212]. Указанные значения также относятся к транспорту, но другого типа, с английским транспортом или с конной повозкой значения не связаны, то есть оформились межъязыковые омонимы. Возможно, при употреблении послами слова «кочи» произошло соединение уже известных русских понятий со значением английского «coach» (карета), и тогда слово «кочи» можно считать английским заимствованием отчасти. Лексема «кочи» со значением «запряженная повозка, карета» еще не была описана в словарях.

Подробное описание «кочей», их внутреннего убранства, материалов, колес, цены свидетельствует об очень положительном впечатлении автора, поскольку в документах XVII века редко встречается подробные характеристики, автор данного документа так детально описывал только главные государственные английские здания и церкви.

Указанное заимствование наблюдается на этапе проникновения и частичного заимствования в язык в первой половине XVII века. Однако на пути освоения этап заимствования и укоренения слово не прошло. В современном русском языке слова «коч» либо «кочи» не употребляется, оно также отсутствует в словарях.

3.1.7. Человек. Статусные и титульные наименования

Денди

Ю. М. Лотман посвятил дендизму главу в монографии «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)»: «Слово «денди» (и производное от него – «дендизм») с трудом переводится на русский язык. Вернее, слово это не только передается несколькими, по смыслу противоположными, русскими словами, но и определяет, по крайней мере в русской традиции, весьма различные общественные явления. Зародившись в

Англии, дендизм включал в себя национальное противопоставление французским модам, вызывавшим в конце XVIII века бурное возмущение английских патриотов.

<...> дендизм приобретал окраску романтического бунтарства. Он был ориентирован на экстравагантность поведения, оскорбляющего светское общество, и на романтический культ индивидуализма. Оскорбительная для света манера держаться, «неприличная» развязность жестов, демонстративный шокинг — все формы разрушения светских запретов воспринимались как поэтические. Такой стиль жизни был свойствен Байрону» [156].

А. С. Пушкин в статье «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» упоминает денди: *Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную àфрезу la Henri IV проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy* [427].

А. С. Пушкин говорит о денди в романе «Евгений Онегин»: *Вот мой Онегин на свободе; Острижен по последней моде, Как dandy лондонский одет - И наконец увидел свет* [421, с.7].

В обоих примерах А. С. Пушкин употребляет слово «dandy» как варваризм, следовательно, оно еще не было освоено русским языком. Данная лексема в первой половине XIX века проходила этап проникновения в язык. Следует отметить, что именно А. С. Пушкин и популярность его произведений сыграли серьезную роль в освоении данного англицизма.

Современник А.С. Пушкина А. О. Бестужев-Марлинский в повести «Фрегат «Надежда» (1833) писал: *Может ли сказать какой-нибудь путешественник-денди, скрипя табакеркою, выточенной из лавы: «Я знаю, что такое лава!»* [416]/

Другой современник, Ф. В. Булгарин, фельетон «Петербургские записки. Толки и замечания сельского жителя (прежде бывшего горожанина) о Петербурге и петербургской жизни» (1833): *...новобрачный денди скорее заложит последнее именье, нежели решится принимать родных и гостей в комнатах, меблированных старою мебелью* [416].

У А. С. Пушкина денди предстает как человек, следующий моде, его моральные качества не упоминаются. У других авторов прослеживается немного презрительное отношение: денди предстает как невежда.

В указанных примерах наблюдаем уже освоенную русским языком лексему. Следовательно, использование А. С. Пушкиным варваризма было не общей тенденцией, а, скорее, индивидуальной особенностью автора. Русские авторы, в основном, связывают понятие и личность денди с модной одеждой, прической, мебелью. Авторы не отмечают «романтического бунтарства». Возможно, явление дендизма было в России более модой, чем протестом или манерой поведения, как было в Англии.

В словаре В. И. Даля данная лексема также воспроизводится кириллицей и толкуется так: «Денди м. несклон. англ. модный франт, хват, чистяк, модник, щеголь, лев, гоголь; щеголек большого света» [321, с. 427]. Сравним значение лексемы в словарях XX и XXI веков:

Этимологический словарь М. Фасмера: «Денди модный франт, щеголь", ср. Пушкин: денди лондонский. Из англ. Dandy» [354].

Словарь Л. П. Крысина: «Денди [дэ], нескл., м., одуш. [англ. dandy]. Щеголь, франт (первонач. изысканно одетый светский человек)» [328].

В словаре С. А. Кузнецова приводится схожее толкование [330].

«Этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского приводит две возможные этимологии английского «dandy». Первая связана с более полным вариантом «Jack-a-dandy», которая является вариантом имени Andrew. Вторая связана с шотландским «dander» – «гулять» [357, с. 70].

Во всех словарях зафиксировано английское происхождение лексемы. Значение слова в словарях XX века очень схоже со значением в XIX веке и практически неизменно. Прежде всего отмечается манера модно одеваться, что перекликается с примерами из литературы XIX века. Следует отметить гендерный аспект: денди – это всегда мужчина, судя по цитатам из литературы и выдержкам из словарей.

Слово «денди» на пути освоения прошло этап проникновения, заимствования и укоренения в конце XIX века. Данный англицизм образован посредством транскрипции, но не полностью фонетически и морфологически освоен, так как произношение его в русском языке осталось близким к английскому (произношение гласной «е» как звука [э]).

Сегодня данный англицизм используется реже, значение его по сравнению с XIX веком немного сузилось.

Сэр / сир / сор / сар

По-видимому, одно из первых упоминаний данного наименования человека встречаем в Статейном списке Ф. Писемского 1582 – 1583 года: *Приехали ... от королевны ее ближние люди князь сар Гари Невель да Томас Рандолор* [420 с. 113].

Также встречаем его в статейном списке Г. И. Микулина за 1600 год: *И Григорий и Ивашко сор Томаса встречали* [420, с.194].

В указанных примерах использован вариант «сар» и «сор». По-видимому, процесс заимствования осуществлялся на основе транскрипции, так как слово «sir» в XVI веке имело форму «sire» [slɪə] [364], где гласный звук напоминал русские звуки [o], [a]. В данных примерах наблюдается процесс заимствования данной лексемы на этапе проникновения в язык. Нормы написания еще не были установлены.

В «Вестнике Европы» в рубрике «Известия и замечания», 1806 г. в статье «Известия и замечания» говорится о донесениях *Вице-Адмирала и Кавалера Сира Дукворта* [394, с. 156];

В «Вестнике Европы» в рубрике «Известия и замечания» за 1804 год читаем: *Английский Поверенный в делах Сир Жорж Румбольд* [386, с. 249].

Вариант «Сир» в данных примерах пишется с заглавной буквы, позже такая манера написания перестала функционировать.

Значение лексемы «сир» в словарях XIX века очень схоже:

«Сир франц. sire, от лат. senior, старший. Дворянский титул в Англии [335]. (схожее значение содержится в словарях М. Попова и А. Н. Чудинова)

Толкование лексемы «сир» в одних словарях конца XIX — начала XX века отсутствует, в других идет параллельно толкованию лексемы «сэр». Рассмотрим употребление варианта «сэр»:

И. А. Гончаров, очерк «Фрегат «Паллада» (1855): *Наконец, узнав, что тогдашний губернатор, сэр Бенджамен д'Урбан, прибыл с значительными силами в Гремстоун* [401].

Т. Н. Грановский «Лекции по истории позднего средневековья» (1849-1850): *Сэр Вольтер Рели открыл Виргинию* [416].

В словарях указанный вариант также содержится:

Словарь Ф. Ф. Павленкова: «Сэр (англ. sir) титул английских баронетов, предшествует имени [341].

Словарь А. Н. Чудинова: «Сэр (англ. sir, фр. sieur). Почтительное обращение к высокой особе, иногда употребляется в значении: милостивый государь. См. Сир» [356].

Сравним значение в словарях XX – XXI века:

В этимологическом словаре М. Фасмера отсутствуют оба варианта слова.

Словарь Л. П. Крысина: «сэр а, м., одуш. (англ. sir < лат. senior господин). 1. В Великобритании, США и нек-рых других англоязычных странах: почтительное обращение к мужчине (или вежливое упоминание о нем). 2. Титул баронета в Великобритании, употребляемый вместе с личным именем» [328].

В словаре С.А. Кузнецова содержится схожее толкование [330].

По-видимому, заимствование данного слова шло по двум путям: от английского «sir» и от французского «sieur». Таким образом, данное заимствование относится и к галлицизмам, и к англицизмам. Заимствование от английского «sir» осуществлялось сначала на основе транслитерации (русское «сир» от английского «sir»), а позже на основе транскрипции, так как звук [э:] в транскрипции [sэ:] несколько подобен русскому звуку [э]. Как следует из примеров в журнала «Вестник Европы» в начале XIX века, данное слово употреблялось в варианте «Сир». Постепенно он трансформировался в «сэр». Кроме замены корневой гласной, произошла замена заглавной буквы на строчную.

В период с конца XVI по начало XIX века данная лексема на пути освоения в русском языке прошла этап проникновения и заимствования. Варианты ее в течение этого периода менялись. Укоренение данного англицизма произошло позже, в конце XIX – начале XX века, когда он начал появляться в словарях.

3.1.8. Человек. Характер и настроение

Бомбаст

В «Словаре русского языка XVIII века» под редакцией Ю. В. Сорокина, выпуск 2, приведен пример употребления данного слова из предисловия Н. М. Карамзина к альманаху 1797 г. «Аониды, или собрание разных новых стихотворений» под редакцией Н. М. Карамзина : *Один бомбаст, один гром слов только-что оглушает нас, и никогда до сердца не доходит* [351, с. 108].

Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника»: *В них есть шекспировский бомбаст, а нет Шекспирова гения* [416].

Таким образом, первые употребления данного слова находим у Н. М. Карамзина, в двух его текстах конца XVIII в. и начала XIX в. Возможно, именно Н. М. Карамзин заимствовал слово после путешествия в Англию.

В. Ф. Одоевский, очерк «Психологические заметки» (1843): *Многие писатели, желая расцвести, оживить свое произведение, кидаются в метафоры; от сего происходит только бомбаст* [416].

В современном англо-русском словаре В. К. Мюллера, С. К. Боянус слово *bombast* переводится так: «*bombast*[ˈbɒmbæst]/n. напыщенность (в речи, письме)» [337]. В словарях конца XIX века слово «бомбаст» отсутствует, за исключением «Словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Чудинова А. Н., где данная лексема толкуется так: «бомбаст (англ.). Напыщенность; высокопарные выражения» [356].

В современном «Словаре русского языка XVIII века», выпуск 2, содержится сходное толкование [351, с. 108]. Это позволяет утверждать, что данное слово является английским заимствованием.

В этимологическом словаре М. Фасмера: «бомбáст "писчая бумага; шелковая ткань", через нем. *Bombast* из англ. *bombast* "хлопчатобумажная ткань,

вата; напыщенность", которое восходит к франц. *bombasin* «бумазея» [354]. Согласно словарю М. Фасмера, слово пришло в русский язык через немецкий из английского. Возможно, данное слово заимствовалось не всегда через немецкий, но и напрямую из английского языка. По-видимому, значение «напыщенность» было изначально метафорическим и происходило от качества изготавливаемой ткани.

Изложенные факты позволяют сделать вывод о том, что данное заимствование имело ограниченное употребление в русском языке. Оно было образовано посредством транслитерации, так как графическое отображение слова «бомбаст» близко к графическому отображению английского «*bombast*». Освоение данного англицизма прошло этап проникновения и заимствования в период с конца XVIII до начала XX века, но далее оно вышло из употребления и не прошло этап укоренения в русском языке, так как отсутствует в современных словарях.

Комфорт / comfort

Лексема «*comfort*» в современном словаре «*Translation English-Russian Collins Dictionary*» переводится как «комфорт, утешение, облегчение» [365]

А. С. Пушкин писал в статье «Путешествие из Москвы в Петербург»: *Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют comfort* [427].

Статья А. С. Пушкина «Джон Теннер»: *Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort)* [427];

М. Н. Загоскин, очерк «Москва и москвичи» (1842-1850): *Прилуцкий собирается опять за границу, только еще не решился, куда ехать, потому что он одинаковым образом любит и английский комфорт, и парижскую уличную жизнь* [416].

В. П. Боткин, цикл «Письма об Испании» (1847): *Тот комфорт, каким окружает у нас себя всякий чуть-чуть не бедный человек, здесь можно найти разве в доме богатого гранда* [416].

Таким образом, А. С. Пушкин употреблял слово «comfort» в английском оригинальном варианте, его современники В. П. Боткин и М. Н. Загоскин уже в транслитерированном, то есть в начале XIX века данная лексема функционировала и в качестве варваризма, и в качестве заимствования. При этом Загоскин употребляет словосочетание «английский комфорт», то есть лексема, приобретая уже русское написание, все еще коннотативно была связана с понятием «английский». Следует обратить внимание на контекст употребления слова: А. С. Пушкин – единственный автор, употребивший слово «комфорт» в негативном контексте *«неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)»*.

В словаре В. И. Даля слово «комфорт» написано кириллицей: «Комфорт м. англ. удобство, уютство, у(при)ют, холя, приволье, домашний покой, удобства и избыток. Комфортабельный, покойный, удобный, уютный, привольный» [322, с. 149].

В словаре А. Н. Чудинова начала XIX века находим схожее толкование [356].

Сравним значение данного слова в словарях XX века:

Словарь М. Фасмера дает такую этимологию: «Через нем. Komfort (начало XIX в.; см. Шульц--Баслер 1, 358) или из франц. или англ. comfort от ст.-франц. confort "подкрепление"» [354].

Большой толковый словарь С. А. Кузнецова: «Комфорт, -а; м. [англ. comfort] 1. Совокупность бытовых удобств; условия жизни, обеспечивающие покой, уют. Устроиться с комфортом. Обеспечить отдыхающим полный к. 2. Состояние удовлетворения, внутреннего покоя из-за благоприятно сложившихся обстоятельств. Психологический к. Достичь душевного комфорта» [330].

В словаре М. Фасмера указано, что данная лексема вошла в русский язык из старофранцузского через немецкий, французский или английский. Однако

употребление слова в XIX веке часто рядом с упоминанием английских реалий («английский комфорт», «того, что англичане называют комфорт») свидетельствует о том, что данное заимствование пришло, по всей вероятности, из английского языка. Таким образом, есть основание называть данное заимствование англицизмом.

Л. А. Булаховский отмечает, что в XIX ударение в слове «комфорт» падало на первый слог, как и в английском языке. Позже ударение в русском языке стало схожим на немецко-французское [21, с. 221].

Русский вариант лексемы был произведен на основе транслитерации, так как написание очень схоже с написанием английского варианта, но несхожи произношения слов. Авторы словарей XIX века связывают лексическое значение данного англицизма с покоем и уютом, то есть с физическим комфортом. В XX веке к такому значению добавилось значение «душевный комфорт», что свидетельствует о расширении значения; в XXI веке лексема также широко употребляется в устной и письменной речи. Лексема «комфорт» прошла путь от проникновения к заимствованию и укоренению в русском языке с конца XVIII до первой половины XIX века, что подтверждается употреблением ее в текстах русских писателей.

Прюдство / prude / прюдничать

Авторство слова «***прудство***», по-видимому, принадлежит А. С. Пушкину, ни в одном тексте больше оно не наблюдается. Поэт писал: «*Coguette, prude. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) – недоτροгу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае прюдство или смешно, или несносно*» («Отрывки из писем, мысли и замечания») [427].

Также у А. С. Пушкин употребляет слово «***прудничать***» в письме П. А. Вяземскому: «*Правительство не дама, не Princesse Moustache:*

прюдничать ему не пристало» [430]. Таким образом, поэт создал два окказионализма.

Современный словарь «Translation English – Russian Collins Dictionary» переводит слово «prude» как «ханжа» [365].

По-видимому, именно слово ханжа оказалось более предпочтительным для русского языка. В словаре В. И. Даля лексема «ханжа» толкуется так: «Ханжа об. турецк. пустосвят, -тка, притворно набожный; вообще лицемер, двуличный» [324, с. 542].

Слова «прюдство» и «прюдничать» являются уникальными. Освоение данного слова остановилось на этапе проникновения, оно отсутствует в словарях, кроме «Словаря языка Пушкина»: «Прюдство. Излишняя строгость в вопросах приличия, благопристойности, напускная скромность, добродетельность» [349, с. 913]. Слово «прюдство» образовано при помощи суффикса «ство», имеющем значение абстрактности, что свидетельствует о словообразовательном освоении. Слово было произведено на основе транслитерации, так как транскрипция слова содержит звук «и»: [pɹu:d], который близок к русскому «у», а не «ю». Можно предположить, что, вслед за А. С. Пушкиным, данное слово употреблялось какой-то период времени, однако фактических доказательств этому нет.

Сплин

Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» писал: *Не от сплина ли происходят и многочисленные английские странности, которые в другом месте назвались бы безумием* [408, с. 500];

Англичане не любят никакой зелени. ... К сей физической причине их сплина можно прибавить еще две другие: вечный туман и вечный дым от угольев [408, с. 432];

Вот английский сплин! Эту нравственную болезнь можно назвать и русским именем: скукою, известною во всех землях, но здесь более нежели где-нибудь [408, с. 500].

Для Н. М. Карамзина сплин схож с болезнью, но при этом автор находит среди русских слов эквивалент. Для него «сплин» – это «скука». Интересно, что в словарях данный вариант перевода не прижился, в отличие от Пушкинского «хандра» (описан ниже).

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» упоминает слово «сплин» три раза: *Недуг, которого причину Давно бы отыскать пора, Подобный английскому сплину, Короче: русская хандра* [421, с. 19]; *Так неприступны для мужчин, Что вид их уж рождает сплин* [421, с. 20]; *Мелькают лица перед ним Как ряд докучных привидений. Что, сплин иль страждущая спесь В его лице? Зачем он здесь?* [421, с. 137];

А. С. Пушкин использует слово «сплин» и в критических заметках: *Никогда ни на каком языке голый сплин не изъяснялся с такою сухою точностью* [427].

В письме жене 8 июня 1834 г. А. С. Пушкин характеризует свое настроение: *У меня решительно сплин* [431].

Частое употребление автором данного англицизма в романе, публицистике, личной переписке свидетельствует о распространенности данного слова в XIX веке, его адаптации в языке-реципиенте. Для А.С. Пушкина «сплин» – это плохое настроение, сходное с «русской хандрой». Именно слово «хандра», скорее всего благодаря А. С. Пушкину, указано в словарях при толковании.

И. А. Гончаров также упоминает сплин: *Туманы бывают если не каждый день, то через день непременно; можно бы, пожалуй, нажать сплин»*[401].

Император Александр III в письме жене императрице Марии Федоровне от 11 апреля 1892 года из Гатчины писал: *«Погода отвратительная, утром только 2 градуса, туман и мокрый снег, а потом весь день дожди и темнота, просто уныние наводит, чистый сплин!»* [367]. Интересно, что А. С. Пушкин связывал понятие «сплин» не с погодой, а с «хандрой», «страждущей спесью», то есть с настроением, а И. А. Гончаров и Александр III упоминают сплин именно в связи с ненастьем и туманом. Возможно, это связано с тем, что А. С. Пушкин не бывал в Англии, а И. А. Гончаров и Александр III бывали и видели знаменитый

английский туман, с которым и связывали сплин.

Современный словарь «Translation English – Russian Collins Dictionary» дает такой перевод слова spleen: «(анат) селезенка» [365].

«Англо–русский словарь» В. К. Мюллера, С.К. Боянус 1997 года: «spleen [spli:n] анат. селезенка; сплин, хандра; раздражительность» [337, с. 1138].

Следует отметить, что слова «сплин» нет в первом толковом российском словаре – словаре Академии Российской 1789 года. Однако это не является доказательством того факта, что данное слово отсутствовало в русском языке. Дело в том, что в предисловии к данному словарю указаны группы слов, которые не были включены в него по разным причинам. В пункте №6 указаны: «Всѣ иностранныя слова введенныя безъ нужды, и которымъ равносильныя Славенскія или Россійскія находятся; удерживая токмо названія Еврейскія и Греческія въ священннх книгахъ принятыя» [347]. Тем не менее, очевидно, данное ограничение не было строгим, и некоторые заимствованные слова все же попали в словарь. Таким образом, присутствие или отсутствие какого-либо слова в данном словаре не может быть строгим критерием отсутствия или присутствия его в русском языке конца XVIII века.

В Словаре В. И. Даля данная лексема содержится: «Сплин м. англ. ипохондрия, хандра, мрачные думы, от которых и свет не мил. В Номоканоне поминаются: главоболения и сплины, боль селезенки. Чудит, словно англичанин в сплине. Сплинный, ко сплину относящ» [324, с. 292]. В. И. Даль упоминает Номоканон и толкует данное слово в своем словаре так: «Номоканон м. сборник церковных правил; законоправильник; кормчая книга» [322, с. 554]. Первые Кормчие книги восходят еще к VI веку, они не раз дополнялись и менялись. В 1650 была издана в типографии т.н. Иосифовская Кормчая книга, в 1653 – Никоновская (по имени патриархов Иосифа и Никона), в 1787 – т. н. Екатерининская Кормчая книга. Установить, на какую из них ссылается В. И. Даль, сложно.

В словарях М. Попова (1907), Д. Н. Ушакова (20 век), Л. П. Крысина (1998г.), С. А. Кузнецова (XXI век) указаны толкования, схожие со словарем В. И. Даля.

Этимология слова по словарю М. Фасмера: «род. п. -а (напр., у Пушкина). Из англ. spleen "хандра, меланхолия" через ст.-франц. esplen от греч. splḗn "селезенка". Англ. название селезенки дало название ипохондрии, сплина и связанных с этим заболеванием причуд» [354].

По-видимому, впервые данная лексема была заимствована из греческого языка при написании Кормчей книги и означала болезнь селезенки. Позднее заимствование проходило из английского (по Фасмеру, возможно, частично через французский) языка и употреблялось уже в значении «ипохондрия».

Значение лексемы в русских словарях с конца XIX и по XXI век практически не изменилось. Статус устаревшего у слова появился в конце XX века.

Лексема «сплин» прошла путь от проникновения к заимствованию и укоренению в русском языке в период с конца XVII (либо XVIII в.) до середины XIX века, о чем свидетельствует употребление ее в текстах русских писателей и поэтов-классиков, императора Александра III, а также значение данной лексемы в словарях указанного периода. Русский вариант слова был произведен на основе транскрипции, так как англицизм «сплин» в написании и произношении близок к транскрипции английского слова [spli:n]. Позднее слово «сплин» стало выходить из употребления и в словарях конца XX – XXI века указывается как устаревшее.

Vulgar

А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» писал, характеризуя Татьяну :
Никто бы в ней найти не мог Того, что модой самовластной В высоком лондонском кругу Зовется vulgar. (Не могу... Люблю я очень это слово, Но не могу перевести; Оно у нас покамест ново, И вряд ли быть ему в чести
[421, с. 46].

А. С. Пушкин в разделе «Table-talk» публицистических статей также употребляет это слово: *Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался*

мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный [428].

А. С. Пушкин связывает значение слова с некоторой простонародностью, скукой и заносчивостью, неприличностью (подняли платок). Такой оттенок слова не отмечается в словарях, возможно, в данном случае играет роль индивидуальное восприятие слова автором, его аристократическое воспитание.

Автор использует слово только в оригинальном английском написании, то есть как варваризм, говорит о новизне данного слова и даже выражает сомнение в том, что оно приживется. Однако уже в словаре В. И. Даля данное слово присутствует: «Вульгарный, пошлый; тривиальный; простой, грубоватый, дурного вкуса» [321, с. 275].

В других словарях начала XIX века (словарь А. Д. Михельсона [335], М. Попова [340], А. Н. Чудинова [356]) находим схожие толкования.

Данное слово отсутствует в этимологическом словаре М. Фасмера.

В словаре С. А. Кузнецова читаем: «Вульгарный -ая, -ое; -рен, -рна, -рно. [от лат. *vulgāris* – общенародный]1. Лишённый вкуса, тонкости, чувства меры; нарочито развязный, пошлый (о человеке)... 2. только полн. Упрощённый до крайности, до искажения смысла. В-ое толкование Библии. В. материализм. В-ая латынь» [330]. Следовательно, в словаре С. А. Кузнецова появилось новое значение – «упрощенный».

Прилагательное «вульгарный» образовано посредством транслитерации, английская буква «u», как часто случалось, произносилась как русский звук [y], а не как звук [a], что было бы ближе к оригинальному произношению. Суффикс «н» свидетельствует о словообразовательном освоении.

А. С. Пушкин употребляет данное слово как варваризм, в первой половине XIX века оно, по-видимому, проходило этап проникновения в русский язык. Однако уже во второй половине XIX века оно в словаре В. И. Даля толкуется как укоренившееся слово: В. И. Даль не указывает, что слово заимствовано из английского языка. Таким образом, за крайне короткий период (около 20 – 30 лет) прилагательное «вульгарный» прошло весь путь освоения: от проникновения до

укоренения и стало полноценным русским словом, зафиксированным в словарях. В наше время, в соответствии с словарем С. А. Кузнецова, слово сохранило первоначальное значение «пошлый», утратило значение «простонародный», но приобрело новое – «упрощенный до крайности». Таким образом, значение лексемы изменилось и, частично, расширилось.

3.1.9. Человек. Этнические инвективы

В. И. Карасик в статье «Язык социального статуса», исследуя различные пейоративы, обращает особое внимание на этнические инвективы, то есть на грубые названия другого народа. Исследователь пишет: «Почему происходит инвективизация имен представителей чужого народа? Действует примитивная схема: "чужой – опасный", "чужой – нелепый". Случайное плохое действие чужестранца возводится в абсолют и распространяется на народ целиком...

Этнические инвективы распадаются на три класса: ярлыки для соседей, туземцев и врагов. В любом случае "чужой" рисуется черными красками как вызывающий отвращение, хитрый, глупый и злой человек. Соседям приписывается глупость, странный образ жизни, лень, жадность, туземцы считаются неразвитыми дикарями, полулюдьми, враги изображаются как опасные животные» [99]. В данной рубрике рассматриваем некоторые этнические инвективы английского происхождения.

асеи

Следует отметить, что в русском языке практически отсутствуют этнические инвективы, относящиеся к англичанам. Возможно, это связано с достаточно мирными и уважительными межнациональными отношениями. Однако в произведении И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» обнаружена одна этническая инвектива. Автор описывает прогулки по Лондону и реакцию на них русского матроса: *На всякий обычай, непохожий на свой, на учреждение он смотрел как на ошибку, с большим недоброжелательством и даже с презрением. "Сволочь эти асеи!" (так называют матросы англичан от употребляемого беспрестанно в английской речи - "I say" ("Я говорю, послушай"))» [401].*

В данном случае мы наблюдаем инвективу, заимствованную из французского языка и, по-видимому, освоенную русскими моряками. Таким образом речь идет об узком использовании данной инвективы – только в пределах просторечного матросского дискурса. Невозможно проследить значение либо этимологию данного слова, так как оно отсутствует в словарях.

Данное заимствование является варваризмом, оно не было освоено русским языком и отсутствует в словарях. Следовательно, освоение данного слова остановилось на этапе проникновения в язык.

янки

А. С. Пушкин в статье «Джон Теннер» писал: *Словом, есть надежда, что Теннер со временем сделается настоящим уанкее, с чем и поздравляем его от искреннего сердца* [427].

В примечании А.С. Пушкина читаем: *Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен* [427].

А. С. Пушкин использовал слово «уанкее», прочитанное в англоязычном источнике. Возможно, это было первое использование данного слова в русском языке. В этом случае оно выступало как варваризм, еще не освоенный языком-реципиентом.

В заметке «Английский шерстяной союз» журнала «Москвитянин» за 1850 год написано: *Англичанинъ и Северо-Американец (Янки) братья по крови, но живут совсемъ не по-братски* [416].

И. А. Гончаров в очерке Фрегат «Паллада» (1855) подчеркивал: *Да это отважный, предприимчивый янки! Небольшого роста, нервный, подвижной* [401].

В заметке и очерке слово уже написано кириллицей, что свидетельствует о его более высокой степени освоения. Цитата из очерка И. А. Гончарова содержит ряд эпитетов, характеризующих янки. Они отражают энергичность, смелость и несут очень положительную смысловую нагрузку. Во фразе из заметки «не по-братски» содержится, напротив, отрицательная характеристика.

В словаре В. И. Даля данное слово отсутствует, однако уже в словаре А. Д. Михельсона 1865 года оно выступает как вполне освоенный англицизм: «Янки англ. yankees, образов. Из english, которое индейцы ошибочно произносят jengis, jengli. Насмешливое название американцев» [335].

Словарь М. Фасмера: «Из англ. yankee от нж.-нем. Janke - уменьш. от имени Jan» [354];

Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина: «Янки, нескл., м., одуш. [англ. yankee < Jankin уменьш. от Jan Жан]. 1. Прозвище американцев. 2. В США: уроженец или житель Новой Англии» [328].

Большой толковый словарь С. А. Кузнецова: «Янки неизм.; м. [англ. Yankee]. 1. В США: название уроженца или жителя северо-восточных штатов (о котором сложилось устойчивое мнение как о трезвом, практичном, рассудительном и деловитом человеке. 2. Разг. Прозвище американца, жителя США. // собир. Об американских военнослужащих, находящихся за рубежом. ● От прозвища Jan Kees (т.е. Иван Сыр, сходного, приблизительно, с именем Иванушка), которое дали во второй половине 18 в. голландские колонисты английским колонистам, жившим в США в штате Коннектикут» [330].

Анализируя значения лексемы в словарях, заключаем, что происхождение слова объясняется по-разному, разные авторы связывают его с индейским, голландским, немецким названиями американцев. Однако то, что лексема пришла в русский из английского языка, указано во всех словарях. Это свидетельствует, что лексема «янки» – англицизм. В словарях XIX – начала XX века отмечается насмешливость прозвища. В словаре С. А. Кузнецова, напротив, отмечаются коннотации «практичный, рассудительный, трезвый». Следовательно, оттенок значения данного англицизма менялся, но основа значения стабильна с конца XIX до XXI века.

Можно утверждать, что А. С. Пушкин один из первых, а, возможно, и первый использовал данное слово в русской речи. У А. С. Пушкина оно функционирует как иноязычное вкрапление, как варваризм. У других авторов и в словарях слово функционирует в уже освоенном варианте, то есть слово

прошло все этапы освоения. При этом, по-видимому, использовались как транскрипция, так и транслитерация, поскольку орфографическое и фонетическое отображения близки к русским.

3.2. Английское неязыковое (межкультурное) заимствование – жест (кинема) «рукопожатие»

В данном исследовании особый интерес представляет жест рукопожатия, который в современной русской культуре является привычным этикетным способом приветствия либо прощания. В английском варианте рукопожатие означает скорее не пожимание, а сотрясение рук (англ. shake hands – тряхти руки).

В отчетах русских послов из Англии «Статейном списке Ф. А. Писемского» (1582 – 1583гг.) и «Статейном списке Г. И. Микулина» (1600г.) упоминается данный жест. Это наиболее раннее его упоминание из всех доступных материалов: *... и как из судов вышли на берег и туто была встреча: королевнин конюшей Рофлянт..., и сшедшись с Федором и Неудачею витался за руки; а после того говорил от королевны, сняв шляпу [420, с. 114]; ..князь Робор Лестерский, да князь Унтюнтенской, и сшедшись С Федором и Неудачею, витались за руки [420, с. 115]; Следует отметить, что фраза «витались за руки» встречается в текстах статейных списков более одиннадцати раз [420] При этом в десяти из одиннадцати раз «витались за руки» англичане с русскими послами, и только один раз русские совершили этот жест первыми: *И Григорий и Ивашко сор Томаса встречали, и витались за руки [420, с. 194].* Причем указанная сцена происходит уже в самом конце пребывания послов в Англии, что свидетельствует об адаптации данного жеста русскими. Частота же употребления фразы «витались за руки» говорит о возможной необычности данного приветствия либо об этической его ценности для русских послов. Слово «витаться» в современном русском языке практически не употребляется. Оно функционирует в украинском языке и имеет значение, сходное с употребляемым в статейных списках, то есть «здороваться»: «Вітатися, аюся, аєшся, недок., до кого, з ким і без додатка. Висловлювати, виражати жестом вітання під час зустрічі; здоровкатися»*

[350, с. 687]. Следует обратить внимание на то, что в толковании указано как приветствие словами, так и жестом.

Н. М. Карамзин описывает в «Письмах» сцену прощания с гостеприимным хозяином, по-видимому, немцем, приютившим Карамзина в городе Нарва: *«Бог с вами!» – примолвил хозяин, пожав мою руку, – бог с вами!* [408, с. 37].

Н. М. Карамзин пишет также о страдающей морской болезнью англичанке, которая подала руку, поблагодарив его за помощь: *она подала мне свою руку, холодную, слабую и дрожащую* [408, с. 427].

В указанных цитатах Н. М. Карамзин говорит о пожатии руки либо о подавании руки, и, по-видимому, ничего необычного в данных жестах не видит.

А. С. Пушкин писал В. Ф. Вяземской 3 ноября 1826 г.: *Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, поскольку вы ни за что не хотите, чтобы я вам ее целовал* [430]. Автор очень точно назвал данный жест, обратил внимание на способ его воспроизведения и даже на английское происхождение.

И. А. Гончаров, побывавший в Англии гораздо позднее Н. М. Карамзина, не раз обращает внимание и даже высмеивает привычку англичан трясти руки при приветствии и прощании: *...смотреть, как встретятся два англичанина, сначала попробуют оторвать друг у друга руку, потом осведомятся взаимно о здоровье и пожелают один другому всякого благополучия* [401];

Я, прислонившись к шпилью, смотрел на океан и о чем-то задумался. Вдруг меня кто-то схватил за руку, стиснул ее и начал неистово трясти. Что за штука? А! Это лоцман прощается [401]. И. А. Гончаров иронично употребляет фразы «оторвать друг у друга руку», «неистово трясти», что наводит на мысль о непривычности и неприятии данного жеста. Возможно, для Н. М. Карамзина данный жест не вызывал недоумения благодаря его увлечению Англией еще до поездки за границу.

Для выяснения истории данного жеста обратимся к словарю. В словаре В. И. Даля в рамках толкования слов «рука» и «пожимать» находим: «Рука... Дать руку, слово, обещать... Дать кому руку, поручить подписаться за себя, напр. на мирском приговоре, причем веритель подает руку грамотею, что и зовут:

отбирать руки. Ударить по рукам, дать слово, кончить дело... Рукопожатие ср. пожатие чьей руки рукою» [324, с. 109];

«Пожимать, пожать что, жать иногда, временем; жать слегка, несколько; жать недолго, сразу. Покручивай, пожимай белье! Он мне так руку пожал, что ногти болят» [323, с. 222]

В том же словаре толкование слова «трясти» не включает семантическую коннотацию приветствия, но обращает внимание на сотрясение рук у пьяницы: «Трясти, потряхнуть что и чем, тряхать, трусить южн. Зап... У пьяницы руки трясутся» [324, с. 439]. Таким образом, можно сделать вывод, что примерно до XIX века в русской традиции существовал обычай жать руку, подавать руку, бить по рукам (при договоре). При этом само рукопожатие, по-видимому, не служило для приветствия и прощания. Обычай трясти руки пришел позже, в XIX веке, когда в Россию пришла мода на все европейское и, в частности, английское.

В толковом словаре Д. Н. Ушакова находим следующее толкование: «Рукопожатие, рукопожатия, ср. (книжн.). Взаимное пожатие правых рук в знак приветствия, сочувствия и т. п. Обменяться рукопожатиями» [353].

Трясти, трясую, трясёшь, прош. тряс (трясти и трёсти), тряла; трясший (тряс и (разг.) трёс), несов. 1. кого-что. Толчками заставлять часто двигаться из стороны в сторону, колебаться. Трясти стол. Трясти дерево. Трясти кому-н. руку» [353].

Таким образом, в словаре Д. Н. Ушакова уже присутствует понятие «трясти руку», что свидетельствует об освоенности данного обычая к концу XX века в России.

Следует обратить внимание на то, что выражение «трясти руку», то есть дословный перевод английской фразы, не прижился в русском языке, и в современных словарях выражение *shake hands* переводится как «обменяться рукопожатием» [337, с. 198] либо «жать (пожать perf) кому-н руку» [365]

В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» встречаем описание русского аристократа Павла Петровича Кирсанова и его манеру здороваться: *...в это мгновение вошел в гостиную человек среднего роста, одетый в темный английский сьют, модный низенький галстух и лаковые полусапожки, Павел*

Петрович Кирсанов... Совершив предварительно европейское «shake hands» он три раза, по-русски, поцеловался с ним [439, с. 180]. Произведение было написано в 1860 – 1861 г. Автор не переводит фразу «*shake hands*», она является иноязычным вкраплением, хотя понятие рукопожатия уже существовало. Можно сделать вывод, что данный жест, во-первых, еще не окончательно прижился в середине XIX века и отличался от подобного русского жеста; во-вторых, данный жест был заимствован из европейской культуры и, скорее всего, в большей степени из английской, так как Кирсанов одет в «английский сьют» и совершает названное по-английски «*shake hands*»; в-третьих, здороваться за руку, возможно, было вообще не принято в России до введения данной манеры в XIX веке.

Г. Е. Крейдлин в уже упомянутой монографии подробно анализирует жест «пожимать руку», однако при перечислении других значений автор называет номинацию «трясти руку» пренебрежительной [134, с. 316]. То есть сотрясание руки все-таки не ассоциируется с приветствием. Автор также приводит культурные сведения о рукопожатии: «По свидетельству Эразма Роттердамского, рукопожатие ввели квакеры в конце XVII века, не желавшие кланяться или снимать шляпу перед другим человеком. Данный жест был задуман как приветствие равного равному» [134, с. 316]. Автор говорит только о рукопожатии, однако мы предполагаем, что у квакеров практиковалось именно сотрясание рук при встрече, так как квакеры – это религиозное общество, зародившееся именно в Англии.

Эразм Роттердамский в произведении «Разговоры запросто» начала XVI века писал: «<...> вместо поцелуя немцы обмениваются рукопожатием. Далее: в Англии мужчина целует женщину при встрече даже в церкви – в Италии это сочли бы за гнусное бесстыдство» [292]. Из цитаты философа следует, что в Англии до квакеров были распространены поцелуи при встрече, а в Германии – рукопожатие. Однако рукопожатие в Германии было, по-видимому, именно пожиманием рук, а не сотрясанием рук, так как перевод на немецкий язык слова рукопожатие – «handschlag», где schlag – удар, биение, бой, но не сотрясение.

Жест (кинема) «рукопожатие» при встрече и расставании, при котором приветствующие друг друга люди не просто пожимают, но и трясут руки, является межкультурным заимствованием, которое можно считать пришедшим в русский обиход из Европы, но, все же, в большей степени заимствованным из английской культуры. Рукопожатие вообще, по-видимому, практиковалось в России до XIX века при заключении договора, но не для приветствия либо прощания. Данное заимствование прошло путь освоения от проникновения до укоренения и сегодня является одним из жестов, воспринимающихся как привычные.

Анализ кинемы «рукопожатие» отражен в статье «Жест «рукопожатие» как культурное заимствование» [Тупчий 2014 с.183].

Анализ языковых заимствований отражен в статье «Языковые средства, отображающие образ Англии, в «Статейных списках» Ф. Писемского и Г. Микулина (лингвоимагологический аспект)» [251, с. 183 –188].

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

В главе «Заимствования как аспект образа Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX вв.» были проанализированы 24 языковых и межкультурных (неязыковых) заимствования. Языковые заимствования включают 8 рубрик, неязыковые заимствования – 1 рубрику. Количество проанализированных языковых заимствований – 23 (*мичман, слуп, вист, робер, бифштекс, потаты, пудинг, ром, ростбиф, редингот, спенсер, билль, Таймс, кочи, денди, сэр, бомбаст, комфорт, прюдство, сплин, vulgar, асеи, янки*), количество проанализированных межкультурных заимствований – 1 (кинема «рукопожатие»). Соотношение количества лексем в рубриках, содержащихся в разделе «языковые заимствования»: Человек. Характер и настроение – 5; Названия блюд и напитков – 5; Человек. Этнические инвективы – 2; Человек. Статусные и титульные наименования – 2; Социально-культурные явления – 2; Морская лексика – 2; Названия карточных игр – 2; Названия

предметов одежды – 2; Транспорт – 1. Наибольшее количество заимствований (англицизмов) содержат рубрики, связанные с характером и настроением человека и кулинарные блюдами и напитками, следовательно, именно указанные сферы, связанные с образом Англии, представляли наибольший интерес для носителей русского языкового сознания. Рубрики «Человек. Этнические инвективы» и «Человек. Статусные и титульные наименования» вместе представляют наименования англичан и составляют вместе 4 лексемы, что также свидетельствует о высоком интересе. Наименьшее количество языковых заимствований содержится в рубрике «Транспорт».

Подраздел «Межкультурные заимствования» содержит один пример – жест (кинема) «рукопожатие». Следует отметить, что жесты являются национально маркированными и заимствуются редко. В данном случае заимствование даже одного жеста свидетельствует о значимости английской культуры для русской в исследуемый период.

Большинство заимствований прошли все этапы освоения и стали частью языка-реципиента, часть – прошли частичное освоение («кочи», «бомбаст»), два – остановились на этапе проникновения в язык («прюдство», «потаты»). Две лексемы («*vulgar*», «*aceu*») рассматриваем в качестве варваризмов или иноязычных вкраплений, так как именно в таком виде они функционировали в русском языке до середины XIX века. Как правило, анализируемые заимствования основательно либо несущественно меняли свое значение с течением времени. Небольшая часть их практически сохранила значение в течение нескольких веков (например: «*бифштекс*», «*вист*»). Варианты написания, как правило, менялись с течением времени.

Таким образом, заимствования являются важной частью образа Англии для русского языкового сознания конца XVI – первой половины XIX веков.

ГЛАВА 4

ЭТНОМИФОЛОГЕМЫ «АНГЛИЧАНИН» И «АНГЛИЧАНКА» КАК АСПЕКТЫ ОБРАЗА АНГЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

4.1. Этномифологема «англичанин»

Рассмотрим 5 МЭМ в рамках ЭМ «англичанин». Основанием для выделения МЭМ является широкая представленность в художественных, публицистических и эпистолярных текстах.

4.1.1. Миниэтномифологема «англичанин-джентльмен»

В текстах XIX века активно используется слово «джентльмен», а также его вариант «джентельмен». Рассмотрим примеры с первым вариантом написания «*джентльмен*».

И. Т. Кокорев, очерк «Саввушка» (1847): *Буфетчик выпил с поклоном, а Феденька закурил зловонную сигару, как истый джентльмен* [416];

И. С. Тургенев, пьеса «Вечер в Сорренте» (1852): *Помните, возле нее стоял этот долговязый джентльмен, сынок какого-то лорда* [416];

И. А. Гончаров, очерк «Фрегат «Паллада» (1855): *В отеле нас ожидал какой-то высокий, стройный джентльмен, очень благообразной наружности, с самыми приличными бакенбардами* [416];

К. Д. Ушинский, статья «О народности в общественном воспитании» (1856): *Английский джентльмен так же, как и немец, просиживает лучшие годы своей молодости за классиками* [416].

В трех последних цитатах из текстов речь идет об англичанах и иностранце (возможно, англичанине) В них функционируют эпитеты: «*долговязый*», «*высокий*», «*стройный*», «*благообразной наружности*», «*приличные бакенбарды*»; Характеристики, в основном, положительные, связаны с приличием и эстетическим восприятием. В первом примере наблюдаем ироническое сравнение с джентльменом: «*закурил зловонную сигару, как истый джентльмен.*» Это сравнение и его тон свидетельствует о высокой степени адаптации понятия «джентльмен» в русском языке середины XIX века.

В словаре В. И. Даля данная лексема отсутствует, однако в словаре иностранных слов М. Попова 1907 года читаем: «Джентльмен благовоспитанный благородный светский англичанин и вообще всякий человек, относит. которого хотят подчеркнуть его нравственную порядочность и хорошее воспитание; в Англии вежливое обращение ко всякому мужчине»[340].

В словаре М. Фасмера содержится следующее толкование: «Джентльмен из англ. Gentleman» [354]. В других современных словарях также отмечается английское происхождение лексемы. Таким образом, она является английским заимствованием.

В данном варианте слово указано практически во всех современных словарях со значением, сходным с указанным в словаре В. И. Даля.

Обратимся к другому варианту написания – «*джентельмен*». Данная форма встречается гораздо реже, функционирует в русском языке с XIX века по XXI век, в словарях она отсутствует. Обратимся к примерам XIX века:

Журнал «Вестник Европы» 1803 года, статья «Известия и замечания»: *Во время балета вздумалось какому-то Джентельмену перейти через сцену* [378, с. 158];

Т. Г. Шевченко, повесть «Музыкант» (1855): *Это был молодой человек лет двадцати с небольшим, стройный и грациозный, с черными оживленными глазами, с тонкими едва улыбающимися губами, высоким бледным лбом. Словом, это был джентельмен первой породы* [416];

М. Е. Салтыков-Щедрин, роман «Губернские очерки» (1856-1857): (об арестанте) *вел себя как джентельмен бывалый, которому на все наплевать*» [416].

В первом примере наблюдаем эпитеты, несущие положительные характеристики: «*стройный*», «*грациозный*», «*первой породы*». Во втором примере снова видим ироническое наименование джентельменом арестанта, то есть человека, находящегося внизу социальной иерархии.

Таким образом, коннотации в текстах очень различны, джентльменом называли англичанина и не англичанина, употребляли слово в прямом значении,

для характеристики и с ироническим смыслом, как бы высмеивая определенные черты. Это свидетельствует о том, что понятие «джентльмен» уже в XIX веке вошло в русский язык. Полное укоренение в языке произошло в XX веке, когда лексема «джентльмен» появилась в словарях.

МЭ «англичанин-джентльмен» была четко оформлена и функционировала в русском языковом сознании. Большое количество примеров, содержащих данную лексему, их различные коннотации являются основанием для вычленения из ЭМ «англичанин» МЭМ «англичанин-джентльмен». Указанная МЭМ функционировала в русском языковом сознании в XIX веке. В наши дни она также является актуальной.

4.1.2. Миниэтномифологема «англичанин-чудак»

Приведем примеры, свидетельствующие о данной особенности:

Журнал «Вестник Европы» за 1803 г. , статья «Выписка из Лондонских журналов»: *Давно уже Англия славится чудаками.*[378, с. 121];

Несколько цитат содержат свидетельства об увлечении англичан закладами, то есть спорами:

Журнал «Вестник Европы» за 1803 год, статья «Удивительный пешеход в Англии»: *В прошлом 1802 году в октябре месяце, один благородный Англичанин, двадцати двух лет, именем Беркле, ударился об заклад с другим, Господином Флетчером, что он в 22 часа пройдет 90 Английских мили или 150 верст. Заклад состоял в 10,000 рублях* [377, с. 180];

Вестник Европы» за 1804 год, статья «Чудные заклады»: «*Лорд Орфорд держал заклад, что стадо гусей придет прежде из Норика в Лондон (30 миль), нежели стадо Индейских кур* [382, с. 62];

Известна склонность, или лучше сказать, страсть Англичан к закладам; но всякий ли знает, что предметы оных бывают часто так странны, что во всякой другой земле почли бы закладчиков, зрителей и судей за сумасшедших. [382, с. 61];

Мы приведем два примера сего рода дурачества... Лорд Г. Бился о двух тысячах гиней, что он в четыре дни приедет из Лондона в Эдимбург (120 миль) верхом на лошади, сидя лицом к хвосту — и выиграл заклад [382, с. 62].

Также в публицистических текстах XIX века не раз говорится о чудачествах очень богатых англичан:

П. И. Макаров «Россиянин В Лондоне» (о богатом англичанине): *Знакомец мой имеет доход около тысячи рублей, из которых тридцать издерживает на загордый свой дом, на книги, на картины и статуи, восемь проживает в Лондоне ... а двенадцать бросает [414, с. 20];*

«Вестник Европы» за 1802 год «Смесь»: *Совы, ласточки, пауки, голуби... лишились великаго покровителя в Английском дворянине Арчере, который не давно умер и который славился более своими странностями, нежели богатством [370 с. 91];*

«Вестник Европы» за 1802 год: *В Девонширском Графстве один богатый человек ... застрелился через два дни после женитьбы своей [373, с. 351];*

Н. М. Карамзин упоминает интересную и странную традицию: *Местечко Чарлтон достойно примечания по красивому своему положению, а еще более по роговой ярмарке, Horn-fair, которая ежегодно там бывает и на которой все жители украшают свой лоб рогами [408, с. 494].*

В приведенных примерах часто встречается лексемы «чудной», «чудак». Словарь В. И. Даля так толкует данные слова в рамках толкования слова «чудо»: «...В знач. странный, смешной, дикообразный...человек странный, своеобразный, делающий все не по-людски, а по-своему, вопреки общему мнению и обыка. Чудаки не глядят на то, что-де люди скажут, а делают, что чтут полезным... Чудаковатый барин» [324, с. 612]. В толковании данные лексемы связываются с такими значениями: смешной, странный. В качестве оценочной лексики данные слова скорее нейтральны. По всей вероятности, описания чудачеств англичан были часто смешны для русского читателя, а значит, развлекали его и были интересны.

Чуждачества англичан, по-видимому, были стереотипичны для русского языкового сознания описываемого периода, так как в одном из примеров встречается фраза «*Давно уже Англия славится своими чудаками*», которая звучит как утверждение. Приведенные примеры вписываются в стереотип англичанина – чудака. Следует обратить внимание на тот факт, что странности либо чуждачества в основном были присущи богатым, знатным англичанам. Так, в примерах говорится о «*лорде*», «*богатом человеке*», «*английском дворянине*», «*богатом англичанине*», упоминаются огромные суммы закладов. Таким образом, странности были характерны тем, кто мог позволить себе это финансово. Создается образ богатого чудака, схожий с тем, что упомянул В. И. Даль – образ «чудного барина».

Следовательно, МЭМ «чудной англичанин» была четко оформлена и функционировала в русском языковом сознании. Большое количество примеров, доказывающих такую особенность англичан как чуждаковатость, является основанием для вычленения из ЭМ «англичанин» МЭМ «англичанин-чудак». Указанная МЭМ функционировала в русском языковом сознании в XIX веке. Результаты поиска в НКРЯ дают основание утверждать, что данная МЭМ функционирует и сегодня.

4.1.3. Миниэтномифологема «гордый англичанин»

Рассмотрим МЭМ «гордый англичанин» в рамках ЭМ «англичанин».

Н. М. Карамзин: *Они горды – и всего более гордятся своею конституциею* [408, с. 499];

Нет, нет, гордые цари морей, столь же мрачные, как туманы, которые носятся над стихиею славы вашей! Оставьте недругам вашим, французам, всякую игривость ума [408, с. 497];

Гордый британец смеется, звучит в кармане гинейми и велит Питту зажигать фонари засветло [408 с. 435];

Вообще английский язык ...богат краденым или (чтоб не оскорбить британской гордости) отнятым у других [408, с. 482].

Журнал «Вестник Европы» за 1802 год: *систему правления, которая ... хороша для ветреных Французов, а не может быть терпима гордыми Англичанами* [369, с. 93];

И. А. Гончаров: *Мужчины подходят почти под те же разряды, по цвету волос и лица, как женщины. Они отличаются тем же ростом, наружным спокойствием, гордостью, важностью в осанке, твердостью в поступи* [401];

Еще досаднее, что они (англичане) носятся с своею гордостью как курица с яйцом и кудахтают на весь мир о своих успехах [401].

Следует отметить, что представление о гордости англичан в русском языковом сознании также находим во фразах, не содержащих лексему «гордый» либо ее производные. Приводим фразы, косвенно доказывающие данное представление:

И. А. Гончаров: ... *смотреть их походку или какую-то иноходь, и эту важность до комизма на лице* [401];

(на о. Мадейра) *Они, опираясь на зонтики, повелительно смотрели своими синими глазами на море, на корабли* [401].

Фразы «*важность до комизма на лице*», «*повелительно смотрели*» косвенно свидетельствуют о гордости.

Словарь В. И. Даля содержит такое значение понятия «гордый»: «Гордый, гордынный, гордостный, горделивый, надменный, высокомерный, кичливый; надутый, выноносый, спесивый, зазнающийся; кто ставит себя самого выше прочих. ... Гордым быть, глупым слыть. Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать. В убогой гордости дьяволу утеха. Во всякой гордости черту много радости. Смирение паче гордости» [321, с. 378]. Гордости противопоставляется смирение, угодное Богу. Как известно, гордыня является одним из грехов в христианской религии и, в частности, в православии, нормами которого руководствовались многие носители русского языкового сознания рассматриваемого периода. Таким образом, смысловое наполнение данной лексики в русском языке отрицательное.

Негативная оценка содержится во фразах «важность до комизма на лице», «носятся с своею гордостью как курица с яйцом и кудахтают на весь мир о своих успехах».

Фразы Н. М. Карамзина «гордые цари морей», «гордятся своею конституциею» содержат положительную оценку. И. А. Гончаров говорит, что англичане отличаются такими чертами: «наружным спокойствием, гордостью, важностью в осанке, твердостью в поступи». В данном случае такая черта как гордость в оценке Н. А. Гончарова скорее выглядит положительной, нежели отрицательной. Следовательно, восприятие русскими гордости англичан было амбивалентным.

Показательной и объясняющей гордость англичан является фраза Н. М. Карамзина о Магне Харте: *...но всего любопытнее был для меня оригинал Магны Харты, или славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII веке и служащий основанием их конституции. Спросите у англичанина, в чем состоят ее главные выгоды? Он скажет: «Я живу, где хочу; уверен в том, что имею; не боюсь ничего, кроме законов». Разогните же Магну Харту: в ней король утвердил клятвенно сии права для англичан — и в какое время? Когда все другие европейские народы были еще погружены в мрачное варварство [408, с. 474]. «Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений» Н. Т. Бабичева, Я. М. Боровского так толкует данное понятие: «Magna charta = Magna charta libertatum Великая хартия вольностей. Грамота, значительно ограничившая королевскую власть, главным образом в пользу крупных феодалов, которая была предъявлена восставшими английскими феодалами, рыцарями и горожанами королю Иоанну Безземельному и подписана им 15 июня 1215 года» [314].*

Выдержки из Магны Харты расположены в приложении 3 (с. 277).

Некоторые пункты Великой хартии вольностей и в настоящее время являются частью современной британской неcodифицированной конституции, не имеющей единого документа.

В. М. Гаршин писал Е.С. Гаршиной в 1874 году: «А так как гимназиям никакой charta libertatum, никакой конституции не дадут, конечно, то вся тяжесть пересмотра падет на нас» [416]. Характерной чертой является то, в данной цитате charta libertatum употребляется как нарицательное имя, как аналог, синоним слова «конституция». У Н. М. Карамзина данное понятие употребляется еще в прямом значении. Возможно, с конца XIX века «magna charta» стало нарицательным именем, имевшим английское происхождение.

Распространенность примеров, доказывающих такую особенность англичан как гордость, является основанием для вычленения из ЭМ «англичанин» МЭМ «гордый англичанин». Указанная МЭМ функционировала в русском языковом сознании в XIX веке. Результаты поиска в НКРЯ дают основание утверждать, что данная МЭМ функционирует и сегодня.

Анализ МЭМ «гордый англичанин» отражен в статье «Миниэтномифологема «гордый англичанин» в рамках этномифологемы «англичанин» [252, с. 75–79].

4.1.4. Миниэтномифологема «пьющий англичанин»

Образ пьющего англичанина часто встречается в текстах XIX века. Особого внимания заслуживает анекдот, опубликованный в журнале 1804 г. Журнал «Вестник Европы», статья «Анекдоты»: (орфография источника сохранена) *Некто спросил у одного бедного Англичанина, каких бы трех вещей он себе преимущественно пожелал. Впервых, отвечал он, я желал бы иметь столько пива, сколько могу выпить. – Потом? – Я желал бы иметь столько говядины, сколько могу съесть. – Хорошо! А какое же третье желание? – Правду сказать, мне кажется, что я пожелал бы еще немного побольше пива* [384, с. 174].

Данный анекдот свидетельствует о том, что стереотип пьющего англичанина уже существовал в начале XIX века, возможно, и раньше. Англичанин в анекдоте предстает симпатичным пьяницей. Анекдотами тогда называли просто рассказы, но следует заметить, что часто анекдоты в «Вестнике

Европы» – это именно юмористические рассказы. Скорее всего, этот был взят и переведен из европейского журнала, как часто случалось.

Рассмотрим другие примеры:

Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника»: *Мужчины пьют, женщины говорят между собою потихоньку и скоро оставляют нас одних; снимают скатерть, кладут на стол какие-то пестрые салфетки и ставят множество бутылок; снова пить — тосты, здоровья! Всякой предлагает свое; я сказал: «Вечный мир и цветущая торговля!» Англичане мои сильно хлопнули рукою по столу и выпили до дна. Это, говорят, весело! По крайней мере не мне. Не для того ли пьют англичане, что у них вино дорого? [408, с. 443];*

Нынешний день море в самом деле едва не поглотило нас. Корабельный мастер выпил стакана четыре водки, не заметил флага, поставленного на мели для предостережения мореплавателей, — и капитан увидел беду в самую ту минуту, когда мы были уже в нескольких сажнях от подводных камней, побледнел, закричал — матросы бросились на мачты — парусы упали, и корабль пошел в другую сторону. Чудное проворство! С англичанами весело и умереть на море! [408, с. 504-505].

Фразы из текста Н. М. Карамзина «снова пить», «выпили до дна», «выпил четыре стакана водки» употреблены для характеристики англичан. Фразы не содержат четких положительных или отрицательных оценок, автор скорее констатирует факт того, что англичане имеют такую особенность. Среди причин этого автор замечает дороговизну вина и желание англичан похвастаться. Даже в ситуации, когда Н. М. Карамзин едва не погиб из-за пьяного корабельного мастера, автор хвалит проворство матросов.

И. А. Гончаров, «Фрегат «Паллада»:

«Англия страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырым мясом, запивая его спиртом... По воскресеньям ничего не делают, не говорят, не смеются, важничают, по утрам сидят в храмах, а вечером по своим углам, одиноко, и напиваются порознь; в будни собираются, говорят длинные речи и напиваются сообща» [416];

Пешиеходы не толкаются, в народе не видать ни ссор, ни драк, ни пьяных на улице, между тем почти каждый англичанин напивается за обедом 416];

<...> он садится обедать и, встав из-за стола не совсем твердо, вешает к шкафу и бюро неотпираемые замки [416].

Фразы из текста И.А. Гончарова «населена варварами», «запивая его спиртом», «напиваются порознь», «напиваются сообща», «напивается за обедом», «встав из-за стола не совсем твердо» характеризуют англичан как пьяниц. Фразы скорее отрицательны по значению, три раза встречается слово «напиваться», подчеркивается угрюмость и необщительность англичан, отсутствие веселья на таких собраниях. Даже алкоголь, который употребляется, автор не определяет по названию, а пишет просто «спирт». Вообще характеристика Англии как «дикой страны», населенной «варварами», интересна, субъективна и характерна для И. А. Гончарова и его часто отрицательной оценки Англии. Однако положительная коннотация также содержится: автор удивляется: «*в народе не видать ни ссор, ни драк, ни пьяных на улице*». Характеристики, вероятно, свидетельствуют об обратных явлениях на общественных собраниях и на улицах Российской Империи. В целом мнение И. А. Гончарова более критично, чем Н. М. Карамзина.

Следует заметить, что оценка англичанина как пьяницы либо пьющего сохранилась до наших дней, ее отмечают и русские авторы, и авторы-англичане. Так, современный английский автор Кейт Фокс в монографии «Англия и англичане. О чем молчат путеводители» уделяет много страниц для описания правил поведения в пабе, состоянию опьянения и важности его для англичан [258, с. 306-316].

МЭМ «пьющий англичанин» была четко оформлена и функционировала в русском языковом сознании. Большое количество примеров, доказывающих такую особенность англичан как склонность к алкоголю, является основанием для вычленения из ЭМ «англичанин» МЭМ «пьющий англичанин». Указанная МЭМ функционировала в русском языковом сознании в XIX веке. Сегодня она также является актуальной.

4.1.5. Миниэтномифологема «тихий англичанин»

Н. М. Карамзин писал: *Кто скажет вам: «шумный Лондон», тот, будьте уверены, никогда не видел его. Многолюден, правда, но тих удивительным образом* [408, с. 436]; На бирже в Лондоне Н.М. Карамзин также замечает: *Людей множество, но тихо* [408, с. 451].

Для Н. М. Карамзина тихость англичан, по-видимому, приятна. О народном гулянии в Лондоне он писал: *Тут наблюдается тишина и благопристойность; тут вы любите англичан* [408, с. 483].

Майор П. И. Макаров, побывавший в Англии в начале XIX века, также говорит о данной особенности англичан и оценивает ее как скучную: *Английские собрания довольно скучны; ...молчат и с важностью наполняют свой желудок* [414, с. 18].

По-видимому, соединение понятий «тишина» и «многолюдность» является непонятным и абсурдным для русского языкового сознания, для его носителей сочетание понятий «люди», «толпа» и «шум» нормальны, и относительную тишину в Англии они сразу замечали и удивлялись ей.

Спустя полвека И. А. Гончаров записывает очень похожие впечатления и иронизирует о голосе англичан и их практичности:

Кажется, всё рассчитано, взвешено и оценено, как будто и с голоса, и с мимики берут тоже пошлину, как с окон, с колесных шин. Экипажи мчатся во всю прыть, но кучера не кричат, да и прохожий никогда не зазевается [401].

Авторы исследуемого периода редко писали о детях, но А. И. Гончаров особенно, кажется, удивлен именно поведением детей: *Нет ни напрасного крика, ни лишнего движения, а уж о пени, о прыжке, о шалости и между детьми мало слышно* [401].

Известно, что И. А. Гончаров неоднозначно относился к англичанам: уважал и недолюбливал их. Нехарактерно для него данное ниже описание внешности англичанина, в котором также содержится черта «тихий»: *В самом деле, тонкий, нежный, матовый цвет кожи, голубые глаза, с трепещущей влагой задумчивости, кудри мягкие, как лен, легкие, грациозно вьющиеся и*

осеняющие нежное лицо; голос тихий [401]. Очень положительная оценка лица англичанина дополняется деталью «тихий голос», что усилило впечатление той чистоты и гармонии, которая поразила писателя во внешности молодого человека.

Следует отметить, что в современных текстах об Англии также упоминается тихость англичан. Об этом писал В. В. Овчинников в книге «Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах».

Цитата из монографии В. В. Овчинникова представлена в приложении И (с. 277).

Автор употребляет словосочетания «завеса молчания», «звуконепроницаемая стена», которые служат как бы для отделения и изолирования. В. Овчинников приводит также слова итальянца Паоло Треверса, написавшего в 1948 книгу «Англия – таинственный остров»: «На этом острове не считается грубым хранить молчание; наоборот, грубым считается слишком много говорить, то есть силой навязывать себя другим. В Англии никогда не нужно бояться молчать. Можно ничего не говорить годами, не опасаясь сойти за слабоумного» [417]. Таким образом, можно утверждать, что миниэтномифологема «тихий англичанин» функционирует и сегодня в русском, а также, возможно, и в других языковых сознаниях.

По мнению В. Б. Кашкина, «мифологемы, связанные с этнонимами, в первую очередь, позволяют самому народу-носителю языка отграничить себя и выделить собственные мифологизированные черты из континуума возможных поведенческих стереотипов. Заявляя о том, что какой-то народ молчалив, мы признаем себя если не говорливыми, то уж во всяком случае не такими молчаливыми. Можно почти утверждать: Скажи мне, что ты думаешь о своем соседе (о другом народе), и я тебе скажу, каков ты сам» [106]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что двести лет назад русские не были молчаливыми по сравнению с англичанами, а англичане были очень тихими по сравнению с русскими.

Распространенность примеров, доказывающих такую особенность англичан, как тихость, является основанием для вычленения из этнонимифологемы «англичанин» миниэтнонимифологемы «тихий англичанин». Судя по выдержкам из текстов XVIII – XIX века, указанная миниэтнонимифологема функционировала в русском языковом сознании XIX и XX веков, что доказывает ее стабильность.

Анализ МЭМ «тихий англичанин» отражен в статье «Миниэтнонимифологема «тихий англичанин» в рамках этнонимифологемы «англичанин» [248, с. 127 – 132].

В ходе анализа рассмотрены 5 компонентов ЭМ «англичанин», то есть 5 МЭМ: «англичанин-джентльмен», «англичанин-чудак», «гордый англичанин», «пьющий англичанин», «тихий англичанин». Состав используемого материала, большое количество примеров позволил вычленить именно указанные МЭМ. Они довольно стабильны во времени и функционировали в XVIII, XIX, XX, XXI веках. Более ранние примеры не были обнаружены. Анализ ЭМ «англичанин» является значительным аспектом исследования образа Англии конца XVI – первой половины XIX века. Образ жителя определенной страны (в данном случае – Англии) является важным объектом для лингвоимагологии.

4.2. Этнонимифологема «англичанка»

Наравне с образом англичанина в исследуемых источниках выделяется и образ англичанки. Эти две стороны одного этнонима «англичане» безусловно следует разделить и описывать отдельно. В нашем исследовании объективной необходимостью является разделение этнонима «англичане» на два типа ЭМ: «англичанин» и «англичанка».

ЭМ «англичанка» содержит такие компоненты: «англичанка-леди», «англичанка-девка», «англичанка-гувернантка», «англичанка-женщина из низкого сословия», «англичанка-чудачка», «любопытная англичанка», «прекрасная англичанка», «семейная англичанка». Такие компоненты ЭМ «англичанка» являются, соответственно, МЭМ.

4.2.1. Миниэтнонимифологема «англичанка-леди»

Выдающаяся женщина-политик Е. Р. Дашкова (1743-1810) в своих

«Записках» часто упоминает общение с дамами, которых называет «леди»: *К числу моих знакомых женщин принадлежали герцогиня Бюрлей, леди Фрэнсис Скотт, леди Лотиан и Мария Ирвин [404].*

Автор часто вспоминала свою близкую подругу, англичанку миссис Гамильтон, но никогда не называла ее «леди», по-видимому, данное обращение не подходило для миссис Гамильтон по происхождению и положению в обществе. Как обозначено ниже в словарях, позже, в XIX веке, обращение «леди» употреблялось уже не только к женам аристократов. Таким образом, есть основание приводить цитаты о миссис Гамильтон в данном разделе, так как обращение «миссис, мисс» и «леди» все же близки и использовались по отношению к женщинам из общества.

Цитаты Е. Р. Дашковой представлены в приложении К (с. 278).

Как следует из «Записок», миссис Гамильтон помогала Е. Р. Дашковой в тяжелые времена, была преданной подругой. Автор называет миссис Гамильтон «другом», везет в «любимое поместье». Как видим, даже свою деревню Дашкова назвала в честь англичанки.

Обратимся к выдержкам из других источников:

Н. М. Карамзин: *Бедная леди, живущая с ним, страдала и томилась [408, с. 432];*

П. И. Макаров: *Найду ли я когда нибудь в Лондоне хотя одну дурную вещь? От сапогов, которые носит слуга, до металла, блистающего на прелестной груди молодой Леди <...> здесь все хорошо [414, с. 12];*

И. А. Гончаров: *Голубые глаза, льняные волосы: должно быть, мисс или леди, но никак не синьора [401];*

В статье «Записки одной немецкой дамы, живущей ныне в Париже», напечатанной в журнале «Вестник Европы», 1803 г. и, по-видимому, переведенной с немецкого языка, говорится: *Только две англичанки были замечены в Париже по их красоте: Леди Кев и Госпожа Тальбот [379, с. 43].*

Слов «лади», «леди» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля нет. В вышеприведенных примерах из текстов разных авторов

рассматриваемая нами лексема пишется по-разному: «леди», «лади», «Леди», «Лади». В других словарях конца XIX – начала XX века данная лексема толкуется так:

Словарь А. Н. Чудинова: «(англ. lady). Супруга лорда; общее обращение к женщине, соответствующее нашему «милостивая государыня». Прежде почетный титул королевы Англии, затем принцесс королевской крови» [356];

Словарь М. И. Михельсона: «англ. lady, от англ.-сакс. Hlaefdie, hlaefdige, от hlaf, хлеб, idige, родительница, управительница. Супруга лорда» [335];

Словарь Ф. Ф. Павленкова: «Леди или лэди титул жен английских аристократов; в разговорной речи – вежливое назв. всякой женщины [341].

Можно сделать вывод о том, что в первой половине XIX века и позже, в конце XIX – начале XX века, не существовало четких норм написания этого слова.

И. А. Гончаров отмечал: *В театрах видел я благородных леди: хороши, но чересчур чопорно одеты* [401]. В данном примере слово «леди» употреблено в прямом значении. В следующих фразах автор иронично называет словом «леди» женщин, не принадлежащих высшему обществу: *леди и мисс, которые, поравнявшись с вами на улице, дарят улыбкой или выразительным взглядом; портсмутской леди, продающей рыбу* [401].

М. Ю. Лермонтов писал в романе «Княгиня Лиговская»: *...благородная леди, принадлежавшая к классу blue stockings <"синих чулок"> и некогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверых и смотрела в четыре глаза, если считать стекла двойного лорнета, в которых было не менее выразительности, чем в ее собственных глазах* [412]. М. Ю. Лермонтов очень красочно и довольно критично описывает героиню, даже стекла ее лорнета «полны выразительности». Сама героиня – «гонительница» Байрона, что свидетельствует, вероятно, о ханжестве. Фраза *blue stockings <"синих чулок">* тогда употребленная в виде варваризма и еще, по-видимому, не освоенная, сегодня является нарицательной.

Английские афоризмы относительно понятия леди гласят: «Леди — это не джентльмен (Джордж Б. Кэбелл). Леди – это женщина, которая делает мужчину

похожим на джентльмена (Рассел Лайнз)» [345].

Большое количество примеров дает основание вычленивать из ЭМ «англичанка» МЭМ «Англичанка-леди». Она функционировала в русском языковом сознании в XVIII, XIX веке. Сегодня МЭМ «леди» также используется в устной и письменной речи.

4.2.2. Миниэтномифологема «англичанка-девка»

П. И. Макаров отмечал: *Вообразите богиню любви, когда она вышла из Океана <...> Представьте себе глаза небесного цвета, волосы светлорусые, мягкие как шелк, стан прелестной. Представьте земное существо, ближайшее к наружному совершенству. Теперь должно испортить всю картину. Друзья мои! Вздохните из глубины сердца: Гурии, которых я описывал, торгуют своими прелестями. – Они составляют особый класс лондонских девок [414, с. 8];*

Лондонские женщины, которых покупают за две гинеи, не стараются быть любезными: они похожи на стыдливых невест, обвенчанных принужденно [414, с. 12].

Описание П. И. Макаровым лондонских девок эстетически положительно. Так он не описывал даже благородных дам. В следующей цитате автор представляет, какая судьба приводила девушек к подобному роду занятий. Это, возможно, объясняет их прелестную внешность:

Они почти все из хороших семейств и довольно хорошо воспитаны. Обольщенные Лордами <...> увезенные из дому родительского, несчастные красавицы, переменяя несколько любовников <...> прибегают (может быть из отчаяния) к последней крайности порока и унижения... Были примеры, что такая девка вышла за муж, сделалась верными супругами и хорошими наставницами детям [414, с. 10].

П. И. Макаров называет женщин данного рода занятий «Лаисами»: *...вместо Лаис показывает невинных жертв, кротких и любезных, достойных сожаления и нежного чувства [414, с. 10-11].* То же имя находим в стихотворении А. С. Пушкина: «Лаиса, я люблю твой смелый, вольный взор» [422]. В примечаниях к стихотворению говорится: «Именем Лаиса называли

куртизанок (по имени известной греческой гетеры, жившей в IV в. до н. э. в Коринфе). К кому именно обращены эти стихи – не установлено» [422]. По-видимому, имя Лаиса было нарицательным в XIX веке.

П. И. Макаров употребляет неожиданное сравнение: *«похожи на стыдливых невест»*, называет посессивные свойства *«благопристойность»*, *«опрятность»*, *«безкорыстие»* и атрибутивы *«стыдливых»*, *«умной»*, *«скромное»*, *«невинных»*, *«кротких и любезных»*. Данный лексический материал свидетельствует о глубоком сочувствии автора, а также о том, что в России женщины подобного рода занятий очень отличались от английских. Причины, по-видимому, кроются в различиях социальной иерархии и общественно-политических условиях двух стран.

В приведенных цитатах П. И. Макаров употребляет слово «девки» с определенным значением (куртизанка). То же значение вкладывал в слово «девки» Д. И. Фонвизин, описывая куртизанок во время своего путешествия во Францию в конце XVIII века [441]. В словаре В. И. Даля семантическое наполнение слова «девка» не включает значение, вкладываемое П. И. Макаровым и Д. И. Фонвизиным: «Всякая женщина до замужества своего. Дева, девица, девица; девка, девочка, девушка; Девка красна до замужства. Все девушки красны, все хороши, а отколь берутся злые жены? О девке худа не молви. Про девку не молви» [321, с. 508]. Возможно, данное значение слова отсутствует в словаре В. И. Даля по этическим соображениям или нормам цензуры.

Параллельно со словом «девки» автор употребляет более иносказательное название подобного класса женщин: *Нигде в свете нет столько разпутства, как в Лондоне. По ночам видишь множество Венериных жриц на всех улицах* [414, с. 9]. Н. М. Карамзин употребляет сходное выражение: *Портные, сапожные и самые нимфы Венерины, там сидящие отправляют свое ремесло* [408, с. 447]. В обоих выражениях «Венерины жрицы» и «Венерины нимфы» присутствует притяжательное прилагательное Венерины, происходящее от имени античной богини любви и красоты Венеры. В словаре В. И. Даля толкование сходно с

современным: «Венера ж. планета, между которою и марсом земля наша обращается вокруг солнца. | Раковина венерка, Venus: названия эти и следующие взяты из греческой боговщины, от имени богини любви» [321, с. 177].

И. А. Гончаров писал: *Еще оставалось бы сказать что-нибудь о тех леди и мисс, которые, поравнявшись с вами на улице, дарят улыбкой или выразительным взглядом, да о портсмутских дамах, продающих всякую всячину; но и те и другие такие же, как у нас* [401]. Фраза «такие же как у нас» говорит о том, что автор, в отличие от Карамзина, видел схожесть в женщинах такого рода занятий в Англии и России;

Гоголь отчасти испортил мне впечатление, которое производят англичанки: после всякой хорошенькой англичанки мне мерещится капитан Копейкин [401]. В данном высказывании заключалась для современников автора шутка, И. А. Гончаров имел в виду повесть о капитане Копейкине, рассказанную почтмейстером в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: *Зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в Лондоне, приказал подать себе котлетку с каперсами, пулярку спросил с разными финтерлеями; спросил бутылку вина, ввечеру отправился в театр - одним словом, понимаете, кутнул. На тротуаре, видит, идет какая-то стройная англичанка, как лебедь, можете себе представить, эдакой. Мой Копейкин - кровь-то, знаете, разыгралась – побежал было за ней на своей деревяшке: трюх-трюх следом, - "да нет, подумал, на время к черту волокитство, пусть после, когда получу пенсион, теперь уж я что-то слишком расходился* [397]. Капитан Копейкин видит перед собой, по-видимому, не настоящую англичанку. Ирония Н. В. Гоголя заключается в том, Копейкин, пообедав «в Лондоне», то есть в ресторане «Лондон», выйдя из него видит женщину определенного рода занятий. И она для него в этот момент – англичанка.

В. И Карасик в статье «Культурные доминанты в языке» осуществляет сравнительный анализ английских и русских пейоративов и приходит к выводу, что в английском языке в два раза больше слов, обозначающих развратных и сварливых женщин, чем в русском языке [98, с. 166-205].

Большое количество примеров дает основание вычленивать из ЭМ «англичанка» МЭМ «англичанка-девка». Она функционировала в русском языковом сознании в XVIII, XIX веке. Сегодня указанная МЭМ в отношении англичанок практически не представлена.

4.2.3. Миниэтномифологема «англичанка-гувернантка»

И. А. Гончаров: *Не судите о красоте англичан и англичанок по этим рыжим господам и господам, которые дезертируют из Англии под именем шкиперов, машинистов, учителей и гувернанток, особенно гувернанток: это оборыши; красивой женщине незачем бежать из Англии: красота - капитал. Ей очень практически сделают верную оценку и найдут надлежащее приспособление. Женщина же урод не имеет никакой цены, если только за ней нет какого-нибудь особенного таланта, который нужен и в Англии. Одно преподавание языка или хождение за ребенком там не важность: остается уехать в Россию [401].* По-видимому нелюбимое мнение о внешности английских гувернанток бытовало среди русской интеллигенции. В повести «Барышня – крестьянка» А. С. Пушкин описывает гувернантку мисс Жаксон в сатирическом тоне: *<...> мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурьмила себе брови, два раза в год перечитывала «Памелу», получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в этой варварской России [425];*

Стол был накрыт, завтрак готов, и мисс Жаксон, уже набеленная и затянутая в рюмочку, нарезывала тоненькие тартинки [425].

А. П. Чехов в рассказе «Дочь Альбиона» большое создал образ англичанки-гувернантки: *Возле него стояла высокая, тонкая англичанка с выпуклыми рачьими глазами и большим птичьим носом, похожим скорей на крючок, чем на нос. Одея она была в белое кисейное платье, сквозь которое сильно просвечивали тощие, желтые плечи. На золотом поясе висели золотые часики. Она тоже удила [442].*

В том же рассказе помещик Грябов дает подробную характеристику англичанки в следующей цитате.

Цитата из рассказа А. П. Чехова «Дочь Альбиона» представлена в приложении Л (с. 279).

В цитатах из текстов А.С. Пушкина и А. П. Чехова прослеживается общая черта англичанок: описываются женщины уже не молодые, особенно для того времени. Однако одна «сурьмит брови» и «белится», вторая одета в кисейное платье, больше подходящее для девушек. Это, по-видимому, выглядело смешно. Также общая черта – очень значительные суммы, зарабатываемые в России («две тысячи рублей» в первом случае и наличие золотых часов во втором). В рассказе А. П. Чехова Грябов наделяет англичанку такими характеристиками как «кикимора», «стерлядь» «чертовка», «каналья», «тритон», «чучело». Про ее нос он говорит «как у ястреба», про глаза «бельмы», про талию «гвоздь». Все эта оценочная лексика крайне отрицательна по смыслу, даже груба. Следует обратить внимание на то, что А. П. Чехов вкладывает грубые слова в уста персонажа-помещика, который целыми днями только и ловит рыбу, не ездит на покос, не умеет обратиться к англичанке ни по-английски, ни по-французски и в итоге лезет доставать застрявший крючок в «костюме Адама» прямо при даме, за что и получает от приятеля название «скотина». Таким образом, А. П. Чехов, верный своему юмористическому и подчас сатирическому стилю, скорее смеется и над помещиком Грябовым, и над англичанкой.

В воспоминаниях о А. П. Чехове его современников мы находим интересное описание общения самого писателя с некой англичанкой: «Рядом, в семье наших соседей, жила англичанка, гувернантка, маленькое худенькое существо с двумя длинными девичьими косами, в мужском костюме. Благодаря такому соединению не сразу разберешь ее пол, происхождение и возраст. Она обращалась с Антоном Павловичем запанибрата, что очень нравилось писателю. Встречаясь ежедневно, они говорили друг другу ужасную чепуху. Так, например, Чехов уверял англичанку, что он в молодости был турком, что у него был гарем, что он скоро вернется к себе на родину и станет пашой, и тогда выпишет ее к себе» [233]. Мы не можем судить, было ли все описанное в

действительности. Однако если верить этому, то общение Чехова с англичанкой было очень оригинальным и полным шуток, что не соответствует тем грубым словам, которые принадлежат герою рассказа Грябову.

Описания гувернантки англичанки у И. А. Гончарова, А. С. Пушкина и А. П. Чехова нелицеприятны, они создают образ некрасивой и неуспешной женщины, приехавшей из Англии. По-видимому, такой образ был типичен для XIX века.

Большое количество примеров дает основание вычленивать из ЭМ «англичанка» МЭМ «англичанка-гувернантка». Она функционировала в русском языковом сознании в XVIII, XIX веке. В наше время указанная МЭМ в отношении англичанок практически не представлена, то есть потеряла актуальность, так как само явление исчезло в XX веке.

4.2.4. Миниэтномифологема «англичанка-женщина из низкого сословия»

Русские путешественники, побывавшие в Англии, описывали и характеризовали женщин англичанок из низких сословий. Наиболее раннее найденное для данного исследования мнение относится к 1645 – 1646 годам и принадлежит русским послам:

Да в том же граде Лундане зделан двор для бедных людей, которые остаются от отца и матери меньшии 15 лет, и емлют тех на тот двор, поят и кормят миром, и платье дают готовое, и постели и поварня про них, и повары устроены. И приставлены к ним мастера, учат их в грамоте и всяким мудростям и промыслом, а девкам тож, мастерицы учат в грамоте и всяким мудростям [423].

А люди у них все учены в грамоте, мущины и женъщины во всей Земли... [423]. По-видимому, послов удивило отношение к сиротам и распространение грамотности среди женщин. В Российской Империи грамотность не была всеобщей вплоть до XX века.

Н. М. Карамзин приводит описание встречи его с новой служанкой: *София принесла мне чай, налила, по сильной просьбе моей сама выпила чашку,*

но никак не хотела сесть и при всяком слове краснелась, хотя я остерегался нескромности в разговоре с нею <...> С чувством скажу вам, друзья мои, что англичанки и в самом низком состоянии чрезвычайно любезны своею кротостию [408, с. 457]. Н. М. Карамзин особо отмечает такую черту как «кротость», англичанки «любезны» благодаря ей. Характеристика автором таких англичанок очень положительная, автор сочувствует им, что свидетельствует о его душевных и моральных качествах.

И. А. Гончаров характеризует англичанок из низкого сословия в следующих цитатах. Цитаты из произведения И. А. Гончарова представлены в приложении М (с. 279).

Автор достаточно бесцеремонно судит о женщинах из не аристократического круга, использует сравнительные обороты *«бегают около меня, как две почтовые лошади»*, *«убийственно, как сороки...твердят»*, *«это всё равно что поиграть с волчицей в лесу»*, рассказывает о телосложении англичанок, судит о бюсте и величине ног. Это свидетельствует о некотором пренебрежительном отношении к более низкому сословию, что является результатом как социального неравенства, существовавшего в XIX веке, так и, возможно, характера самого автора.

Мнения разных авторов очень различны, что не дает основание судить о цельном образе английской женщины из низкого сословия. Однако количество примеров и их выразительность дает основание вычленивать из ЭМ «англичанка» МЭМ «англичанка-женщина из низкого сословия». Она функционировала в XVII – XIX веке, сегодня указанная МЭМ практически не представлена, возможно, в силу социальных причин.

4.2.5. Миниэтномифологема «англичанка-чудака»

В «Вестнике Европы» за 1804 год содержится статья без названия неизвестного автора, в которой говорится: *Мисс Китти есть кумир, которому поклоняются все мужчины. Об ней розказывают многие довольно странные анекдоты. Например: она не давно ввела в моду разливать чай в ложе во время спектакля... Ей захотелось в Феврале земляники, которая нашлась только у*

одного славнейшаго Лондонскаго садовника и ее набралось не более самой маленькой корзинки, за которую садовник потребовал 20 гиней (около 200 рублей)... Мисс Китти заплатила 20 гиней, не торговавшись.- В Англии не торгуются: это не в тоне [383, с.141]. О мужчинах-чудаках рассматриваемые нами авторы писали часто, но не о женщинах. Эта заметка свидетельствует о том, что представления о чудачествах англичан вообще относились не только к мужчинам, но и к женщинам. Анекдотами в то время назывались просто истории, смешные или не смешные. Фраза «это не в тоне», по-видимому, означает «не прилично» и «не модно», так как в словаре В. И. Даля в толковании слова «тон» указано: «Общность речи и приемов человека, образ обращения его с людьми. Человек хорошего тона, знающий все светские приличия» [324, с. 415].

Свидетельством чудаковатости англичанок для русского восприятия являются также описания поведения и внешности англичанок-гувернанток, приведенные выше.

Данные примеры дают основание вычленить из ЭМ «англичанка» МЭМ «англичанка-чудака». Она функционировала в XIX веке. Однако позже, в XX веке и XXI, актуальность ее значительно утратилась.

4.2.6. Миниэтномифологема «любопытная англичанка»

И Н. М. Карамзин, и И. А. Гончаров говорят о такой черте характера англичанок как любопытность. Н. М. Карамзин отмечал: *Описания свои заключаю я примечанием на счет английского любопытства. Что ни пойдете вы здесь осматривать... везде находите множество людей, особливо женщин [408, с. 458].*

И. А. Гончаров: *Моряки особенно жаловались мне на недостаток любопытности в нашей публике ко всему, что касается моря и флота, и приводили в пример англичан, которые толпами, с женами и детьми, являются на всякий корабль, приходящий в порт. Первая часть упрека совершенно основательна, то есть в недостатке любопытства; что касается до второй, то англичане нам не пример. У англичан море - их почва: им не по чем ходить больше. Оттого в английском обществе есть множество женщин, которые*

бывали во всех пяти частях света. Некоторые постоянно живут в Индии и приезжают видеться с родными в Лондон, как у нас из Тамбова в Москву [401].

В данной цитате И. А. Гончаров словно оправдывает соотечественников, говорит, что «англичане нам не пример», но читая начало «Фрегат Паллада», мы видим, как комично и вместе трагично описывает автор свой отъезд, свои страхи, особенно страх и предостережения своих друзей и знакомых, прощающихся с ним перед путешествием, как перед верной гибелью: <...> *на меня смотрели с болезненным любопытством, как на жертву, обреченную пытке. - "Сопьетесь вы там с кругу! – пугали некоторые, – пресная вода там в редкость, всё больше ром пьют". – "Ковшами, я сам видел, я был на корабле", – прибавил кто-то. Одна старушка всё грустно качала головой, глядя на меня, и упрашивала ехать "лучше сухим путем кругом света". Еще барышня, умная, милая, заплакала, когда я приехал с ней прощаться [401].* То есть русских женщин особенно пугали путешествия, и слова Гончарова о том, что «в английском обществе есть множество женщин, которые бывали во всех пяти частях света», свидетельствуют о любознательности и смелости англичанок.

Проанализированные примеры дают основание вычленить из ЭМ «англичанка» МЭМ «любопытная англичанка». Она функционировала в XIX веке. Однако позже, в XX веке, она утратилась.

4.2.7. Миниэтномифологема «прекрасная англичанка»

В «Статейном списке Ф. А. Писемского» – отчете русского посла царю за 1582 – 1583 год встречаем описание английской «княжны Марии Хантис». В соответствии с комментариями к документу Д. И. Лихачева, царь Иван Грозный хотел жениться на родственнице английской королевы Елизаветы, чтобы укрепить политические связи с Англией. Королева согласилась познакомить девушку с послами. Сватанье это ни к чему не привело, так как королева, узнав о том, что царь убил своего сына, а также то, что у Ивана Грозного было уже к тому времени семь жен (из них пять – венчанных), не пошла дальше. Однако описание «княжны» было предоставлено царю: *И княжна Хунтинского Мария Хантис ростом высока, тонка, лицом бела, очи серы, волосом руса, нос прям, у*

рук пальцы тонки и долги [420, с. 154]. Также посол Федор Писемский говорит королеве: *племянница твоя красна <...> она ся ему полюбит* [420, с. 154]. Характеристика Мэри Хастингс является уникальной – во всех статейных списках практически не встречается описание внешности людей, исключение было сделано только в данном случае – для описания возможной жены царя, и оно полно положительных эстетических черт. Документ был секретным и должен был быть объективным описанием внешности девушки. Таким образом, можно утверждать, что мнение послов было искренне благоприятным.

П. И. Макаров писал: *Найдете и в других землях прекрасное лицо, но вместе с безобразным телом; найдете какой нибудь порок: здесь прекрасная женщина вся прекрасна* [414, с. 7];

Друзья мои! Хотите ли видеть образец красоты? ... Поезжайте, поезжайте в Лондон [414, с. 7];

Но всего прекраснее женщины: не лъзя смотреть без движения, без удовольствия, на миловидную Англичанку с Дианиным станом, когода она идет по улице в коротком Амазонском платье из темнаго, или чернаго казимира [414, с. 13].

П. И. Макаров использует эпитеты «прекрасное» (лицо), «прекрасная женщина», «вся прекрасна», «миловидную», а также характеристики «образец красоты», «Дианиным станом». Оценочная лексика очень положительна. Во фразе «с Дианиным станом» автор имеет ввиду античную богиню охоты, плодородия, растительного и животного мира. Образ Дианы был очень популярен среди живописцев (В.Тициан, Ф. Буше, Я. Вермеер) и являлся эталоном красоты, грации и силы.

Отзыв Н. М. Карамзина об англичанках содержится в нескольких объемных цитатах из «Писем русского путешественника». Цитаты представлены в приложении Н (с. 280).

Н. М. Карамзин использует производные формы от прилагательного «милый»: «одеваются просто и мило», «Милые, милые англичанки!», «миловидными англичанками». Автор замечает не только красоту, но и ловкость,

силу, употребляет эпитеты по отношению к англичанкам: *«амазонки»*, *«Поэт назовет их лилиями»*, *«опаснее нимф Калипсиных»*; по отношению к Англии: *«землю красоты»*, *«ваш остров есть остров волшебства, очарования»*.

Н. М. Карамзин, говоря о *«нимфах Калипсиных»*, обращается, как это бывало не раз, к мифологическому сюжету. Калипсо – в древнегреческой мифологии – нимфа, жившая на острове Огигия и державшая на своем острове Одиссея. Таким образом, автор сравнивает англичанок с античной нимфой, а путешественников – с Одиссеем. Автор использует уменьшительно-ласкательный суффикс «к»: *«шляпки»*, *«ножки»*, что также говорит о его отношении. Лексика, использованная относительно англичанок Н. М. Карамзиным, – исключительно положительна.

И. А. Гончаров также подробно описал англичанок в следующей цитате.

Цитата И. А. Гончарова представлена в приложении О (с. 281).

И. А. Гончаров использует эпитеты *«прекрасны, стройны, с удивительным цветом лица»*, *«с лебединою шеей, с неуловимою грацией в позе и движениях»*, *«лучистых глазах»*. Все эти характеристики создают образ прекрасного неземного существа, особенно если учесть обычную критическую оценку И. А. Гончарова. Автор отмечает белизну кожи, что, безусловно, следует считать положительной чертой, так как белизна кожи считалась в то время одним из главных признаков красоты: *«необыкновенною белизной и ярким румянцем»*; *«и все-таки белое лицо»*, *«нежные лица - фарфоровой белизны»*.

Словосочетание «белое лицо» присутствует во многих пословицах русского языка и традиционно несет положительную семантическую нагрузку. Например: *«Выдь на крыльцо, покажи свое белое лицо»*, *«Моя роденька личиком беленька.»*, *«Личико беленько, да ума маленько»* [321, с. 152]. Фраза И. А. Гончарова *«Едва ли в другом народе разлито столько красоты в массе, как в Англии»* перекликается со словами Н. М. Карамзина *«Англию можно назвать землю красоты»*.

В другом высказывании И. А. Гончаров более критичен: *все - декольте, в белых мантильях, с цветами на голове, отчего немного походят на наших*

цыганок, когда последние являются на балюстраду петь [401].

Неизвестный автор раздела «Смесь» в журнале «Вестник Европы», 1802 г., в отличие от вышеприведенных авторов, не отмечает скромность и кротость англичанок: *Англичанки одеваются так же легко, как и французженки. Знатная Лондонская дама, славная прозрачностью одежды своей ...* [375, с. 335].

«Вестник Европы», 1803 г. содержит статью «Записки одной немецкой дамы, живущей ныне в Париже», которая дает нам представление о мнении немки об англичанках. Этот материал интересен особенно в гендерном аспекте, так как мы располагаем, в основном, мнениями мужчин. Неизвестная немецкая дама писала: «Англичанки, сюда приезжающие, не могут славиться красотой. Весьма не многия из них приятны лицом, и почти ни одна не умеет одеваться со вкусом» [379, с.199]. Эта цитата контрастирует с записями Н. М. Карамзина, П. И. Макарова, И. А. Гончарова, которые практически единодушно положительно и восторженно отзываются о внешности англичанок. Для немецкой дамы англичанки некрасивы. Мнение немки, безусловно, не может служить материалом для отображения образа англичанки в русском языковом сознании, однако благодаря мнению женщины – немки, мы можем предположить, что мнения русских женщин могли отличаться от похвалы русских авторов – мужчин.

Достаточное количество примеров дает основание вычлениить из ЭМ «англичанка» МЭМ «прекрасная англичанка». Она функционировала с конца XVI века по XIX век. Однако позже, в XX веке и сегодня, актуальность ее очень снизилась. Возможно, это связано с эстетическими нормами, которые резко изменились в XX веке.

4.2.8. Миниэтномифологема «семейная англичанка»

В тексте 1646 года находим мнение послов об английских женщинах: *А владеют домами жены, и мужем владеют, а жены мужей честнее* [423]. З. И. Рогинский, опубликовавший данный текст, отмечает, что это было не совсем так, но русские послы все же делали такие выводы, сравнивая положение женщин в России, где царили традиции домостроя [423]. Это уникальный

пример, когда мужчины в XVII веке отметили не только главенство женщин в семье, но и их большую честность. Этот факт представляет интерес в свете изучения развития эмансипации женщин. Отличался ли смысл слова «честный» в XVII веке от современного – судить трудно, так как в Словаре Академии Российской данное слово отсутствует.

Н. М. Карамзин дает описание женщин и их семей в следующих объемных цитатах. Цитаты Н. М. Карамзина представлены в приложении II (с. 282).

Автор употребляет характеристики *«скромны и благонравны»* *«воспитываемая для домашней жизни»*, *«украшая душу»*, описывает патриархальный, но не ограниченный уклад жизни англичан. Положительная оценка автора следует из фраз *«семья идет в свой садик, который разгоряченному воображению кажется по крайней мере уголком Мильтонова Эдема»*, *«делают одного человека сокровищем для другого»*. Следует обратить внимание, что Н. М. Карамзин два раза обращает внимание на красоту и здоровье детей, характеризует их метафорой *«кровь с молоком»*, называет *«одушевленными цветочками»*, что также свидетельствует об англичанках как о прекрасных матерях. Автор пишет, что жены идут под руку с мужем, *«а не с чичисбеем»*. В словаре А. Н. Чудинова содержится такое толкование слова «чичисбей»: «(ит. cicisbeo). Лицо, избранное, старинному обычаю, замужнею женщиною себе в проводники вне дома; в последнее же время этим именем называют любовника замужней женщины» [356].

Сходное мнение выражает и И. А. Гончаров: *«Кажется, женщины в Англии – единственный предмет, который пощадило практическое направление. Они властвуют здесь. Перед ними курится постоянный фимиам на домашнем алтаре»* [401]. Автор, как обычно, не столь восторжен, но уважение и положительная оценка присутствует. У него практическое направление *«пощадило»* женщин. Пощадить может злодей или разбойник, нечто отрицательное, чем и является для Гончарова излишняя практичность англичан. *«Перед ними курится фимиам»*, то есть, женщинам в семье служат, словно в храме.

В данном анализе присутствует наравне с мнениями русских авторов-мужчин мнение одной женщины-иностранки. Н. М. Карамзин приводит в «Письмах» высказывание французской маркизы об англичанках: *женщины здесь милостивы, и только: их дело разливать чай и нянчить детей* [408, с. 454]. Одна и та же черта англичанок, их благонравие и приверженность семейным ценностям, совсем иначе оценена светской дамой, француженкой. Однако этот пример все же доказывает, что указанные черты характера англичанок замечали люди разных стран, культур, а также разного пола.

Достаточное количество примеров дает основание вычленив из ЭМ «англичанка» МЭМ «семейная англичанка». Она функционировала в XVII, XVIII, XIX веках. Однако позже, в XX веке и сегодня, актуальность ее в русском языковом сознании очень снизилась.

Таким образом, в разделе «Этномифологема «англичанка» проанализировано 8 миниэтномифологем. Некоторые из них начали функционировать еще в XVI веке (например, «прекрасная англичанка»), XVII веке («семейная англичанка»). Однако большинство не представлено в столь ранних текстах, они содержатся в текстах XIX века. Только одна МЭМ («англичанка-леди») функционирует в полной мере в современном русском языковом сознании, остальные 7 МЭМ потеряли или только частично сохранили свою актуальность в наши дни. Образ англичанки в большинстве примеров позитивный, отображен с помощью положительных тропов: метафор, эпитетов, сравнений. Наиболее привлекает внимание русских путешественников значимость женщины в английском обществе, ее активность, красота.

ЭМ «англичанка» является важным аспектом для исследования образа Англии в русле нового направления в языкознании – лингвоимагологии.

Анализ МЭМ «прекрасная англичанка» и «англичанка-леди» отражен в статье «Миниэтномифологема «леди» и «прекрасная англичанка» как компоненты этномифологемы «англичанка» (лингвоимагологический аспект)» [254, с. 223 – 231].

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 4

В ходе работы над главой «Этномифологемы «англичанин» и «англичанка» как аспекты образа Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX вв.» были проанализированы 13 МЭМ. Из них в составе ЭМ «англичанин» – 5: «англичанин-джентльмен», «англичанин-чудак», «гордый англичанин», «пьющий англичанин», «тихий англичанин»; в составе этномифологемы «англичанка» – 8: «англичанка-леди», «англичанка-девка», «англичанка-гувернантка», «англичанка-женщина из низкого сословия», «англичанка-чудачка», «любопытная англичанка», «прекрасная англичанка», «семейная англичанка». Состав используемого материала, большое количество примеров позволил вычленить именно указанные МЭМ. МЭМ в составе ЭМ «англичанин» более стабильны во времени по сравнению с ЭМ «англичанка» и некоторые из них функционировали в XVIII, XIX, XX, XXI веках. Наиболее сохранившими свою актуальность на сегодняшний день являюся МЭМ «англичанин-джентльмен», «тихий англичанин», «пьющий англичанин». МЭМ в составе ЭМ «англичанка» менее стабильны во времени. Большинство из них утратили свою актуальность. Наиболее сохранилась к XXI веку МЭМ «англичанка-леди». По-видимому, меньшая стабильность компонентов ЭМ «англичанка» связана со стремительными изменениями социальной роли женщины в Европе XIX – XX века, с эмансипацией.

Количественно разная представленность МЭМ (5 и 8) в составе ЭМ «англичанин» и «англичанка» связана, возможно, с особенностью нашей работы: почти все авторы текстов – мужчины, следовательно, они больше внимания обращали на женщин и в результате ЭМ «англичанка» получилась более объемной и, зачастую, более интересной.

Так как для лингвоимагологии важнейшим аспектом является оценка, следует указать, что в большинстве примеров оценка зависит от реципиента. Одни и те же МЭМ могли быть восприняты рядом авторов этически либо эстетически по-разному. В результате различные характеристики способствовали многогранности и объемности МЭМ и ЭМ. Подобными

многогранными и неоднозначными по оценке МЭМ являются *«гордый англичанин»* и *«англичанка-девка»*.

Анализ ЭМ *«англичанин»* и *«англичанка»* является значительным аспектом исследования образа Англии конца XVI – первой половины XIX вв. Образ жителя определенной страны (в данном случае, Англии) является важным объектом для лингвоимагологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование проведено в русле лингвоимагологии как нового направления языкознания. Данное направление связано с межкультурной коммуникацией, лингвокультурологией, оно призвано исследовать образ одного народа или страны в языковом сознании другого народа. Объектом лингвоимагологии является образ страны и народа и его вербализация. В нашей работе объектом является образ Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX веков. Предметом лингвоимагологии являются оценочная лексика, прецедентные феномены, логоэпистемы, этномифологемы, языковые и неязыковые заимствования. Данные категории английского происхождения являются предметом нашего исследования. Цель лингвоимагологии состоит в анализе образа страны и народа в языковом сознании другого народа. Целью данной работы является анализ образа Англии исследуемого периода в русском языковом сознании. Методом лингвоимагологии является метод лингвоимагологической интерпретации текста. Указанный метод был применен в данном исследовании.

В ходе диссертационного исследования был изучен образ Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX веков в лингвоимагологическом аспекте. Репрезентация образа Англии была осуществлена на основе следующих лингвистических категорий: 1. Прецедентные феномены, которые включают а) прецедентные имена (антропонимы и топонимы), прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные тексты; б) логоэпистемы; 2. Заимствования, которые включают а) языковые заимствования; б) неязыковые межкультурные заимствования. 3. Этномифологемы и миниэтномифологемы в их составе. Были прослежены зарождение и динамика развития данных лингвистических категорий в исследуемый период.

Были проанализированы 28 прецедентных феноменов, из них 17 прецедентных имен (14 антропонима и 3 топонима), 1 прецедентное

высказывание, 4 прецедентных текста, 1 прецедентная ситуация, 5 логоэпистем. При анализе было выявлено, что наиболее многочисленная группа прецедентных феноменов – это прецедентные имена-имена англичан (11): «*Генри Филдинг*», «*Сэмюэл Ричардсон*», «*Горацио Нельсон*», «*Джордж Гордон Байрон*», «*Джон Мильтон*», «*Елизавета I*», «*Исаак Ньютон*», «*Лоренс Стерн*», «*Уильям Питт Младший*», «*Уильям Шекспир*», «*Эдуард Юнг*». Далее следуют прецедентные имена-имена героев художественных произведений (3): «*Гамлет*», «*Грандисон*», «*Ловелас*». Анализ позволил сделать следующие выводы: соотношение количества имен в данных категориях свидетельствует о более высокой прецедентности и большей важности реальных известных людей-англичан для русского языкового сообщества.

Уровень прецедентности имен-антропонимов чаще всего обозначен как национально-социумный, реже – социумный. Проанализировать динамику развития указанных прецедентных имен, то есть рассмотреть их в диахронии, не всегда представлялось возможным, так как доступные материалы содержат в основном примеры из текстов конца XVIII – XIX веков. Более ранние рассматриваемые тексты не содержат указанные имена англичан и их характеристики. Иногда прецедентные имена невозможно рассмотреть в диахронии, так как рассматриваются имена современников авторов текстов, и мы располагаем материалами только XIX века.

Уровень прецедентности имен политиков и общественных деятелей имеет тенденцию понижаться с годами («*Уильям Питт*»). Уровень прецедентности имен поэтов, писателей, ученых, а также героев произведений, в основном, более стабилен («*Д. Байрон*», «*И. Ньютон*»). Для антропонимов «*Ловелас*», «*Гамлет*» характерно употребление их с течением времени все более коннотативно, а не денотативно.

Были проанализированы 3 имени-топонима: «*Англия*», «*Лондон*», «*Темза*». Прецедентное имя «*Англия*» включало 2 компонента («*Англия – мощная политическая и военная держава*», «*Торговая Англия*»). Прецедентное имя «*Лондон*» включало 6 компонентов («*Противопоставление топонимов Лондон*

и Париж», «Тишина и многолюдность Лондона», «Лондонская погода», «Освещение Лондона», «Преступность в Лондоне», «Достопримечательности Лондона»), из которых последний включал дополнительно 3 компонента («Архитектура Лондона», «Бедлам», «Воксал»). Таким образом, самым насыщенным по составу и количеству примеров является топоним «Лондон». Соотношение количества примеров в данных категориях свидетельствует о более высокой прецедентности и большей важности топонима «Лондон» для русского языкового сообщества. Это можно объяснить тем, что именно в Лондон ездили путешественники, а, следовательно, и описывали его, именно Лондон был центром торговой, экономической и политической жизни Англии. Следующими по количеству упоминаний и значимости (по убыванию) следуют прецедентные имена «Англия» и «Темза». При рассмотрении прецедентных имен – топонимов анализировалась динамика развития, так как упоминания английских антропонимов содержатся в проанализированных материалах разных веков. Уровень прецедентности имен-топонимов обозначен как социумный и национально-социумный. Анализ показал, что уровень прецедентности прецедентных имен-топонимов в течение периода с конца XVI – первой половины XIX веков повышался.

Проанализировано одно прецедентное высказывание английского происхождения «*Poor Yorick!*», что свидетельствует о том, что данный вид прецедентных феноменов был изменчив, мог мало отражаться в письменных источниках, возможно, был более характерен для устной речи. Причиной могло быть и не очень широко распространенное владение английским языком. Данное прецедентное высказывание стабильно во времени, сохранило прецедентность до наших дней.

Были проанализированы 4 прецедентных текста английского происхождения («Гамлет», «Потерянный рай», «романы Л. Стерна», «романы С. Ричардсона и Г. Филдинга»). Небольшое количество прецедентных текстов говорит о том, что данный вид прецедентных феноменов был известен, прежде всего, литераторам либо читателям романов. Таким образом, за редким

исключением, прецедентность английских текстов в целом была не высока в пределах русского языкового сознания. Прецедентность данных тестов, как правило, утратилась либо снизилась. Исключением является трагедия У. Шекспира *«Гамлет»*, прецедентность которой значительно возросла в современный период.

Проанализирована 1 прецедентная ситуация (*«обращение к черепу»*), она сохранила и, возможно, увеличила уровень прецедентности. Данная ситуация в наши дни достигла, вероятно, универсального уровня прецедентности, так как к ней обращаются в разных сферах литературы и искусства в разных странах. Малочисленность примеров прецедентных ситуаций свидетельствует о нестабильности и изменчивости данного прецедентного феномена. Возможно, многие из них существовали в устной речи, анекдотах, рассказах, но утратили прецедентность с годами.

Проанализированы 5 логоэпистем (*«английский клуб»*, *«английская лошадь»*, *«английский сад»*, *«английский язык»*, *«английская собака / собачка»*). Для данного вида прецедентных феноменов характерна стабильность. Часто они динамично изменялись, наполнялись новыми коннотациями и значениями, но оставались значимыми в течение нескольких веков. Уровень их прецедентности менялся по-разному, зачастую высшего уровня прецедентности, то есть национального, они достигли после XIX века. Исключением является логоэпистема *«английская собака / собачка»*, уровень прецедентности которой понизился после XIX в. Логоэпистема *«английский сад»* частично стала семантическим неологизмом, поскольку современные специалисты по садоводству вкладывают в данное понятие другое значение. Логоэпистемы английского происхождения свидетельствуют об аккумулированном знании фактов и реалий английской культуры носителями русского языкового сознания. Обращение к таким фактам и реалиям и их заимствование служат аргументом в пользу значимости образа Англии для русского языкового сознания исследуемого периода.

Были проанализированы всего 24 языковых и межкультурных (неязыковых) заимствования. Языковые заимствования включают 8 рубрик, неязыковые заимствования – 1 рубрику. Количество проанализированных языковых заимствований – 23 (*мичман, слуп, вист, ровер, бифштекс, потаты, пудинг, ром, ростбиф, редингот, спенсер, билль, Таймс, кочи, денди, сэр, бомбаст, комфорт, прюдство, сплин, vulgar, асеи, янки*), количество проанализированных межкультурных заимствований – 1 (жест, или кинема, «*рукопожатие*»). Соотношение количества лексем в рубриках, содержащихся в разделе «языковые заимствования»: Человек. Характер и настроение – 5; Названия блюд и напитков – 5; Человек. Этнические инвективы – 2; Человек. Статусные и титульные наименования – 2; Социально-культурные явления – 2; Морская лексика – 2; Названия карточных игр – 2; Названия предметов одежды – 2; Транспорт – 1. Наибольшее количество заимствований содержат рубрики, связанные с характером, настроением человека и блюдами и напитками, следовательно, именно указанные сферы, связанные с образом Англии, представляли наибольший интерес для носителей русского языкового сознания. Рубрики «Человек. Этнические инвективы» и «Человек. Статусные и титульные наименования» вместе представляют наименования англичан и составляют 4 лексемы, что также свидетельствует о высоком интересе. Наименьшее количество языковых заимствований содержится в рубрике «Транспорт».

Проанализировано одно межкультурное заимствование – жест (кинема) «*рукопожатие*». Следует отметить, что жесты являются национально маркированными и заимствуются редко. В данном случае заимствование даже одного жеста свидетельствует о значимости и влиянии английской культуры на русскую в исследуемый период.

Указаны этапы освоения заимствований в соответствии с классификацией В. М. Аристовой (1. проникновение, 2. собственно заимствование, 3. укоренение). Большинство заимствований прошли все этапы освоения и стали частью языка-реципиента, часть – прошли частичное освоение («*кочи*»,

«бомбаст»), два остановились на этапе проникновения в язык («прюдство», «потаты»). Две лексемы («vulgar», «aceu») рассматриваем в качестве варваризмов, или иноязычных вкраплений, так как именно в таком виде они функционировали в русском языке до середины XIX века. Из них первая позже была полностью освоена (современное слово «вульгарный»), вторая никогда более не употреблялась. В основном анализируемые заимствования меняли свое значение с течением времени. Небольшая часть их практически не меняла значение в течение нескольких веков (например: «бифитекс», «вист»). Варианты написания, как правило, стабилизировались с течением времени.

Рассмотрены этномифологемы «англичанин» и «англичанка». В их составе были вычленены и проанализированы 13 миниэтномифологем. Из них в составе этномифологемы «англичанин» – 5: «англичанин-джентльмен», «англичанин-чудак», «гордый англичанин», «пьющий англичанин», «тихий англичанин»; в составе этномифологемы «англичанка» – 8: «англичанка-леди», «англичанка-девка», «англичанка-гувернантка», «англичанка-женщина из низкого сословия», «англичанка-чудачка», «любопытная англичанка», «прекрасная англичанка», «семейная англичанка». Состав используемого материала, большое количество примеров позволил вычленить именно указанные миниэтномифологемы. Компоненты этномифологемы «англичанин» более стабильны во времени по сравнению с компонентами этномифологемы «англичанка», и некоторые из них функционировали в XVIII, XIX, XX, XXI веках. Наиболее сохранившими свою актуальность на сегодняшний день являются миниэтномифологемы «англичанин-джентльмен», «тихий англичанин», «пьющий англичанин». Миниэтномифологемы в составе этномифологемы «англичанка» менее жизнеспособны. Большинство из них утратили свою актуальность. Наиболее стабильна вплоть до XXI века миниэтномифологема «англичанка-леди». По-видимому, более низкая стабильность компонентов этномифологемы «англичанка» связана со стремительным изменением социальной роли женщины в Европе XIX – XX веков. Количественно разная представленность компонентов (5 и 8) в составе этномифологем «англичанин» и «англичанка» свидетельствует о

том, что последняя в представлении авторов исследуемых текстов была более объемна и, зачастую, более интересна.

Так как для лингвоимагологии важнейшим аспектом является оценка, следует указать, что в большинстве примеров оценка зависит от реципиента. Одни и те же миниэтномифологемы могли быть оценены рядом авторов этически либо эстетически по-разному, что способствовало многогранности и объемности. Подобными многогранными и неоднозначными по оценке миниэтномифологемами являются «гордый англичанин» и «англичанка-девка».

Указанные лингвистические категории репрезентировали образ Англии в русском языковом сознании конца XVI – первой половины XIX веков в лингвоимагологическом аспекте.

В результате исследования были достигнуты следующие **результаты**:

1) Был разработан и применен **метод лингвоимагологической интерпретации текста**. С помощью данного метода выявляется связь значения слова с реалиями исследуемого периода, а также прослеживаются исторические изменения, пережитые первичной формой и значением слова, прослеживается динамика изменения слов и понятий. Основополагающей для метода является оценка и характеристика лексики, которая выявляется через морфологические, синтаксические и стилистические особенности текста.

Оценка рассматривается в следующих аспектах: а) оценка авторами исследуемых текстов (реципиентами) стран и их жителей; б) оценка автором диссертации указанных реципиентов и их текстов, то есть оценка оценивающих и того, что они характеризовали.

2) Разработан **механизм анализа образа страны** в лингвоимагологическом аспекте. Он состоит в анализе прецедентных феноменов (в том числе логоэпистем), заимствований (языковых и неязыковых), этномифологем. Были созданы два новых термина, так как обработка материала показала лакуны в терминологии применительно к использованному материалу: а) термин «**национально-социумные прецедентные феномены**» (в нашей работе данный термин относится к прецедентным феноменам, бывшим широко

известными в среде образованного населения России); б) термин **«миниэтномифологема»**, поскольку возникла необходимость в номинировании компонентов этномифологем вследствие значимости данных компонентов.

3) Были выявлены 3 семантические неологизма английского происхождения: понятия **«вокзал»** и **«бедлам»** (в ходе анализа прецедентных имен-топонимов); логоэпистема **«английский сад»**. Данные понятия частично или полностью изменили лексическое значение, наполнились новым смыслом в наше время по сравнению с исследуемым периодом.

4) Впервые оформлены и проанализированы 5 логоэпистем английского происхождения: **«английский клуб»**, **«английская лошадь»**, **«английский сад»**, **«английский язык»**, **«английская собака / собачка»**. Из всего возможного многообразия словосочетаний с компонентом «английский» именно данные словосочетания были вычленены при помощи индуктивного метода. Поводом для их вычленения стали такие факторы как частота упоминания и насыщенность оценочной лексики, что свидетельствует о значении данных логоэпистем для русского языкового сознания.

5) Впервые описан жест (кинема) **«рукопожатие»** как межкультурное заимствование, пришедшее из английской культуры. Оформление данной кинемы как межкультурного заимствования стало возможным вследствие ее частого упоминания, значимости и прямой номинации данного жеста как английского в исследуемых текстах.

6) Впервые описаны: английские заимствования **«потаты»**, **«кочи»** (в значении «запряженная повозка»); лексемы **«прюдство / прюдничать»** в качестве английских заимствований.

7) Были проанализированы особенности **индивидуальной оценки авторами образа Англии (вариантов) и совокупность их оценок, составляющих образ Англии в русском языковом сознании исследуемого периода (инварианта)**. Большинство авторов исследуемых текстов являлись яркими представителями общественно-политической жизни России, одаренными литераторами, совокупность их индивидуальных оценок несет

особенное значение для формирования образа Англии в лингвоимагологическом аспекте.

8) **Выявлено:** образ Англии в русском языковом сознании начал формироваться в конце XVI века. К данному периоду относятся первые отраженные в текстах упоминания Англии, англичан, реалий их жизни. Особенная актуальность образа Англии для русского языкового сознания сформировалась в середине XIX века, что доказывает анализ лексических категорий и их важность.

Теоретическая значимость результатов работы заключается в направленности на решение задач лингвоимагологии, разработке методики изучения образа страны в лингвоимагологическом аспекте.

Практическая значимость полученных результатов работы определяется тем, что результаты работы могут быть использованы в процессе филологических и исторических исследований, в учебном процессе в университетах в спецкурсах по русскому языку, а также в курсе английского языка и лексикологии, лингвокультурологии, страноведения, лингвострановедения, межкультурной коммуникации, лингвоимагологии.

В современном мире особое значение имеют взаимоотношения стран и народов, их взаимодействие и диалог. Для этого актуальным является исследование образа одной страны и народа в языковом сознании жителей другой страны. В данном исследовании был освещен один из аспектов лингвоимагологии – образ Англии и процесс его формирования в русском языковом сознании.

Возможности лингвоимагологического исследования образов разных стран и народов в языковом сознании других народов открывают в языкознании широкие перспективы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) / М.П. Алексеев М.: Наука 1982 г. — 860с.
2. Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений. / М.П. Алексеев — Л.: Изд. Ленингр. унив., 1964. — 213 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: / Н.Ф. Алефиренко — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. — 152 с.
4. Апресян Ю. Д. Русская языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 912 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=book_jakmis1
5. Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). / В.М. Аристова — Л.:Изд-во ЛГУ, 1978. — 150с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — I-XV, 896 с
7. Арутюнова Н. Д. Проблема числа // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2005. С. 5–21.
8. Архипенко Л. М. Іншомовні лексичні запозичення в українській мові: етапи і ступені адаптації (на матеріалі англіцизмів у пресі кінця XX — початку XXI ст.)/ Л.М. Архипенко Дис...канд.філол.наук: 10.02.01. — Х.: Харківський держ.ун-т ім. В.Н. Каразіна, 2005. — 314с.
9. Ахманова Н. Д. Лингвистика и семиотика. / Н.Д. Ахманова // М.: Изд-во МГУ, 1979.— 347с.
10. Ахманова Н. Д., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / Н.Д Ахманова И.В. Гюббенет // ВЯ. - 1977. - №3. — 347 с.

11. Багдасарова Э. В. Глагольная лексика в современном английском языке: этимологический, словообразовательный и семантический аспекты: на основе анализа словаря The Oxford Dictionary of Current English: Дис. . канд. филол. наук / Э.В. Багдасарова 10.02.04, Белгород, 2006, 176 с.

12. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. / А.К. Байбурин — СПб.: Наука, 1993. – 203 с.

13. Байбурин А. К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки./ А.К. Байбурин, А.Л. Топорков — Л.: Наука, 1990. – 198 с.

14. Бацевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии /Ф. С. Бацевич, Т. А. Космеда. – Л. : «Світ», 1997. – 397 с.

15. Барт Р. / И. П. Ильин. // Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М. : Интрада, 1996. – 255 с.

16. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. / М. М. Бахтин Искусство. Москва. 1986 – 445 с.

17. Белова Н. А., Николаева Е. А. Мозаика мировых культур в зеркале русской литературы: интегративный и культурологический подходы к изучению словесности (замечки о русском видении испанской культуры) / Н.А. Белова, Е.А. Николаева [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozaika-mirovyh-kultur-v-zerkale-russkoy-literatury-integrativnyy-i-kulturologicheskiy-podhody-k-izucheniyu-slovesnosti-zametki-o>

18. Бестужев-Рюмин К. Н. Карамзин Николай Михайлович // Русский биографический словарь : в 25 томах. — СПб.—М., 1896—1918. – 603 с.

19. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). — М. : Советский писатель, 1967. – 230 с.

20. Бриченкова Е. С. Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 /Бриченкова Е. С.; [Место защиты: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина] Москва, 2007 230 с.

21. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. - 2-е изд., пересмотр. и доп. - Киев : Изд-во Киев. гос. ун-та, 1957. - 491,
22. Бурвикова Н. Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. Н.Д. Бурвикова В.Г. Костомаров - СПб.: Златоуст, 2006. - 68с.
23. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 263-305.
24. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Русский язык в научном освещении. — М. — 2002. — №2. — С. 6—34.
25. Вежбицкая А. Сравнение — градация — метафора / А. Вежбицкая // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. — С. 133—152.
26. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой / А. Вежбицкая. — М. : Русские словари, 1996. — 416 с.
27. Великая хартия вольностей. Дается по переводу, сделанному академиком Д. И. Петрушевским в сборнике «Памятники истории Англии XI—XIII веков» (М., 1936) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/12001220/Magna_charta1215/text2.phtml?id=4789
28. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного./ Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров – М., 1990. – 250 с.
29. Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории // Исследования по истории класса служилых землевладельцев. – 181 с.
30. Вильчинская А. Г. Метафора как средство выражения языкового символа (на материале очерка «Мой Пушкин» М. И. Цветаевой) / Вильчинская А. Г. // Актуальні проблеми східнослов'янської філології. Серія: лінгвістика і літературознавство: міжвуз. зб. наук. ст. – Бердянськ : БДПУ, 2013. — Вип.

XXVII. — Ч. 3. — С. 515—521.

31. Вильчинская А. Г. Функции прецедентных феноменов в метафорическом континууме / А. Г. Вильчинская // Мова і культура. — 2012. — Вип. 15. Т.7. — С. 141—146.

32. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. / В.В. Виноградов: Учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. Школа, 1982. – 528с.

33. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — 654 с.

34. Виноградов В. В. О языке художественной прозы : избр. труды / В. В. Виноградов. — М. : Наука, 1980. — 360 с.

35. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — М. : Наука, 1977. — С. 162—189.

36. Водоватова Т. Е. Актуальное членение речевых произведений на сверхфразовом уровне / Т. Е. Водоватова // Вестник Самарского университета. — 2006. — №1. — С. 139—145.

37. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 24. – М., 2003. – С. 5–12.]

38. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Психология развития человека / Л. С. Выготский. — М. : Смысл; Эксмо, 2005.– 356 с.

39. Выготский Л. С. Психология искусства / предисл. А. Н. Леонтьева; коммент. Л. С. Выготского, В. В. Иванова; общ. ред. В. В. Иванова. 3-е изд. / Л. С. Выготский. – М. : Искусство, 1986. — 573 с.

40. Вульф А. Н. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским / А.Н. Вульф [Электронный ресурс]. — Режим доступа:
<http://pushkin.niv.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-52.htm>

41. Гак В. Г. Человек в языке / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Д. Левонтина / В. Г. Гак. — М. : Издательство «Индрик», 1999. — С. 73—80.

42. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.

43. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5е, стер. / И. Р. Гальперин. — М. : КомКнига, 2007. — 144 с.

44. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — 348 с.

45. Гаспаров М. Л. Избранные труды. Том IV : Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации / М. Л. Гаспаров. — М. : «Языки славянской культуры», 2012. — 720 с.

46. Гаспаров М. Л. Литературный интертекст и языковой интертекст / М. Л. Гаспаров. // Известия РАН. Серия литературы и языка. — Т. 61. — 2002. — № 4. — С. 3—9.

47. Гаспаров М. Л. Язык, память, образ : Лингвистика языкового существования / М. Л. Гаспаров. — М. : Новое литературное обозрение, 1996. — 131 с.

48. Герасименко І. А. Семантика російських кольоропозначень : моногр. / І. А. Герасименко. — Горлівка : Вид-во ГДПШМ, 2010. — 440 с.

49. Голев Н. Д. От редактора: инвективная и манипулятивная функция языка // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005. — 205 с.

50. Гойхман О. Я. Особенности профессиональной речевой коммуникации в СМИ // Медиалингвистика. Вып. 4. Под ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Н. С. Цветова. СПб, 2015. С. 14—17.

51. Голубов С. Н., Григоренко В.В., Гудзий Н.К., Макашин С.А, Оксман Ю.Г. А. П. Чехов в воспоминаниях современников / [Под общей редакцией] Издательство «Художественной литературы», Москва, 1960 [Электронный

ресурс]. - Режим доступа: <http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/271/page/263>

52. Гребинник Л.В. Немецкие заимствования в русском языке. Дис. канд. фил наук: 10.02.02. – К.:НПУ им. М.П. Драгоманова, 2006 – 310с.

53. Грекова О. К. Сознание и язык. О явлениях динамики и статики в языке М. И. Цветаевой / О. К. Грекова // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей 216 / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М. : МАКС пресс, 2001. — С. 81—85.

54. Григорьев В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. — М. : Наука, 1979. — 343 с.

55. Грот Я. Русское правописание, руководство, составленное по поручению второго отделения Императорской Академии Наук академиком Я.К. Гротом. Одиннадцатое издание. Санкт Петербург.Типография Императорской Академии Наук. (Вас.Остр.,9 лин., №12.) 1894. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.biografia.ru

56. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков // Москва, Гнозис 2002 – 288с.

57. Гудков Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д. Б. Гудков. // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации : [сб. статей]. – И., 1997. – С. 116–129.

58. Гудков Д. Б. Прецедентные имена и парадигма социального Поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации : [сб. статей]. – М., 1996. – С. 114–136.

59.Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности [моногр.] / Д. Б. Гудков. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.

60. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М., 2003. URL: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#z_19

61. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: пер с нем./ Общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева / В. фон Гумбольдт. — М. : ОАО ИГ \Прогресс\, 2000. — 400 с.

61. Гудков Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. 140 с.
62. Гурская Ю. А. Личное имя как особый языковой знак / Ю. А. Гурская. // Мова і культура : III Міжнарод. конф. : Доп. та тези. – Т. 2. – К. : Вид. Дім Дмитра Бураго, 1994. – С. 63–65.
63. Гюббенет И. В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском языке) / И. В. Гюббенет. – М. : Издательство Московского Университета, 1981. – 112 с.
64. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк ; [пер. с англ. В. И. Герасимова]. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
65. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI - XX вв.: Исторические очерки. - М.: Эдиториал УРСС, 2001.- 784 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dlib.eastview.com/browse/doc/4158822>
66. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие: М., 2003. URL: <http://www.infolex.ru/SMI1.htm>
67. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33
68. Дубин Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. // Б. В. Дубин . М., 2004 – 241 с.
69. Дмитровская М. А. Знание и мнение : образ мира, образ человека / М. А. Дмитровская // Логический анализ языка : Знание и мнение : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова / М. А. Дмитровская. — М. : Наука, 1988. — С. 6—18.
70. Доценко Е. Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита [Текст] / Е. Л. Доценко. — М. : ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. — 344 с.
71. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. / Т.М. Дридзе – М., 1984. <http://evartist.narod.ru/text14/95.htm>
72. Дридзе Т.М., Леонтьев А.А. [отв. ред.]Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Т.М. Дридзе,

А.А. Леонтьев М.: Наука, 1976. — 153 с.

73. Жельвис В.И. «Мы одной крови — ты и я!»: Учебное пособие по межкультурной коммуникации. — Ярославль: ЯГПУ—Канцлер, 2006. — 256 с.

74. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2002. С. 5–18

75. Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / А. А. Залевская ; [под ред. В. М. Уфимцевой]. // Языковое сознание и образ мира – М. : РАН, 2000. – С. 39–54.

76. Залевская А. А. Текст и его понимание : [учеб. пособ.] / А. А. Залевская. – Тверь : ТверГУ, 2001. – 177 с.

77. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 540 с.

78. Замлелова С. Г. Приблизился предающий... : Трансгрессия мифа об Иуде Искарите в XX-XI вв. : моногр. / С. Г. Замлелова. — М., 2014. — 272 с.

79. Захаренко И. В. Лингвокогнитивные аспекты функционирования: Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации / И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 1997. – С. 100–115.

80. Захаренко И. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева. // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. – М. : Гнозис, 1997. – С. 82–103.

81. Захаренко И. В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте: Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации / И. В. Захаренко. – М. : Гнозис, 1997. – С. 92–99.

82. Захаров Н. В. У истоков русского шекспиризма: А. П. Сумароков, М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин (Шекспировские штудии XIII). — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2009. — 267 с.

83. Есин Б. И. Русская журналистика в начале XIX в. / Есин Б. И. История русской журналистики (1703—1917). — М: Флинта: Наука, 2000. — 234 с.

84. Иванова Л.П. Африка глазами Н. Гумилева (лингвоимагологический аспект) Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 26 (65). № 1 – С. 471-477

85. Иванова Л.П. Жанровые основания лингвоимагологического анализа / Л. П. Иванова // сборник «Жанры речи», Саратов, 2016 №1, стр.148 -155.

86. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий. / Л. П. Иванова — К.: Издат. Дом Дмитрия Бураго, 2004 — 110 с.

87. Иванова Л.П. Когнитивный уровень языковой личности киевского школьника. Представленность мировой культуры / Л.П. Иванова //Язык и культура. – Вып.І, томV. с.77-83

88. Иванова Л.П. Общее языкознание. Курс лекций. [Научное пособие] / Л.П. Иванова - К.: «Освита Украины», 2010.-432с.

89. Иванова Л.П. [Пособие к спецкурсу] Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин.»): Учебное пособие к спецкурсу.– 2-е изд. доп. – /Л.П. Иванова – К.: Освита Украины, 2006. –140 с.

90. Иванова Л.П. Рецепция Франции в лингвоимагологическом аспекте / Л.П. Иванова // Мова і культура (науковий журнал). - К. : Изд. дом Д. Бураго, 2014. С.91-100

91. Иванова Л.П. Русский Берлин в лингвоимагологическом аспекте / Людмила Петровна Иванова. – К. : Изд. дом Д. Бураго, 2016. – 112с.

92. Иванова Л.П. Медиалингвистика в лингвоимагологическом аспекте / Л.П. Иванова // Сборник статей, Вып.5. Язык в координатах массмедиа : матер. I Междунар. Науч.- практ. конф. (6-9 сентября 2016 г. Варна, Болгария) / СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т , Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций» , 2016.- 290 с. Стр .165-166

93. Иванова Л. П. Концепт «море» в творчестве А. С. Пушкина / Л. П. Иванова // Крымский пушкинский научный сборник Морской вектор в русской литературе / Л. П. Иванова. — Симферополь: «Крымский архив», — С. 33—42.

94. Иванян Е., Кудлинська Х., Никитина И. Метафорические эвфемизмы деликатной темы в русском, польском и английском языках // Acta Universitas Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. 2012. № 8. С. 50–63.

95. История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941–1956.

96. История русской литературы : в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Редкол.: Н. И. Пруцков (гл. ред.), А. С. Бушмин, Е. Н. Куприянова, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, К. Д. Муратова. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983.

97. Казнина О. А Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. / О.А. Казнина Москва: Наследие, 1997. — 416 с.

98. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке// В.И. Карасик Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002. - С.166-205. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm>

99. Карасик В.И. Язык социального статуса. / В.И. Карасик М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. - 330 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/texts/karasik/status22.htm>

100. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : [моногр.] / В. И. Карасик ; ВГПУ. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с. ; 2-е изд. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

101. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения : [предисловие] : Язык и личность / Ю. Н. Караулов, Е. В. Красильникова. – М. : Наука. – 1989. – С. 3–10.

102. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Р. Караулов Изд. 7-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2010. - 264с.

103. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко. // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.

104. Карпущенко С. В. Быт русской армии XVIII — начала XX века. /

Автор-составитель С. В. Карпущенко.- М.: Воен издат, 1999. 366с.

105. Касевич В. Б. О когнитивной лингвистике / В. Б. Касевич // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. 6е изд., стер. / В. Б. Касевич. — М. : Флинта: Наука, 2011. — С. 192—200.

106. Кашкин В. Б. Этноним в наивной философии языка и картине мира / В.Б. Кашкин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kachkine.narod.ru/Articles2003/KachkineIdentity2002.htm>

107. Кашкин В. Б, Пейхёнен С Русское и финское коммуникативное поведение. / В.Б.Кашкин, С. Пейхёнен // Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 62-70

108. Кашкин В.Б., Пейхёнен С. Этнонимы и территория национальной души / В.Б.Кашкин, С. Пейхёнен [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2000/KachPoyh.htm>

109. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. / А.М. Кацев – Л., 1988 – 154 с.

110. Климовская Г. И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики : монография / Г. И. Климовская // ФЛИНТА. — 2011. – 138 с.

111. Кодухов В.И. Методы лингвистического анализа. / В.И. Кодухов – Л., 1963. – 235 с.

112. Кожин А. А. Нереминисцентная весомость имени литературного персонажа / А. А. Кожин. // Средства номинации и предикации в русском языке. – М., 2001. – С. 139–141.

113. Кожина М. Н. Стилистика текста в аспекте коммуникативной теории языка / М. Н. Кожина. // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 1987. – С. 4–23.

114. Колядич Т. М. Воспоминания писателей : Проблемы поэтики жанра : [моногр.] / Т. М. Колядич . – М. : МГПУ, 1998. – 277 с.

115. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – С.-Петербург: СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с.

116. Колесов И. Ю. Языковая репрезентация визуальной и аудиальной модальностей восприятия : монография / И. Ю. Колесов, В. Д. Максимов / И. Ю. Колесов. — Барнаул : АлтГПА, 2013. — 198 с.

117. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. — М. : Наука, 1990. — 106 с.

118. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. — М. : ЧеРо, 2003. — 349 с.

119. Котова Н. С. Осмысление амбивалентной языковой личности в свете феноменологических традиций начала XX в. / Н. С. Котова // Человек и язык : сборник статей к 90-летию доктора филологических наук, почетного профессора Альберта Августовича Гердта / Н. С. Котова. — Ростов н/Д. : ИПО ПИ ЮФУ, 2008. — С. 67—71

120. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века./ В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова Спб., 2001 – 72с.

121. Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. // Русский язык за рубежом. – 2004. – № 1. – С. 42–53.

122. Кошарная С. А. Миф и язык. Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. / С.А. Кошарная – Белгород. – 2002. – 285 с.

123. Кравченко А. В. От языкового мифа к биологической реальности : переосмысляя познавательные установки языкознания / А. В. Кравченко. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2013. —388 с.

124. Кравченко А. В. Язык и восприятие : когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004. –206 с.

125. Кравцова Ю. В. Метафорическая концептуализация мира в художественном тексте / Ю. В. Кравцова // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 9 : Сучасні тенденції

развитку мов. - 2013. - Вип. 10. - С. 149-159.

126. Красильникова Е.В. Язык города как лингвистическая проблема. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 5–18.

127. Красильникова Е.В. Язык и культура (к изучению языка города). Языковой облик уральского города. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 4–8.

128. Красильникова Е.В., Капанадзе Л.А. Лексика города. К постановке проблемы. Способы номинации в современном русском языке. Москва : Наука, 1982. С. 282–294.

129. Краснова Т. И. Дискурс : идеологема или термин. Медиалингвистика : науч. журн. 2017. № 1 (6). С. 16–39. 277.

130. Красных В.В. Национальный дискурс и коммуникация. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. Москва : ИТДГК „Гнозис”, 2002. – 284 с

131. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация / В.В. Красных. – М.: Диалог, 1998. – 350 с.

132. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева. // Вестн. МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.

133. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

134. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. / Г.Е. Крейдлин – М.: Новое литературное обозрение, 2002 – 592 с.

135. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. / Л.П. Крысин – М.: Наука, 1968. – 207с.

136. Крысин Л. П. О русском языке наших дней / Л.П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. - Пермь, 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>

137. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое./ Л.П. Крысин - М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с - 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://studiap.kubg.edu.ua/index.php/journal#.WtMIIdohubIU>

138. Крысин Л. П. Эвфемизмы в русской речи // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. – 145 с.

139. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. – 234 с.

140. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–37.

141. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5–6. С. 3–12.

142. Кузнецов А. М. Структурно- семантические параметры в лексике./ А.М. Кузнецов М.: Наука, 1980. – 287 с.

143. Купер И. Р. Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. 2000. 1–2. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html>

144. Ламинская Д.А Маругина Н.И. Концепт «природа» в русской и английской языковых картинах мира. Статья 1 // Язык и культура. 2010. № 2 (10). С. 36–46.

145. Левин Ю. «Английская литература в России XVIII века» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russianculture.ru/brit/histbr3.htm>

146. Леденева В.В. Идиостиль как система отношений / В.В. Леденева // Вестник тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2001. — №5. — Т.23. — С. 12—16.

147. Лейдерман Н. Л. Творческая индивидуальность писателя как объект изучения / Н. Л. Лейдерман. // Филологический класс. — 2005. — №14. — С. 11—23.

148. Леонтьев А. А. Язык и разум человека / А. А. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1965. — 128 с.

149. Лозова О. М. Психосемантика етнічної свідомості : монографія / О.М. Лозова / О. М. Лозова. — К. : Освіта України, 2007. — 402 с.

150. Лихачев Д. С. Жак Делиль - учитель садоводства // Делиль Ж. Сады: пер. с франц. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. - (Литературные памятники).- С. 210 - 213.

151. Лосев А. Ф. Философия имени / А.Ф.Лосев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_im/

152. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф : Тр. по языкознанию / А. Ф. Лосев. — М. : МГУ, 1982. — 479 с.

153. Лосев А. Ф. Имя : Избр. работы, переводы, беседы, исследования, архив. Материалы / А. Ф. Лосев ; [сост., общ. ред А. А. Тахо-Годи]. — СПб. : Алетейя, 1997. — 614 с.

154. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте М. -1982. / Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. Ред. В.Н. Ярцева,-М., Сов. Энциклопедия, 1990. — 685с.

155. Лотман Ю. М. «Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.shishlov.info/read/?act=10&page=201>

156. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). / Ю.М. Лотман СПб.: Искусство-СПб., 1994. 558 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/12_1/ot/man_00.htm

157. Лотман Ю. М. О русской литературе. Текст. / Ю. М. Лотман. — СПб. : «Искусство-СПб», 1997. — 799 с.

158. Лотман Ю. М. Семиосфера. Текст / Ю. М. Лотман. — СПб. : «Искусство-СПб», 2000. — 704 с.

159. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трёх томах [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. — М. : Александра. — 1992. — Режим доступа : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3207190>. — Лотман Ю. М. — Избранные статьи в трёх томах [1992, PDF/DJVU, RUS].

160. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. // Семиотика. — М.

: Гнозис ; Изд. группа «Прогресс», 1992. – 272 с.

161. Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. Евгений Онегин. Комментарий. / Ю. М. Лотман. — С.-Петербург : Искусство — СПб., 1995. — 845 с. 156

162. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман. // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология ; [под общ. ред. В.П. Нерознака]. – М., 1997. – С. 202-205.

163. Лукин В. А. Художественный текст : основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – М.: Ось-89, 2005. – 506 с.

164. Лукин В. А. Художественный текст : Основы теории и элементы анализа [Электронный ресурс] / В. А. Лукин. – М. : «Ось-89», 1999. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/biblio/research/hudtext0/>. – Грамота.ру

165. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.19. Волгоград, 2009.– 39 с.

166. Макогоненко Г. Николай Карамзин и его «Письма русского путешественника» [Вступительная статья] / Н.М. Карамзин М. Правда, 1988. - 544с.

167. Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. / Н. Марченко -М.:Изограф, Эксмо-Пресс, 2001.-368с.

168. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие / В. А. Маслова. — Минск : Выш. шк., 1997. — 156 с.

169. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: [Учебное пособие] / В. А. Маслова. - Мн.: ТетраСистемс, 2004. - 256 с.

170. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. /В. А. Маслова -М.: Издательский центр «Академия», 2001. -- 208с.

171. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб . пособие 5-е изд. / В. А. Маслова. — М. : Флинта: Наука, 2011. — 296 с.

172. Мороз А. А. Кольорові асоціації росіян по відношенню до англійців : лінгвоімагологічний аспект (на матеріалі мемуарів М. В. Берга "Крымские заметки") / А. А. Мороз // Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. праць. - Київ : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2016. - Вип. 10. - С. 199-207.

173. Морозова И. В. О перспективах междисциплинарных исследований в изучении Америки: американистика и имагология // Американский ежегодник 2008/2009. — М.: ИВИ РАН, 2010. — С. 91—94.

174. Муратов А. Б. Теоретическая грамматика А. А. Потебни / А. Б. Муратов. // А. А. Потебня. Теоретическая поэтика. — М. : Высш. шк., 1990. — 344 с. — С. 7–12.

175. Мурзин Л. Н. Язык, текст, культура / Л. Н. Мурзин. // Человек – текст – культура [под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой]. – Екатеринбург : Ин-т развития регионального образования, 1994. – С. 160–169.

176. Мыркин В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст / В. Я. Мыркин // НДВШ. Филол. науки, 1978, № 1. – С. 95–100.

177. Нессет Т. Пространство во времени? Ассиметрия предлога в в пространственных и временных конструкциях / Т. Нессет, А. Б. Макарова // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика/ сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев / Т. Нессет, А. Б. Макарова. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — С. 388—410.

178. Николаева Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. — М. : Языки славянской культуры, 2000. — 680 с.

179. Николина Н. А. Филологический анализ текста : [учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений] [Электронный ресурс] / Н. А. Николина. – Режим доступа : <http://any-book.org/download/44613.html>.

180. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 179 с.

181. Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. — М. : Флинта: Наука, 2013. — 254 с.

182. Орап М. О. Психология речевого опыта личности / М. О. Орап // Язык, речь, личность в зеркале психолингвистики : монография Л.В. Засекина, С.В. Засекин, А.Л. Лавриненко [и др].; под ред. д-ра психол. наук, проф. Л.В. Засекиной / М. О. Орап. — Луцк : Вэжа-Друк, 2014. — С. 73—94.

183. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) Монография. — Симферополь: АнтикВА, 2006. — 608 с. — ISBN 966-2930-09-4.

184. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 251—253.

185. Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. V. 5. Problemi dimorfosintassi delle lingue slave. Padova : Unipress, 1996. С. 163–185.*

186. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. — 2011. — № 4. — С. 31—40.

187. Папина А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории/ А. Ф. Папина. — М. : Эдиториал УРСС, 2002. — 368 с.

188. Песина С. А. Слово в когнитивном аспекте : монография / С. А. Песина. — М. : Флинта: Наука, 2011. — 344 с.

189. Петерсон В. М. Введение в языкознание М. / В. М. Петерсон // изд. Стеклогр. 1952 – 345 с.

190. Писаренко В. И. О когнитивной лингвистике и семантике слова \"когнитивный\" / В. И. Писаренко // Актуальные проблемы современной лингвистики : учеб. пособие/ сост. Л.Н. Чурилина. 6-е изд., стер. / В. И. Писаренко. — М. : Флинта: Наука, 2011. — 129 с.

191. Питина С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С. А. Питина. — Челябинск : Челяб. гос. ун-та, 2002. — 191 с.

192. Плахтий А. Л. / Вербализация концепта Англия в русском языке Дис. канд. фил. Наук А. Л. Плахтий // ДНУ им. О. Гончара, 2015г.
193. Полинниченко Д. Ю. Язык / Антология концептов. [Под ред. В.И. Карасика] Волгоград: Парадигма, 2005. — 352 с.
194. Полонский А. В. Публицистика как особый вид творческой деятельности // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. № 1. Т. 11. С. 56–61
195. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. М.-Берлин, 2015. – 127 с.
196. Потебня А.А. Слово и миф. / А.А. Потебня М.: Правда, 1989.-622с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://philologos.narod.ru/potebnja/poteb_lth.htm
197. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — М. : Искусство—СПб., 1976. — 616 с.
198. Потебня А. А. Теоретическая поэтика : [учеб. пособ. для студентов филол. ф-тов] / А. А. Потебня. – 2-е изд., испр. – М. : Изд. центр «Академия», 1990. – 384 с.
199. Почепцов Г. Г. Семиотика / Г. Г. Почепцов. —М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2002. — 432 с.
200. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. / Г.Г. Почепцов — Киев, 2006.
201. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : Учебное пособие / Ю. Е. Прохоров. — М. : Флинта: Наука, 2004. — 224 с.
202. Пупышев П.Ф. Пособие по охотничьему собаководству, М., 1970; Пупышев П. Ф., [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.scilib.com/article069181.html>
203. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира : идеи, методы, решения / З. И. Резанова. // Вестник Томского государственного университета. Филология : научный периодический журнал. — 2010. — №1. — С. 26—43.

204. Резанова З.И., Катунин Д.А., Мишанкина Н.А. Метафорическое моделирование в языковой картине мира к обоснованию методов исследования // Вестник ТГУ. Серия «Философия. Культурология. Филология». — 2003. — № 277. — С. 164—171.

205. Розенталь Д. Э. Секреты стилистики / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб. — М. : Рольф, 1996. — 208 с.

206. Руденко Д. И. Имя в парадигмах «философии языка» // Д.И. Руденко Харьков, 1990. — 220 с.

207. Рыскин Е. И. Журнал А. С. Пушкина «Современник» : 1836—1837 : Указ. содерж.. — М. : Книга, 1967. — 93 с.

208. Селиванова Е.А. Мотивационная природа мифа в номинативной подсистеме русского языка /Е.А.Селиванова [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://selivanova.net/ru/publications/>

209. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрямки та проблеми : [підручник] Олена Олександрівна Селіванова. — Полтава : Довкілля-К, 2008. — 712 с.

210. Семиколенова Е. И. , Шилина А. Г.. Гендерные исследования как новый вектор современной лингвистики / Е.И. Семиколенова А.Г. Шилина [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/Articles/KultNar/knp44/knp44_152-157.pdf

211. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX века // Вестник РУДН. Сер. История России. — 2006. — № 2 (6). — С. 54—78.

212. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [пер. с англ.] / Э. Сепир. — М. : Прогресс ; Универс, 1993. — 656 с

213. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. / Б. А. Серебренников. — М. : Наука, 1988. — 216 с.

214. Серебренников Б. А. Языковая номинация (общие вопросы) / Б. А. Серебренников. — М. : Наука, 1977.— 358 с.

215. Симонова Т. Г. Трансформация цитаты в мемуарном тексте / Т. Г. Симонова. // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Материалы международной научной конференции. – Гродно, 2000. – С. 131–138.

216. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века : поэтика и типология жанра : [учеб. пособ.] / Т. Г. Симонова. – Гродно : Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», 2002. – 119 с.

217. Синельникова Л. Н. Аспекты теории подтекста в лирическом стихотворении (роль семантической композиции в формировании подтекста) / Л. Н. Синельникова. // Жизнь текста, или Текст жизни : В 3 т. – Луганск: Знание, 2005. – Т. 1: Лингвистическая поэтика. – 2005. – С. 163–177.

218. Синельникова Л. Н. Реминисценции из стихотворений Пушкина как делящаяся мысль / Л. Н. Синельникова. // Жизнь текста, или Текст жизни. – Луганск : Знание, 2005. – Т. 1: Лингвистическая поэтика. – С. 366–378.

219. Синельникова Л. Н. Лингвистика: настоящее время / Л. Н. Синельникова. // Вісн. Луган. держ. пед. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2001. – № 10 (42). – С. 10–16.

220. Сиротина О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротина. // Хорошая речь. – Саратов, 2001. – С. 16–28.

221. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н.Л. Сухачева. – СПб / Т. Г. Скребцова. – С.-Петербург : Анатолия, 2000. – 204 с.

222. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : Курс лекций. – СПб / Т. Г. Скребцова. – С.-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

223. Слива Т. В. Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке : дис. канд. фил. наук / Слива Т. В. – К., 2005. – 218 с. 234.

224. Слухай Н. В. Художественный образ в зеркале мифа этноса: М. Лермонтов, Т. Шевченко (лингвосомиотический аспект). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальностям

10.02.02. - русский язык, 10.02.01. - украинский язык. Киевский университет имени Тараса Шевченко. Киев, 1996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennyu-obraz-v-zerkale-mifa-etnosa-mlermontov-t-shevchenko-lingvosemioticheskiy-aspekt#ixzz5RLo8nIBu>

225. Слухай Н. В. Міфологічні джерела прагматикону текстів масмедіа / Н. В. Слухай. – Сімферополь : Кримський державний інженерно-педагогічний університет, 2004. – 108 с.

226. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. — М. : Academia, 2000. — 141 с.

227. Солнцев В.М. Абстракции и проблема абстрактных сущностей в лингвистике / В.М. Солнцев // Энгельс и языкознание: сб. статей М.: Наука 1972 с.81-106

228. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. — М. : Главная редакция изд-ва "Наука", 1971. — 294 с.

229. Солсо Р. Когнитивная психология. — 6 -е изд. / Роберт Солсо., 2011. — 589 с.

230. Солохина А.С. / Концепт "свобода" в английской и русской лингвокультурах : Дис. ... канд. филол. Наук Солохина А. С. 10.02.20 Волгоград, 2004 191 с. РГБ ОД, 61:04-10/1597

231. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 98–117.

232. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский. - Москва : Учпедгиз, 1959. - 135 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm>

233. Станиславский К. С. А. П. Чехов в Художественном театре (Воспоминания) // Чехов в воспоминаниях современников / сост. Н.И. Гитович. — М.: Художественная литература, 1986. – 237 с.

234. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. / Ю.С. Степанов - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997

[Электронный ресурс]. - Режим доступа:

<http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>.

235. Стернина И. А. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 С.

236. Суперанская А. В. Святой Лаврентий на Чукотке. / А. В. Суперанская // «Российская газета» - Неделя №4881. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2009/04/02/familii.html>

237. Сыромля Н. Н. Лингвоимагология и дискурсология как новые направления языкознания // Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. праць / редкол. : Ю. В. Кравцова (відп. ред.) [та ін.] ; Мін-во освіти і науки України ; Нац. пед. ун-т імені М. П. Драгоманова. – Київ : Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2017. – Вип. 11. – С. 24-32.

238. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия – М.: Наука, 1986. – 141 с.

239. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. / С. Г. Тер-Минасова— Слово, Москва, 2000. — С. 264.

240. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. / С. Г. Тер-Минасова — Слово, Москва, 2008. — С. 344.

241. Тер-Минасова С. Г. Об особенностях трактовки термина «имидж» в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 2. — С. 32—45.

242. Тихомиров О. К. Психология мышления : Учебное пособие / О. К. Тихомиров. — М. : Издательство Моск. ун-та, 1984. — 272 с.

243. Томашевский В. Б. Примечания к произведениям А.С. Пушкина. / В.Б. Томашевский // Электронное научное издание [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp>

244. Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. / А.Л. Топорков – М.: ИНДРИК, 1997. – 203 с.

245. Тупчий А. В. Английский сад как логоэпистема / Мова і культура (Науковий журнал). – Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010 – Вип. 13 –Т.Х (146). – 112 с. стр. 21-24

246. Тупчий А. В. Прецедентные имена как вербальные составляющие образа Англии в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина / «Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского». серия «Филология Социальные коммуникации» сборник научных трудов Том 23 (62) №4), Информационно – издательский отдел ТНУ, 2010. – 612с. стр.476 – 481

247. Тупчий А. В. Логоэпистема «английская лошадь» / Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. серія № 9. Сучасні тенденції розвитку мов. – Випуск 5: збірник наукових праць/ за ред. В.І. Гончарова – К.: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2011. – 292с. стр. 265-270

248. Тупчий А. В. Миниэтномифологема «тихий англичанин» в рамках этномифологеми «англичанин» / «Система і структура східнослов'янських мов»: зб. Наукових праць/ редкол. : В.І. Гончаров (відп. Ред.) [та ін.] ; Мін-во освіти і науки України ; Нац. пед. ун-т імені М.П. Драгоманова. – Київ : Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2011 р. - Випуск 3. – 319 с. стр.127 - 132

249. Тупчий А. В. Логоэпистема «английский клуб» как один из аспектов отображения образа Англии в русском языковом сознании конца 18 - первой половины 19 века / «Наукові записки Луганського національного університету», серія «Філологічні науки». Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір : зб.наук. праць – №1 (33). – Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка, 2011. – 358с. стр. 217 - 226

250. Тупчий А. В. Логоэпистема «английский язык» как один из аспектов отображения образа Англии в русском языковом сознании конца 18 - первой половины 19 века / «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского»: сборник науч. трудов. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. №2. Часть 1.- 2011, 534с. стр.224 - 230

251. Тупчий А. В. Жест «рукопожатие» как культурное заимствование / «Система і структура східнослов'янських мов»: зб. Наукових праць/ редкол. : В.І. Гончаров (відп. Ред.) [та ін.] ; Мін-во освіти і науки України ; Нац. пед. ун-т імені

М.П. Драгоманова. – Київ : Вд-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2014 р. - Випуск 7. – 196с. стр.183 - 188.

252. Тупчий А. В. Миниэтномифологема «гордый англичанин» в рамках этномифологеми «англичанин» / «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования» : сб. науч. тр. VII Междунар. конф., Брест, 26-27 нояб.2015 г. : в 2 ч. / Брест .гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О.Б. Переход. – Брест : Бр. ГУ, 2016. – Ч. 1–296с. стр.75 – 79.

253. Тупчий А. В. Языковые средства, отображающие образ Англии, в «Статейных списках» Ф. Писемского и Г. Микулина. (лингвоимагологический аспект) / Русский язык: система и функционирование (К 95 –летию БГ,50-летию кафедры русского языка,90-летию профессора П.П.Шубы) : сб.материалов VII Междунар. Науч. конф ., Минск, 18-19 окт. 2016г. / редкол. :И.С. Ровдо (отв.ред.) [и др.] – Минск : РИВШ 2016. – 352с. стр. 88 – 92.

254. Тупчий А. В. Миниэтномифологема «леди» и «прекрасная англичанка» как компоненты этномифологеми «англичанка» (лингвоимагологический аспект) /«Система і структура східнослов'янських мов»:зб. Наукових праць/ редкол. : Ю.В. Кравцова (відп. Ред.) [та ін.] ; Мін-во освіти і науки України ; Нац. пед. ун-т імені М.П. Драгоманова. – Київ : Вд-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2017 р. - Випуск 11. – 254с. стр. 223 - 231.

255. Тупчий А. В. Заимствования «потаты» и «пудинг» как аспекты отображения образа Англии в русском языковом сознании конца 16 — первой половины 19 века (лингвоимагологический аспект). / «Болгарская русистика»: сборник статей /доц. д-р Илиана Владова (главный редактор .) – Болгария, София Дружество на русистите в България, 2018 г. – Выпуск 2. – 92 с. стр. 30 – 37.

256. Фадеева И., Сулимов В. Национальный семиозис и современная русская культура // История совести. — Сыктывкар, 2011. — № 34. — С. 425 — 428.

257. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. Избранные труды. / Ф.П. Филин/ М,: Бослен, 2008. – 138 с.

258. Фокс К. Англия и англичане. О чем молчат путеводители / К.Фокс ; [пер. с англ. И.П. Новоселецкой]. М. : РИПОЛ классик ,2013 . – 512 с.

259. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте : [учеб. пособ.] / О. И. Фонякова. – Ленинград : Печатно-множительная лаборатория ЛГУ, 1990. – 105 с.

260. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. / Р. М. Фрумкина. — М. : Наука, 1984. —175 с.

261. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. Михайлова А.В. / М. Хайдеггер. — М. : Академический Проект, 2008. — 528 с.

262. Хамидуллина С. В. Концепт «счастье» в русском языковом сознании // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 371–375.

263. Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский. // Новое в лингвистике. — 1962. — С. 412—527.

264. Хомский Н. Язык и мышление. / Н. Хомский. — М. : Изд-во Московского университета, 1972. — 121 с.

265. Хорев В. А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. — М.: Индрик, 2000. — С. 22—32.

266. Хренов Н.А. Урбанизационные аспекты перехода в культуре // Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. — М.: Наука, 2001. – 308 с.

267. Чайф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. —/ У. Чайф. — М. : Языки славянской культуры, 2015.

268. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного / И. Ю. Черепанова. — М. : "КСП+", 1999. — 416 с.

269. Церковнославянский имяслов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://armih.ru/vert/uchebniki/tzerkslav>

270. Цявловская Т.Г. Комментарии Т.Г. Цявловской к стихотворению А.С. Пушкина «Лаиса, я люблю твой смелый, вольный взор» / Псс А.С. Пушкина в 10 томах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rvb.ru/pushkin/02comm/0274.htm>

271. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шредингера : язык и сознание. / Т. В. Черниговская. — М. : Языки славянской культуры, 2013. — 448 с.

272. Чернышова Т. В. Лингвоконфликтология: новые возможности формирования компетенций магистров журналистики // Ученые записки Новгородского гос. университета (электронный научный журнал НовГУ). 2015. № 1. URL: <http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1146715>.

273. Черняева Е. Сад идей [Электронный ресурс] / Екатерина Черняева — Садовник - январь 2006 - Режим доступа : <http://www.sadovnikmag.ru>

274. Чернявская Е. В. Лингвистика текста : Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. / Е. В. Чернявская. — М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. — 248 с.

275. Шадрин В. И. К проблеме ономаσιологической интерпретации сложных существительных в английском языке / В.И. Шадрин //Проблемы словообразования в английском и немецком языках: Межвуз. сб. науч. тр. — Смоленск, 1982. -С. 112-119

276. Шапир М. Какого «Онегина» мы читаем? / Максим Шапир // Ежемесячный литературно-художественный журнал Новый мир № 6 2002 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/6

277. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. / А. Б. Шапиро. — М. : Издво Академии Наук СССР, 1955. — 398 с.

278. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. — М. : Учпедгиз, 1941. —288 с.

279. Шепель В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям. / В.М. Шепель — М., 2002. – 124 с.

280. Шестов Л. И Шекспир и его критик Брандес / Л.И. Шестов статья (1898) НКРЯ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

281. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая деятельность / А. Д. Шмелев. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.

282. Шмелев Д. Н. Слово и образ / Д. Н. Шмелев. — М. : Наука, 1964. — 120 с.

283. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы) : монография / М. Р. Шумарина. — М. : Флинта: Наука, 2011. — 328 с. 291

284. Щасливая Н. С. Имя собственное как средство реализации интертекстуального потенциала в автобиографическом тексте (на материале произведения В. Каверина «Освещенные окна») / Н. С. Щасливая. // Наукові записки. – Випуск 105 (2). – Серія : Філологічні науки (мовознавство) : У 2 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2012.– С. 290–296.

285. Щасливая Н. С. Особенности функционирования интертекстуальных средств в автобиографическом дискурсе (на материале трилогии В. Каверина «Освещенные окна») / Н.С. Щасливая. // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія № 9. Сучасні тенденції розвитку мов. – Випуск 8 : збірник наукових праць / [за ред. В.І. Гончарова]. – К. : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2012. – С. 179–186.

286. Щасливая Н. С. Поэтика интертекстуальности (на материале прозы Ю. Нагибина) / Н. С. Щасливая. // Система і структура східнослов'янських мов : До 175-річчя Національного педагогічного університету імені М. П. Дрогоманова : Зб. наук. праць / Редкол. В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. – «Освіта України», 2010. – С. 235–239.

287. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Избранные труды по русскому языку. - М., 1974. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://russiasng.iphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid

288. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса : монография / Л.А. Шестак– Волгоград : Перемена, 2003. – 312с.

289. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стер. / Л. В. Щерба. — М. : Эдиториал УРСС, 2004. — 432 с.
290. Щирова И. А. Психологический текст : деталь и образ / И. А. Щирова. — СПб.: Изд-во Филологического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета, 2003. — 116 с.
291. Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. — М. : Советский писатель, 1984.
292. Эразм Роттердамский Разговоры запросто. М.: Художественная литература, 1969. 704 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа http://krotov.info/library/26_ae/aera/zm_13.htm
293. Юнг К. Г. Архетип и символ : пер. с англ. / К. Г. Юнг. — М. : Ренессанс, 1991. — 299 с.
294. Якобсон Р. Я. Лингвистика и поэтика / Пер с англ. И. А. Мельчука // Р. Я. Якобсон // Структурализм : за и против // Сб. статей под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова / Р. Я. Якобсон. — М. : Прогресс, 1975. — 209 с.
295. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. — М. : Гнозис, 1994. — 344 с.
296. Якубинский П. Л. Реформа литературного языка при Петре I / Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. - М., 1986.- С. 159-162) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://project.phil.pu.ru/lib>
297. Яцура А. П. Прецедентные имена поэтических и прозаических произведений Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко : [моногр.] / А. П. Яцура. — Нежин : ООО «Видавництво Аспект-Поліграф», 2011. — 256 с.
298. Aijmer K. Apologies. Conversational Routines in English: Convention and Creativity. London: Longman, 1996. Pp. 18–123.
299. Beller M. Perception, image, imagology // Imagology: The Cultural Construction and Literary representation of National Characters. N.Y., 2007.
300. Dyserinck H. Komparatistik. Eine Einf hrung / Hugo Dyserinck. — Bonn : Bouvier, 1977.

301. Fischer M. Komparatistische Imagologie. Fur eine interdisziplinare Erforschung national-imagotyper Systeme // Zeitschrift fur Sozialpsychologie. — 1979. — № 3.

302. Holmes J. An Analysis of politeness strategies in interaction. Journal of Pragmatics, 20. 1993. Pp. 91–116.

303. Johnson-Laird P. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Harvard: HUP, 1983.

304. Landow George P. Hypertext : The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology / George P. Landow. – Baltimore : Johns Hopkins Press, 1992. – P. 3–50.

305. Lehtonen J. Cultural stereotypes as a projection of national self-consciousness // Proceedings of the 9th Annual Intercultural and International Communication Conference. – Miami: University of Miami, 1992. – С.144-146.

306. Leerssen J. Imagology: history and method. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf>

307. Moura J.-M. L'imagologie littéraire: tendances actuelles // Perspectives comparatistes / J. Bessière, D.-H. Pageaux. — P., 1999.

308. Room A. An Alphabetical Guide to the Language of Name Studies / A. Room. – Lanham, MD. – London : The Scarecrow Press, 1996. – P. 37–82.

309. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

310. Thomas J. Introduction to pragmatics. Longman, London and New York, 1996. Pp. 99–102.

311. Wenz, Karin. Raum, Raumsprache und Sprachräume. Zur Textsemiotik der Raumbeschreibung. Tübingen: Gunter Narr Verlag. 1997.

СПИСОК СПРАВОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

312. Алефиренко Н. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М. : Эллис, 2008. — 472 с.

313. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. / О.С. Ахманова – М., 1969. – 571 с.

314. Бабичев Н.Т., Боровской Я.М. Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений. / Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровской. — М.: Русский Язык. 1982. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/

315. Бацевич Ф.С., Богданович Г.Ю. Українсько-російський словник термінів міжкультурної комунікації. / Ф.С. Бацевич, Г.Ю. Богданович – Саки: ПП «Підприємство “Фенікс”», 2011. - 284с.

316. Биологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://gufo.me/content_bigencslov/kartofel151310.html#ixzz4RHIUOodt

317. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. Ред. В. Н. Телия. — М. : АСТ-Пресс Книга, 2009. — 784 с.

318. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. — М., СПб. : Наука, 2004 –

319. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com>

320. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. — К.; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. — 1728 с. — ISBN 966-569-013-2.

321. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка Т1 – 4 / В. И. Даль Т.1. А – З — М. :Русский яз., 1981 — 699 с.

322. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка Т1 – 4 / В. И. Даль Т.2. И – О — М. :Русский яз., 1981 — 779 с.

323. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка Т1 – 4 / Т.3 П — М. :Русский яз., 1982 — 555 с.

324. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка Т1 – 4 / В. И. Даль Т.4. П – V— М. :Русский яз., 1980 — 683 с.
325. Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзефович Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. М., 2013.
326. Колесников Н. П. Словарь антонимов русского языка Н. П. Колесников; под ред. Н. М. Шанского. — Тб. : Изд-во Тбилисского ун-та, 1972. — 316 с.
327. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков М.: Сов. Энцикл., 1962—1978. Т. 1—9 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp>
328. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Рус.яз., 1998. – С. 81. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://megabook.ru/encyclopedia/book>
329. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
330. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://gufo.me/content_kuznec/vist-119666.html#ixzz4RZeXVeNO
331. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка: Ок. 52 000 слов. — М. : Русский язык, 1986. — 1136 с.
332. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. Ред. В.Н. Ярцева. - М.: Сов.энциклопедия, 1990.-685с.
333. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. — М. : Издательский центр «Азбуковник», 2009. — XXII, 1087 с.

334. Макаров В. И., Матвеева Н.П. Словарь лексических трудностей художественной литературы / В.И. Макаров, Н.П. Матвеева — К. :Рад. шк.,1989.- 367с.
335. Михельсон А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней / Михельсон А.Д., М. Издание книгопродавца А. И. Манухина, 1865. — 718 с. _[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.sugargrovelibrary.org/index.php/list/10-slovar-inostrannyh-slov/1.xhtml>
336. Мокиенко В. М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-373-01351-2.
337. Мюллер В. К., Боянус С.К Англо-русский словарь. / Сост.: Мюллер В.К., Боянус С.К. – К.: «Каннон», 1997. – 688с.
338. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов Государственное издательство иностранных и национальных словарей Москва 1963- 900с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/>
339. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. / Е.С. Отин – 3-е изд., прераб. и доп. - Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд, 2010 .- 518 с.
340. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке.- Попов М., 1907. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords
341. Павленков Ф.Ф. Энциклопедический Словарь / Ф.Ф. Павленков (2-е изд.) Ф. Павленкова. 1907. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords
342. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты /В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
343. Русский язык : Энциклопедия / [под ред. Ю. Н. Караулова]. – М. : Науч. изд-во «Большая Рос. энциклопедия», 2003. – 704 с.

344. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь /И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б.Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных ; [под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова]. – М. : Гнозис, 2004. – Вып. 1. – 318 с.

345. Сводная энциклопедия афоризмов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/>

346. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/89640>

347. Словарь Академии Российской (в шести частях) СПб. Императорская Академия Наук 1789 -1794 г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.runivers.ru/lib/book3173/>

348. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд. испр. М., 1983.

349. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 2-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 2000.

350. Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970—1980) Словник української мови: в 11 томах. — Том 1, 1970. — Стор. 687. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sum.in.ua/s/vitatusja>

351. Сорокин Ю.С. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—2011. — Вып. 1—21; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992—2011

352. Тресиддер Д. Словарь символов / Д.Тресиддер [Электронный ресурс].Режимдоступа:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/201.php

353. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>

354. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М.Фасмер 1964–1973 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://vasmer.lexicography.online/>

355. Черных. П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. Издательство: Русский язык, 1994 г.

356. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка". / А. Н. Чудинов ,СПб., Издание В.И.Губинского,1910 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwwords/

357. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. Вып. 5 PDF Под ред. Н. М. Шанского. – М.: Московский университет, 1973. – Т. I. Вып. V. Д, Е, Ж. – 304 с.

358. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина. – М. : ООО Издательство АСТ; Харьков : Торсинг, 2003. — 591 с.

359. Этимологический словарь славянских языков: (Праслав. лекс. фонд): Проспект. Проб. ст. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

360. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Часть первая.. — СПб.: Императорская академия наук, 1803. Часть вторая.. — СПб.: Императорская академия наук, 1804. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://books.google.fr/books?id=qSdKAAAАсAAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>

361. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд.– М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

362. Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.britannica.com/>

363. Longman Idioms Dictionary: over 6000 Idioms / ed. K.Stern. Addison Wesley Longman Ltd, 2000.

364. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://en.oxforddictionaries.com>

365. Translation English – Russian Collins Dictionary [Электронный ресурс].
 - Режим доступа: (<http://dictionary.reverso.net/english-russian>)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

366. Аксаков С.Т. Аленький цветочек : Сказка ключницы Пелагеи /
 Художн.Е.Д.Петрова. / С.Т. Аксаков - М.:Дрофа-Плюс,2005.- 64с.: ил.
 (Русские классики -детям).

367. Боханов А.Н. Письма Александра III императрице Марии Федоровне.
 1891–1892 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 149–167. [Электронный
 ресурс]. — Режим доступа:
http://romanovy.rhga.ru/aleksiii/okru/detail.php?ELEMENT_ID=6427

368. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред Н. М. Карамзин //
 Университетская типография, у Любиа, Гария и Попова, Москва – 1802
 №1[Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-811.html>

369. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин //
 Университетская типография, у Любиа, Гария и Попова, Москва – 1802, №2
 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-846.html>

370. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин //
 Университетская типография, у Любиа, Гария и Попова, Москва – 1802, №3
 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-861.html>

371. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин //
 Университетская типография, у Любиа, Гария и Попова, Москва – 1802, №4с
 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-949.html>

372. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин //
 Университетская типография, у Любиа, Гария и Попова, Москва – 1802, № 7
 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1242.html>

373. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин //

Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1802, №8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1242.html>

374. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1802, №11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1326.html>

375. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1802 год, №12, №13 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1326.html>

376. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1802 №16 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1375.html>

377. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1803 №3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1534.html>

378. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1803 г., №10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1571.html>

379. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1803 г., № 11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1571.html>

380. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1803, №13 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1572.html>

381. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. Н. М. Карамзин // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – №22 1803 г с [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1608.html>

382. Вестник Европы (факсимиле) // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1804, №1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1656.html>

383. Вестник Европы (факсимиле) // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1804 №2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1656.html>

384. Вестник Европы (факсимиле) // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1804, №6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1717.html>

385. Вестник Европы (факсимиле) // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1804г №12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1736.html>

386. Вестник Европы (факсимиле) // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва –1804, №23 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1791.html>

387. Вестник Европы (факсимиле) // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1804, №24 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1791.html>

388. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. М. Каченовский // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1805, №5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1849.html>

389. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. М. Каченовский // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1805 №9 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1872.html>

390. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. М. Каченовский // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1805, №11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1872.html>

391. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. М. Каченовский // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1805 №19 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-1924.html>

392. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. М. Каченовский // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1806, №4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-2034.html>

393. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. М. Каченовский // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1806, №5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-2045.html>

394. Вестник Европы (факсимиле) / гл. ред. М. Каченовский // Университетская типография, у Любия, Гария и Попова, Москва – 1806, №11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://imwerden.de/publ-2132.html>

395. Врангель П. Н. «Записки» (1916-1921) / П. Н. Врангель [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/index.html>

396. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml

397. Гоголь Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь Вступит. статья П. Антокольского / М., «Худож.Лит.» ,1979 - 398с.

398. Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством / Н.В. Гоголь. Избранные сочинения - М.: Правда, 1985. - 672с.

399. Гоголь Н.В. Портрет / Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в 9 т. Т. 3 Повести. М.: Русская книга, 1994.. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/77/index.html>

400. Гончаров И. А. Обрыв / И.А. Гончаров [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0030.shtml

401. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада» / И.А. Гончаров Том 1 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://az/lib.ru/g/goncharow I a/text_0082.shtml](http://az/lib.ru/g/goncharow_I_a/text_0082.shtml)

402. Грибоедов А. С. Горе от ума / А.С. Грибоедов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/g/griboedow_a_s/text_0010.shtml

403. Григорьев А. А «Гамлет» на одном провинциальном театре / Григорьев А.А. статья 1845 [НКРЯ] Грибоедов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

404. Дашкова Е. Р. Записки Е.Р. Дашковой . [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Dashkova/Dashkova.htm>

405. Державин Г. Р. Кружка / Г.Р. Державин [Электронный ресурс]. —

Режим доступа: <http://er3ed.qrz.ru/derzhavin.htm#priglasenie>

406. Из писем П. А. Вяземского [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0230.shtml

407. Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. / Н.М. Карамзин М.; Л., 1964. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol2/02criticism/32.htm

408. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника/ Н. М. Карамзин - М. Правда, 1988. – 544с.

409. Карамзин Н. М. «Поэзия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [w.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol2/01poems/10.htm](http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol2/01poems/10.htm)

410. Лазарев А.П. Плавание вокруг света на шлюпе Ладоге в 1822,1823,1824 годах / Андрей Петрович Лазарев, Спб. Морская типография, 1832 - 274с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.runivers.ru/lib/book3134/9862/>

411. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/lermontov/geroi.txt&page=12>

412. Лермонтов М. Ю. Княгиня Лиговская / М.Ю. Лермонтов: Роман // Сочинения: В 6 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954—1957.Т. 6. Проза, письма. — 1957. — С. 122—189. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/lerm06/vol06/le6-122-.htm>

413. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений и писем в 11 томах (АН СССР, 1950—1983) «Доношение в Академию Наук о выдаче математических сочинений Ньютона»: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo9/lo9-3221.htm>

414. Макаров П. И. Россиянин в Лондоне, или письма к друзьям моим. [Электронный ресурс] /П. И. Макаров // Вестник Европы — 1804. — № 9. — С. 3. — Режим доступа к журн. : imwerden.de/cat/modules.ph

415. Мир чистокровной верховой лошади [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://thoro.narod.ru>

416. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>

417. Овчинников В. «Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах»/ Новый мир №№ 4-6, 1979 г. / В. Овчинников [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://vivovoco.rsl.ru/VV/E_LESSON/OAK/PART_02.HTM

418. Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым . [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/vyazemsky_ostafevsky_archiv_tom4_1899.pdf

419. Отечественные записки 1825г. №23 / Спб. Типография А. Смирдина 1825 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://book-old.ru/BookLibrary/00570-Otechestvennyie-zapiski/1825.-Otechestvennyie-zapiski-chasti-21-24.html>

420. Путешествия русских послов XVI – XVII вв.: Статейные списки / Отв. ред. Д. С. Лихачев; Ред. изд-ва Г.И. Зикеев. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 490 с:

421. Пушкин А. С. Евгений Онегин / Пушкин А.С. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2.- К.: Дніпро, 1979.- 406 с.

422. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 1 Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

423. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 2 Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

424. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 3 Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

425. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 4
Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

426. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 5
Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

427. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 6
Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

428. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 7
Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

429. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 8
Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

430. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 9
Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

431. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 10
Воспроизводится по изданию: А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
М.: ГИХЛ, 1959 — 1962. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<http://rvb.ru/pushkin/toc.htm>

432. Рогинский З. И. Роспись городу Лундану и всей аглинской земли. /
Лондон 1645 – 1646 годов : новые источники о поездке гонца Герасима

Семеновича Дохтурова в Англию [Text] / З. И. Рогинский ; Ярославский государственный педагогический институт им. К. Д. Ушинского. - Ярославль : 1960. - 23 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Opis/frametext.htm>

433. Розен Е. Ф. Из статьи «Ссылка на мертвых» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-114.htm>

434. Салтыков А. Д. Письма из Индии / А.Д. Салтыков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XIX/1840-1860/Saltykov/frametext12.htm>

435. Сербинович К. С. К. С. Сербинович о Н. М. Карамзине / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Б. Д. Гальпериной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. — С. 193—202. — [Т.] IX. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.runivers.ru/doc>

436. Сумароков А. П. «Две эпистолы» / А. П. Сумароков, Избранные произведения (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», Л. 1957 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rvb.ru/18vek/sumarokov/01text/01versus/06epistles/041.htm>

437. Толстой Л. Н. / Собрание сочинений в 22 томах. М.: Художественная литература, 1978 — 1985. Т. 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rvb.ru/tolstoy/toc.htm>

438. Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697-1699) / Серия «Литературные памятники» М., Наука, 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_p_a/text_0020.shtml

439. Тургенев И. С. Отцы и дети. / И.С. Тургенев // Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Том 117. М., "Художественная литература", 1971 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/96/index.html>

440. Фильдинг Г. История Тома Джонса, найденыша / Генри

Фильдинг История Тома Джонса, найденыша. - М. Художественная литература, 1973. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://flibusta.net/b/330948/read>

441. Фонвизин Д. И. Записки первого путешествия (Письма из Франции) / Д. И. Фонвизин [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://emsu.ru/lm/cc/fonvizin.htm>.

442. Чехов А. П. Дочь Альбиона / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах (М.: Наука, 1974—1983); Электронное научное издание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp2/sp2-195-.htm>

443. Шекспир В. Гамлет, принц Датский (пер. М. Лозинский) / Уильям Шекспир. // ПСС в 8 томах [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt>

444. G. G. Вурон. Poetry [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.poetryfoundation.org/poemsn>

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника»

Вообразите бесконечные аллеи, целые леса, ярко освещенные огнями; галереи, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великих людей; среди густой зелени триумфальные пылающие арки, под которыми гремит оркестр; везде множество людей, везде столы для пиришествва, убранные цветами и зеленью. Ослепленные глаза мои ищут мрака, я вхожу в узкую крытую аллею, и мне говорят: «Вот гульбище друидов»¹. Иду далее: вижу, при свете луны и отдаленных огней, пустыню и рассеянные холмики, представляющие римский стан; тут растут кипарисы и кедры. На одном пригорке сидит Мильтон — мраморный — и слушает музыку; далее — обелиск, китайский сад; наконец нет уже дороги... Возвращаюсь к оркестру.

Если вы догадливы, то узнали, что я описываю вам славный английский Воксал, которому напрасно хотят подражать в других землях. Вот прекрасное вечернее гульбище, достойное умного и богатого народа!...

Лондонский Воксал соединяет все состояния: тут бывают и знатные люди и лакеи, и лучшие дамы и публичные женщины. Одни кажутся актерами, другие — зрителями. — Я обходил все галереи и осмотрел все картины, написанные по большей части из Шекспировых драм или из новейшей английской истории. Большая ротонда, где в ненастное время бывает музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь, видишь себя в десяти живых портретах.

Часу в двенадцатом начались ужины в павильонах, и в лесочке заиграли на рогах. Я отроду не видывал такого множества людей, сидящих за столами, — что имеет вид какого-то великолепного праздника. Мы сами выбрали себе павильон, велели подать цыпленка, анчоусов, сыру, масла, бутылку кларету и заплатили рублей шесть.

Воксал в двух милях от Лондона и летом бывает отворен всякий вечер; за вход платится копеек сорок. — Я на рассвете возвратился домой, будучи весьма

доволен целым днем. [408, с. 467]

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

И. А. Гончаров, «Фрегат «Паллада»»

Общество благоденствует: независимость и собственность его неприкосновенны. Но зато есть щели, куда не всегда протеснится сила закона, где бессильно и общественное мнение, где люди находят способ обойтись без этих важных посредников и ведаются сами собой: вот там-то машина общего движения оказывается неприменимою к мелким, индивидуальным размерам и колеса ее вертятся на воздухе. Вся английская торговля прочна, кредит непоколебим, а между тем покупателю в каждой лавке надо брать расписку в получении денег. Законы против воров многи и строги, а Лондон считается, между прочим, образцовою школою мошенничества, и воров числится там несколько десятков тысяч; даже ими, как товарами, снабжается континент, и искусство запираць замки спорит с искусством отпираць их. Прибавьте, что нигде нет такого количества контрабандистов. Везде рогатки, машинки для поверки совестей, как сказано выше: вот какие двигатели поддерживают добродетель в обществе, а кассы в банках и купеческих конторах делаются частенько добычей воров. [401]

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Л. Н. Толстой, «Анна Каренина»

Но только что въехав на широкий полукруглый двор и слезши с извозчика, он вступил на крыльцо и навстречу ему швейцар в перевязи беззвучно отворил дверь и поклонился; только что он увидал в швейцарской калоши и шубы членов, сообразивших, что менее труда снимать калоши внизу, чем вносить их наверх; только что он услышал таинственный, предшествующий ему звонок и увидал, входя по отлогой ковровой лестнице, статую на площадке и в верхних дверях третьего, состарившегося знакомого швейцара в клубной ливрее, неторопливо и не медля отворявшего дверь и оглядывавшего гостя, — Левина охватило

давнишнее впечатление клуба, впечатление отдыха, довольства и приличия.—
Пожалуйста шляпу, — сказал швейцар Левину, забывшему правило клуба
оставлять шляпы в швейцарской. — Давно не бывали. Князь вчера еще записали
вас. Князя Степана Аркадьича нету еще...»;

В лице Вронского светилось тоже общее клубное веселое добродушие...;

Выйдя из-за стола, Левин, чувствуя, что у него на ходьбе особенно
правильно и легко мотаются руки, пошел с Гагиным через высокие комнаты к
бильярдной. Проходя через большую залу, он столкнулся с тестем.

— Ну, что? Как тебе нравится наш храм праздности? — сказал князь, взяв его
под руку. — Пойдем пройдемся.

— Я и то хотел походить, посмотреть. Это интересно.

— Да, тебе интересно. Но мне интерес уж другой, чем тебе. Ты вот смотришь
на этих старичков, — сказал он, указывая на сгорбленного члена с отвислою
губой, который, чуть передвигая ноги в мягких сапогах, прошел им навстречу, —
и думаешь, что они так родились шлюпиками.

— Как шлюпиками?

— Ты вот и не знаешь этого названия. Это наш клубный термин. Знаешь, как
яйца катают, так когда много катают, то делается шлюпик. Так и наш брат:
ездишь-ездишь в клуб и сделаешься шлюпиком...»;

«Только первое время, пока карета выезжала из ворот клуба,
Левин продолжал испытывать впечатление клубного покоя, удовольствия и
несомненной приличности окружающего; но как только карета выехала на улицу
и он почувствовал качку экипажа по неровной дороге, услышал сердитый крик
встречного извозчика, увидел при неярком освещении красную вывеску кабака и
лавочки, впечатление это разрушилось... [437]

Приложение Г

Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника»

«...при каждом огромные конюшни, где лошади живут лучше многих людей на
свете. Вы читали «Гулливерово путешествие»; помните, что он заехал в

царство лошадей, у которых люди были в рабстве...Эта выдумка Свифта казалась мне странною, но приехав в Англию я понял сатирика: он шутил над своими земляками, которые по страсти к лошадям, ходят за ними по крайней мере как за нежными друзьями своими. Резвые скакуны здесь только что не члены парламента и без всякого излишнего самолюбия могут вообразить себя господами людей.» [408, с. 492]

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника»

*А я заключу это письмо двумя-тремя словами об английском языке. Он всех на свете легче и простее, совсем почти не имеет грамматики, и кто знает частицы *of* и *to*, знает склонения; кто знает *will* и *shall*, знает спряжения; все неправильные глаголы можно затвердить в один день. Но вы, читая, как азбуку, Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете с англичанами немые и глухи, то есть ни они вас, ни вы их не поймете. Так труден английский выговор, и столь мудрено узнать слухом то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что мне напишут, а в разговоре должен угадывать. Кажется, что у англичан рты связаны или на отверстие их положена министерством большая пошлина: они чуть-чуть разводят зубы, свистят, намекают, а не говорят. Вообще английский язык груб, неприятен для слуха, но богат и обработан во всех родах для письма — богат краденым или (чтоб не оскорбить британской гордости) отнятым у других. Все ученые и по большей части нравственные слова взяты из французского или из латинского, а коренные глаголы из немецкого. Римляне, саксонцы, датчане истребили и британский народ и язык их; говорят, что в Валлисе есть некоторые его остатки. Пестрота английского языка не мешает ему быть сильным и выразительным, а смелость стихотворцев удивительна; но гармонии и того, что в реторике называется числом, совсем нет. Слова отрывистые, фразы короткие, и ни малого разнообразия в периодах. [408, с. 482]*

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Н. В. Гоголь, «Мертвые души»

Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии. А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе.[397, с.183]

ПРИЛОЖЕНИЕ З

Выдержки из «Магны Харты»

13. И город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города, местечки, селения и порты имели все вольности и свои свободные обычаи ...

28. Ни констебль, ни другой какой-либо наш чиновник не должен брать ни у кого хлеб или другое имущество иначе, как немедленно же уплатив за него деньга или же получив от продавца добровольное согласие на отсрочку (уплаты)...

40. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их...

45. Мы будем назначать судей, констеблей, шерифов и бэйлифов лишь из тех, которые знают закон королевства и имеют желание его добросовестно исполнять.» [27]

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Овчинников В. «Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах»

Над английской толпой всегда как бы приспущена завеса молчания, она приспущена не до конца, не настолько, чтобы превратить массовую сцену в кадр из немого кинофильма. И все-таки не можешь отделаться от ощущения, что некий невидимый звукооператор убавил регулятор громкости до каких-то минимальных и непривычных нам пределов. На перроне вокзала или в универмаге, в переполненном пабе или театральном фойе чувствуешь себя будто отделенным от скопления людей незримой звуконепроницаемой стеной.

Эта приспущенная над английской толпой завеса молчания (или, на худой конец, полумолчания) особенно поражает потому, что люди вокруг отнюдь не молчат, а разговаривают друг с другом. Да-да! Дело не в том, что англичане немногословны (хотя данная черта присуща им куда больше, чем другим народам). Дело в том, что эти островитяне разговаривают каким-то особым голосом: приглушенным, почти усталым. Они беседуют так, словно каждый из них в одиночестве выражает вслух собственные мысли. [417.]

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Е. Р. Дашкова «Записки»

«Между прочим, я познакомилась здесь с миссис Гамильтон, дочерью туанского архиепископа»;[404]

«С большим трудом я выучилась английскому языку, хотя немного знала его и прежде. Этим я обязана дружбе миссис Гамильтон и Морган; они приходили ко мне каждое утро читать английские книги и поправлять мое произношение.»; [404]

«Я испросила отпуск на три месяца, чтобы проводить Гамильтон в Москву. Показав ей любопытные места старой столицы, я повезла ее в свое любимое поместье.»;[408]

«Когда мои добрые мужики начали пить за мое здоровье, я представила им своего друга и просила выпить и за ее здоровье, сказав им при этом, что новая наша деревня будет называться Гамильтон.» [408]

ПРИЛОЖЕНИЕ Л

Чехов А. П. «Дочь Альбиона»

*Возненавидел, брат, ее! Видеть равнодушно не могу! Как взглянет на меня своими глазищами, так меня и покоробит всего, словно я локтем о перила ударился. Тоже любит рыбу ловить. Погляди: ловит и священнодействует! С презрением на всё смотрит... Стоит, каналья, и сознает, что она человек и что, стало быть, она царь природы. А знаешь, как ее зовут? Уилька Чарльзовна Тфайс! Тьфу!.. и не выговоришь!...Ничего не поймал ни я, ни эта кикимора ...просидел вот с этой стерлядью... с чертовкой с этой... Всё одно, ни бельмеса по-русски не смыслит. Ты ее хоть хвали, хоть брани — ей всё равно! Ты на нос посмотри! От одного носа в обморок упадешь! Сидим по целым дням вместе, и хоть бы одно слово! Стоит, как чучело, и бельмы на воду таращит...
...Для детей только и держу этого тритона. Не будь детей, я бы ее и за десять верст к своему имению не подпустил... Нос точно у ястреба... А талия? Эта кукла напоминает мне длинный гвоздь. Так, знаешь, взял бы и в землю вбил. [442]*

ПРИЛОЖЕНИЕ М

И. А. Гончаров, «Фрегат «Паллада»»

Живя путешественником в отелях, я мало имел случаев вблизи наблюдать женщин, кроме хозяек в трактирах, торгующих в магазинах и т. п. Вот две служанки суеются и бегают около меня, как две почтовые лошади, и убийственно, как сороки, на каждое мое слово твердят: "Yes, sir, no, sir". Они в ссоре за какие-то пять шиллингов и так поглощены ею, что, о чем ни спросишь, они сейчас переходят к жалобам одна на другую. Еще оставалось бы сказать что-нибудь о.... портсмутских дамах, продающих всякую всячину.... О последних можно разве сказать, что они отличаются такою рельефностью бюстов, что путешественника поражает это излишество в них столько же, сколько недостаток, в этом отношении, у молодых девушек. Говорят, англичанки еще отличаются величиной своих ног: не знаю, правда ли? Мне кажется, тут есть отчасти и предубеждение, и именно оттого, что

никакие другие женщины не выставляют так своих ног напоказ, как англичанки: переходя через улицу, в грязь, они так высоко поднимают юбки, что... дают полную возможность рассматривать ноги;[401]

«Наконец объяснилось, что Мотыгин вздумал "поиграть" с портсмутской леди, продающей рыбу. Это всё равно что поиграть с волчицей в лесу: она отвечала градом кулачных ударов, из которых один попал в глаз. Но и матрос в своем роде тоже не овца: оттого эта волчья ласка была для Мотыгина не больше, как сарказм какой-нибудь барыни на неуместную любезность франта.» [401]

ПРИЛОЖЕНИЕ Н

Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника»

В ожидании шести часов я гулял в парке и видел множество англичанок верхом. Как они скачут! Приятно смотреть на их смелость и ловкость; за каждую берейтер. День был хорош, но вдруг пошел дождь. Все мои амазонки спешили и под тению древних дубов искали убежища.;(Карамзин с.443);

Женщины и в Лондоне очень хороши, одеваются просто и мило; все без пудры, без румян, в шляпках, выдуманых грациями. Они ходят, как летают; за иною два лакея с трудом успевают бежать. Маленькие ножки, выставляясь из-под кисейной юбки, едва касаются до камней тротуара; на белом корсете развевается ост-индская шаль; и на шаль из-под шляпки падают светлые локоны. Англичанки по большей части белокуры, но самые лучшие из них темноволосые. Так мне показалось, а я, право, смотрел на них с большим вниманием! ; [408, с. 436]

...и на каждом шагу — в таком маленьком городке, как Дувр, — встречается вам красавица в черной шляпке, с кроткою, нежною улыбкою, с посошком в белой руке.

Так, друзья мои! Англию можно назвать землею красоты — и путешественник, который не пленится миловидными англичанками; который, — особливо приехав из Франции, где очень мало красавиц, — может смотреть равнодушно

на их прелести, должен иметь каменное сердце. Часа два ходил я здесь по улицам единственно для того, чтобы любоваться дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: «Если ты не был в Англии, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала!»— Англичанок нельзя уподобить розам; нет, они почти все бледны — но сия бледность показывает сердечную чувствительность и делается новою приятностию на их лицах. Поэт назовет их лилиями, на которых, от розовых облаков неба, мелькают алые оттенки. Кажется, будто всяким томным взором своим говорят они: «Я умею любить нежно!» — Милые, милые англичанки! — Но вы опасны для слабого сердца, опаснее нимф Калипсиных, и ваш остров есть остров волшебства, очарования. Горе бедному страннику!; [408, с. 429]

ПРИЛОЖЕНИЕ О

И. А. Гончаров, «Фрегат «Паллада»»

Я не успел познакомиться с семейными домами и потому видал женщин в церквах, в магазинах, в лодках, в экипажах, в вагонах, на улицах. От этого могу сказать только - и то для того, чтоб избежать предполагаемого упрека, - что они прекрасны, стройны, с удивительным цветом лица, несмотря на то что едят много мяса, пряностей и пьют крепкие вина. Едва ли в другом народе разлито столько красоты в массе, как в Англии. ... Англичанки большею частью высоки ростом, стройны, но немного горды и спокойны, - по словам многих, даже холодны. Цвет глаз и волос до бесконечности разнообразен: есть совершенные брюнетки, то есть с черными как смоль волосами и глазами, и в то же время с необыкновенною белизною и ярким румянцем; потом следуют каштановые волосы, и все-таки белое лицо, и, наконец, те нежные лица - фарфоровой белизны, с тонкою прозрачною кожею, с легким розовым румянцем, окаймленные льняными кудрями, нежные и хрупкие создания с лебединою шеей, с неуловимою грацией в позе и движениях, с горделивою стыдливостью в прозрачных и чистых, как стекло, и лучистых глазах. [401]

ПРИЛОЖЕНИЕ П

Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника»

В церквах сделаны ложи - и каждая занимается особливym семейством. Матери окружены детьми - и я нигде не видывал таких прекрасных малюток, как здесь: совершенно кровь с молоком, как говорят русские: одушевленные цветочки... Из церкви каждая семья идет в свой садик, который разгоряченному воображению кажется по крайней мере уголком Мильтонова Эдема; но, к счастью, тут нет змея-искусителя: миловидная хозяйка гуляет рука в руку с мужем своим, а не с прелестником, не с чичисбеем... Одним словом, здесь редкий холостой человек не вздохнет, видя красоту и счастье детей, скромность и благонравие женщин. Так, друзья мои, здесь женщины скромны и благонравны, следственно, мужья счастливы; здесь супруги живут для себя а не для света.
[408, с. 476]

...англичанка, воспитываемая для домашней жизни, приобретает качества доброй супруги и матери, украшая душу свою теми склонностями и навыками, которые предохраняют нас от скуки в уединении и делают одного человека сокровищем для другого. Войдите здесь поутру в дом: хозяйка всегда за рукодельем, за книгою, за клавесином, или рисует, или пишет, или учит детей в приятном ожидании той минуты, когда муж, отправив свои дела, возвратится с биржи, выйдет из кабинета и скажет: «Теперь я твой! Теперь я ваш!»
[408, с. 476]